Тим Пауэрс

УЖИН ВО ДВОРЦЕ ИЗВРАЩЕНИЙ

«Шедевр постапокалиптической фантастики...»

АЛЬТЕРНАТИВА ФАНТАСТИКА

Ужин во Дворце Извращений
Тим Пауэрс

Аннотация
Тим Пауэрс. Ужин во Дворце Извращений
Книга 1. Сколько уместится в руке
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
Книга 2. Выход через ворота Догтауна
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
Эпилог

Аннотация

Постапокалиптическая Америка. Когда-то Грегорио Ривас был лучшим избавителем в округе, но он бросил опасное ремесло и теперь зарабатывает на жизнь музыкой. Однажды к нему приходит Ирвин Берроуз, один из самых богатых людей цивилизованного мира, с просьбой вернуть его дочь Уранию, попавшую к сектантам-сойкам. Люди, попавшие к сойкам, очень быстро теряют рассудок и превращаются в безвольных рабов своего Мессии. Берроуз предлагает за спасение дочери огромную сумму, но не это побуждает Риваса вновь взяться за старую работу: много лет назад он был влюблен в Уранию и все еще не забыл ее. Отправляясь в путь, Ривас не подозревает, чем обернется эта экспедиция, как далеко ему придется зайти и с каким противником предстоит столкнуться.

Тим Пауэрс
Ужин во Дворце Извращений

Посвящается
Тусовке по Вечерам в Пятницу:
Крису Арена, Грегу Арена, Биллу Бейли,
Джиму Блейлоку, Дженни Банн, Питу Девриc, Филу Дику, Джеффу Фонтанези, Дону Гуди, Грису Гурлею, Дэшиллу Хэмстеру,
Рику Хардингу, К. В. Джитеру, Тому Кеньону, Дейву Лемонту, Тиму Лемонту, Стиву Мелку, Филу Пейсу, Брендану Пауэрсу, Серене Пауэрс и Филу Тибодо…
…и почетным членам: Руссу Гелену, Дину Кунцу, Рою Сквайрсу, Джоэлу Штейну,
Теду Уоссарду и Полу Уильямсу…
И — с благодарностью — Бет Мичхем,
самой восприимчивой, настойчивой и
тактичной из всех редакторов.

Книга 1
Сколько уместится в руке

Глава 1

Усевшись поудобнее в ржавом кузове грузовика-качалки, угнездившегося наверху стены, Модесто запахнул на груди куртку, надвинул шапку на лоб и, прищурившись, приготовился наблюдать. Конечно, в это время следить-то было не за кем, но парень любил забираться сюда и просто наблюдать за перемещениями внизу. Так, для поддержания формы. Внизу и слева раскинулся район Южных ворот, непривычно безлюдный из-за недавнего дождя, а дальше на юго-восток — ветхие хибары и раскисшие проезды Догтауна, затянутые пеленой дыма от горящего в канавах мусора.

По продавленной крыше кабины мальчишка перебрался вперед, устроился на капоте и посмотрел на север. Раздолбанный древний грузовик, словно приросший к стене, на которую его некогда затащили, даже не шелохнулся под его весом.

На тускло-серой северной стороне небосклона черные мазки башен, и на ажурной, чем-то напоминающий скелет верхушке Крокер-Тауэр он разглядел оранжевые точки — факелы. Ночной

дозор заступил на дежурство раньше обычного, и Модесто знал, что все бинокли и подзорные трубы обращены сейчас на восток, ведь именно оттуда могли появиться передовые отряды санбердусской армии. И хотя сам Модесто дозорных отсюда не видел, он знал, что верховые патрулируют дороги Золотого Штата от шоссе Берду на севере до Помоны на юге.

Внизу, под стеной, он заметил причудливый экипаж и заулыбался: полувосхищенно, полунасмешливо. Повозка принадлежала Грегу Ривасу, знаменитому палильщику на пеликане. Модест, как и большинство его сверстников, считал пальбу немного шумноватой исторической причудой. Причуду, напоминавшую родителей в те времена, когда те были молоды и глупы. Модесто куда больше интересовали ритмы скрэпа и такие новые танцы, как скрэппинг, джим-скрю или баг-уок.

Под скрип осей и цокот копыт повозка свернула на запад, на бульвар Шерстяных Рубах. Модесто понял, что Ривас торопится пораньше приехать к вечернему выступлению у Спинка.

Впрочем, он тут же выкинул его из головы и снова принялся наблюдать за волнительно-зловещими огнями на Крокер-Тауэр.

Повозка представляла собой старый, но отполированный до блеска кузов «шевроле», поставленный на запряженную двумя битюгами деревянную телегу, прошедший днем дождь освежил краски, и на бульваре Шерстяных Рубах не было в этот час экипажа шикарнее. Но древние предрассудки насчет того, что дождь, мол, отравлен, разогнали толпы пешеходов по домам, и только двое мальчишек вынырнули из обшарпанного подъезда с несколько вялыми криками: «Ривас! Ура, Грегорио Ривас едет!»

Ривас отдернул узорчатую занавеску, висевшую на месте давным-давно отсутствующей двери, вышел на дощатый настил телеги, поморщился, ощутив на лице моросящий дождик, и ухватился за переднюю стойку, когда кучер со скрипом остановил повозку перед домом.

Как и большинство сооружений в этой части города, это здание представляло собой неплохо сохранившийся бетонный остов с аккуратными деревянными заплатами на месте проемов, которые, если верить преданиям, некогда были забраны стеклом. В высоту здание имело три этажа, и, что опять же было характерно для этого района, верхняя часть стены, ныне украшенная рисованными орнаментами и вылинявшими

на солнце флагами, обрывалась рваной линией по месту древнего излома. Надпись над дверью, искусно выложенная металлическими полосками и битым разноцветным стеклом, гласила: «У СПИНКА».

— Ну вот, — крикнул Ривас мальчишкам. — Несмотря на выходной, вокруг ни души. Пожалуй, пара новых промоутеров мне не помешает: последнее время даже чертовы попугаи — и то выражают больше энтузиазма, чем вы, парни.

Словно в подтверждение его слов один из попугаев на верхушке ближней к ним пальмы заверещал: «Р-ривас! Р-ривас!»

— Ур-ра! — откликнулся другой с верхушки соседней пальмы.

— Слыхали? — хмыкнул Ривас, залезая обратно в экипаж за шляпой и виниловым футляром от пеликана. — Думаю, это все потому, что они работают бесплатно. Искусства ради. — Он нахлобучил на голову шляпу, огляделся по сторонам в поисках клочка мостовой посуше и спрыгнул туда.

— Зато мы не задаром, чувак, — весело возразил один из мальчишек, и оба протянули руки ладонью вверх.

— Вот поганцы корыстные, — буркнул Ривас.

Он порылся в жилетном кармане, выудил оттуда пару маленьких белых карточек и вручил по одной каждому. — Тут по мерзавчику, и вам должно быть стыдно, что берете столько.

— Еще как стыдно, чувак. — И оба исчезли в своей подворотне.

Ривас задержался перед входом в ресторан, чтобы сдвинуть древнюю шляпу под залихватским углом и расчесать пальцами темную вандейковскую бородку. Только после этого он толкнул качающуюся дверь и вошел.

Правда, он тут же в досаде прикусил губу, потому как его тщательно отрежиссированное появление осталось незамеченным: люстры, опущенные на пол после дневного наплыва посетителей, до сих пор стояли внизу не зажженными, и было весьма затруднительно хоть что-то разглядеть. А если бы не запашок прокисшего пива и подгоревшего масла, тут было бы точь-в-точь как в церкви — в перерыве между службами.

— Вот черт! — взвыл он, больно стукнувшись ногой об одну из люстр и едва не полетев через нее. — Эй, Моджо, где шляешься? Как так вышло, что эти штуки до сих пор не горят?

— Так ведь рано еще, Грег, — послышался голос из кухни. — Ща займусь.

Лавируя между деревянными колесами люстр, Ривас подошел к барной стойке, поднял поворачивающийся на петлях кусок крышки и прошел внутрь. В полутьме, на ощупь, он нашел поднос с чистыми стаканами, потом послышался нетерпеливый стук рычага, когда он накачал в стакан пива.

— Там есть открытая бутылка валюты Бёрроуза, — крикнул ему с кухни Моджо.

Ривас изобразил кислую улыбку.

— Сойдет и пиво, — нарочито беззаботно откликнулся он, повернул кран, и в стакан ударила пенная струя холодного пива.

Старина Моджо с коптящей керосиновой лампой в руках, хромая, проковылял из кухни к ближайшей люстре и принялся зажигать свечи.

— И то верно, — с отсутствующим видом согласился он. — Ты ведь у нас не любитель этого бёрроузова зелья, ведь нет?

— Я все больше пиво да виски, — ухмыльнулся Ривас. — Что, Фанданго или близнецы здесь?

— Ага, Фанданго. Вон его барабаны на сцене. Он за остальными вышел.

Из дальней двери послышались шуршание и стук.

— Эй, Грег, это ты? Поможешь мне с этими,

ладно?

— Сколько уместится в руке, Томми, — отозвался Ривас. Сунув чехол с пеликаном под мышку, потягивая на ходу пиво, Ривас пробрался в заднюю комнату, взял у Фанданго один из барабанов поменьше и вернулся в зал.

Фанданго осторожно поставил свои барабаны на пол и вытер пот с круглого лица.

— Ф-фух, — выдохнул он, облокотившись на край сцены. — Спинк спрашивал меня нынче утром, когда ты будешь, — сообщил он, понизив голос.

Ривас опустил барабан и покосился на ударника.

— И что?

— Ну, не знаю, только он вроде как был здорово зол.

— С чего ты взял? У него, поди, и во сне рожа злобная.

— Он сказал, он хочет переговорить с тобой о чем-то. — Фанданго избегал встречаться с Ривасом взглядом, делая вид, будто проверяет свои барабаны. — Ну, может, насчет этой девицы.

— Что? Этой штучки Хэммонд? — Ривас нахмурился, вдруг вспомнив, что именно Фанданго встречался с этой девчонкой прежде; собственно,

Фанданго их и познакомил. — Послушай, да она же на поверку совсем шалой оказалась.

— Тебя послушать, они все такие.

— Ну, если не все, то уж большинство точно, — буркнул Ривас, забираясь на сцену. — Тут уж ничего не поделаешь. — Он развязал шнурки футляра, поднял крышку и достал из него инструмент.

Этот инструмент не поражал размерами — не больше двух футов в длину, но он заслуженно считался самым красивым в Эллее — с грифом, вырезанным из красного дерева, с медными струнами и колками из полированных медяков; полукруглая же дека его, отделанная разными породами дерева, блестела как стеклянная. Смычок из конского волоса крепился к грифу с тыльной стороны, так что в профиль инструмент напоминал голову пеликана.

Он поставил футляр на пол сцены, сел на стул, положил инструмент на колени и пробежался пальцами по струнам. Инструмент откликнулся коротким, резким аккордом. Ривас вскинул его к плечу, отцепил смычок и осторожно, на пробу провел им по струнам. Звук вышел негромкий, но на редкость печальный.

Удовлетворенно кивнув, он спрятал инстру-

мент обратно в футляр и положил смычок рядом, потом взял с пола свой стакан с пивом.

— Как бы то ни было, — заметил он, сделав хороший глоток, — Спинк не стал бы беспокоиться из-за такой ерунды. Черт, нынче у нас одиннадцатый год Седьмого Туза — все эти верность с целомудрием сгинули через ворота Догтауна еще до нашего с тобой рождения.

Как это случалось довольно часто — особенно в последнее время, — Фанданго не смог определить, говорит это Ривас серьезно или в шутку, поэтому он не стал развивать эту тему, а вместо этого принялся расставлять и развешивать барабаны вокруг своего стула.

— Эй, — не выдержал он после нескольких минут молчания. — Не знаешь, что это за парень там, у окна?

К этому времени Моджо уже засветил несколько люстр, и их света хватило, чтобы показать крепко сложенного мужчину, сидевшего у окна недалеко от входа. Несколько секунд Ривас приглядывался к нему, не в состоянии решить, смотрит тот на него, в сторону или вообще спит; потом пожал плечами.

— Сойер его знает.

— А если знает, то не скажет, — согласился

Фанданго. — Скажи, мы сегодня больше палить будем? Я тут прорепетировал немного, кой-чего нового, пару баг-уоков, вот мне и кажется…

Ривас допил свое пиво.

— Лови! — крикнул он и бросил пустой стакан по крутой параболе в сторону Моджо. Тот опасливо оглянулся, поставил лампу на пол и в самое последнее мгновение успел схватить стакан в воздухе.

— Чтоб тебя, Грег… — пробормотал он, поднимаясь на ноги и ковыляя к бару.

— Угу, — кивнул Ривас, хмуро глядя ему вслед. — Будем палить. А что?

Нам платят не за то, чтобы Ривас лабал какие-нибудь баг-уоки, нет, подумал он. Для такой музыки нужны эти дикие юнцы с юго-восточной окраины Догтауна. Юнцы, полагающиеся на громкость своих глоток и раздолбанных инструментов, возмещая ими отсутствие музыкальных навыков.

— Я все никак не могу поймать ритма, — пожаловался Фанданго. — Ну, там, когда бы ты мне позволял просто поддерживать ритм твоего аккомпанемента или даже пения, ну, это еще туда-сюда, но уж эти третий и четвертый слои, и чтоб при этом акценты совпадали…

— Мы будем палить, — твердо заявил Ривас.

— А ты «Одинокого пьянчугу» будешь петь? — спросил Фанданго, выждав несколько минут. — Она самая сложная.

— Бог мой, Томми, — раздраженно вскинулся Ривас. — Это же твоя работа. Да, я буду ее петь. И если тебе лень учиться этому ремеслу, никто не мешает тебе отпустить бороду и побираться на улице.

— Ну да, Грег, только…

— Думаешь, я вернулся из Венеции, потому что плохо работал?

— Да нет же, Грег.

— Вот и верно. А теперь, может, прорепетируем до начала? Тебе не помешало бы.

Прежде чем Фанданго успел ответить, в углу скрипнул стул.

— Мистер Ривас! — Мужчина, сидевший у окна, встал и повернулся к нему. — Мне хотелось бы переговорить с вами, пока вы не начали.

Ривас подозрительно покосился на него. Что это, подумал он, вызов из-за чьей-нибудь поруганной жены или дочери? Впрочем, одет незнакомец был вполне пристойно: в белую фланелевую рубаху и белые же брюки с темным кожаным ремнем. Весьма, весьма пристойно,

особенно по контрасту с красным синтетическим жилетом и широкополой шляпой Риваса.

— Идет, — помедлив, ответил Ривас. — Валяйте.

— Вопрос личного характера. Не могли бы мы обсудить его здесь, за столом? Хотите выпить?

— Ну…

Моджо вынырнул с кухни с полным стаканом пива в руках, стоило Ривасу спрыгнуть со сцены.

— Спасибо, — сказал Ривас, принимая стакан. — И еще стакан того, чего пожелает гражданин.

Моджо повернулся к незнакомцу.

— Стопку валюты Бёрроуза, пожалуйста.

Ривас подошел к столу незнакомца, держа пиво в правой руке, чтобы левая, с ножом, оставалась свободной. Стул он подвинул себе ногой.

Тут появился Моджо с бренди, поставил стакан перед незнакомцем, отступил на шаг и кашлянул.

— За мой счет, Моджо, — сказал Ривас, не сводя взгляда с незнакомца. Тот оказался совершенно лыс — ни волос, ни бровей, ни даже ресниц.

— Нет, я настаиваю, — возразил мужчина. — И пиво мистера Риваса тоже. Сколько?

— Э… Полпинты.

Незнакомец достал из поясной сумки пухлый

кошелек, щелкнул замком и протянул Моджо талон-стопятидесятку. Моджо взял ее и устремился на кухню.

— Сдачи не надо, — крикнул ему вслед незнакомец. Моджо чуть сбавил шаг.

— Спасибо, — отозвался он удивленно.

— Ну? — произнес Ривас.

Незнакомец одарил Риваса откровенно ледяной улыбкой.

— Меня зовут Джо Монтекруз. Мне хотелось бы нанять вас.

Все еще изрядно озадаченный Ривас чуть расслабился и сел.

— Ну конечно. Вы хотите только меня или еще и аккомпанирующий состав? Я стою двадцать полпинт за вечер, а моя команда обойдется дополнительно в семь полпинт. Конечно, если я наберу музыкантов получше, это обойдется дороже. И еще, я занят до…

Монтекруз поднял руку, останавливая его.

— Нет. Боюсь, вы меня не поняли. Меня интересуют вовсе не ваши музыкальные способности.

— О… — Мог бы и сам догадаться, сказал он себе. — Тогда что? — спросил он уже так, на всякий случай: убедиться, что не ошибся.

— Мне нужно, чтобы вы провели избавление.

Значит, не ошибся.

— Мне очень жаль, но с той работы я ушел.

Улыбка Монтекруза — правда, не самая дружелюбная из всех возможных, — осталась по-прежнему лучезарной.

— Мне кажется, я могу сделать вам предложение, которое вернет вас на работу.

Ривас покачал головой.

— Поймите, я не шучу. Я завязал. Я хорошо зарабатываю музыкой — и потом, мне уже тридцать один как-никак. И рефлексы не те, и энергия… — Да и удача, мрачно подумал он. — К тому же со времени моей последней операции прошло три года. Страна изменилась. Так всегда бывает.

Монтекруз подался вперед.

— Ривас, — негромко произнес он. — Я говорю *о пяти тысячах эллейских полтин*.

Ривас уважительно кивнул.

— Славное предложение, — признал он. — Во всем Эллее не найти и пятидесяти людей, способных хотя бы надеяться занять такую сумму. — Он сделал большой глоток пива. — Но я завязал. Я не хочу больше рисковать своей жизнью, своим рассудком ради незнакомых мне людей. Есть ведь и другие избавители. Черт, да ведь пять тысяч в десять раз больше того, что берет обычно

Фрейк МакЭн.

— А что, МакЭн не хуже вас?

— В настоящий момент бесконечно лучше, потому что я этим вообще не занимаюсь. Спасибо за пиво… А теперь мне все-таки пора наконец показать этому олуху-барабанщику, что мне от него нужно. — Он встал из-за стола.

— Подождите-ка, — поспешно сказал Монтекруз, поднимая веснушчатую руку; вид у него уже был не такой уверенный. — Вы единственный, провернувший восемь избавлений…

— Шесть. Двое попали в Священный Город прежде, чем я их нагнал.

— Ладно, шесть. Все равно рекорд за вами. Отец девушки хочет лучшего, и, послушайте, это дело будет проще остальных. Все, что от вас требуется, — это найти ее, а уж похищением и всем прочим займется ее семья, и…

— Вот пусть ее семья все и провернет, — сказал Ривас, выпрямляясь. — Я не шучу насчет ухода из бизнеса. Можете нанять меня в качестве пеликаниста или песенника — на сегодняшний день это моя единственная профессия.

Он повернулся и двинулся было обратно к сцене, но Монтекруз с ловкостью, неожиданной для довольно тучного человека, обогнул стол и

схватил его за локоть.

— Мы заплатим *десять тысяч!* — прошипел он. Ривас устало повернулся к нему.

— Вы уже слышали мой ответ.

Еще пару секунд лицо Монтекруза оставалось бесстрастным, до странного детским.

— *Песенки?* — выпалил он с неожиданной жалостью. — Вы бросили спасать жизни ради того, чтобы сидеть в баре и петь песенки? Ах да, вы же занимались этим только ради денег, верно? А теперь, когда они и так текут к вам, любого можно… можно выпотрошить и освежевать, и вам до этого не больше дела, чем до морщинки на вашем бесценном костюме, так? Здорово, должно быть, не заботиться ни о ком, кроме себя, любимого!

Кривая, недобрая улыбка появилась на лице пеликаниста.

— Ступайте-ка домой, — произнес он, дождавшись, пока Монтекруз договорит. — И займитесь тем, в чем хоть немного разбираетесь. Мутант проклятый.

Он говорил совсем тихо, но Моджо с Фанданго услышали и беспокойно посмотрели на него.

Оскорбление, совершенно уже смертельное с учетом монтекрузовой лысины, зависло в воздухе на несколько секунд. Монтекруз так стиснул

зубы, что его внезапно побелевшее лицо показалось еще шире.

Ривас выдернул локоть и отступил на два шага; левая рука его зависла у ножен.

Наконец Монтекруз, тоже дернувшийся было за своим ножом, сделал глубокий вдох, потом выдох.

— Я не принимаю этого, Ривас. Я попридержу это. На время. — Он повернулся и зашагал к выходу.

Когда двери, скрипнув, закрылись за ним, Ривас поднял взгляд к потолку и присвистнул. Да, подумал он, совершенно не владеешь собой. Поосторожнее с пивом, старина, — ты и дома, и здесь перебираешь. Тоже мне смазка…

— Боже, Грег, — произнес Фанданго, и в голосе его звучал неподдельный ужас. — Ты с ума сошел, да? До меня только дошло: я ж никогда тебя таким не видел — ну, там, ворчишь разве, если что не так. Что он такого сказал? Что-нибудь про твое пение? Или одежду? И кого он хотел, чтобы ты…

— Ох, да заткнись же, Томми, — устало буркнул Ривас. Моджо уже зажег фонари рампы, поэтому он не позволил раздражению слишком уж проявляться на лице. — Вовсе я не сошел с ума, понял? Мне просто осточертели все, кто считает, будто

у них есть право отнимать у меня время, вот и все. И не хотел я вызывать его. — Он взял свой инструмент, смычок и не без досады заметил, что руки его дрожат; ему пришлось поспешно опустить их и подозрительно покоситься на барабанщика. Впрочем, Фанданго все еще покачивал головой. Потом тот выбил короткую дробь на одном из своих барабанов — в общем, явно ничего не заметил.

— Но ты обозвал его мутантом, — произнес наконец барабанщик. — Ну, то есть меня-то ты так обзываешь, когда я облажаюсь, но этот-то парень точно из этих. Я даже отсюда видел, какой он лысый.

— Я все-таки решу, что ты умственно отсталый, если до сих пор не поймал этого темпа, — заявил Ривас. — Давай сначала и как следует.

Он трижды притопнул ногой. Фанданго обиженно насупился — и начал играть.

Им пришлось сделать перерыв всего через несколько минут, когда Моджо принялся вертеть старые скрипучие лебедки, поднимающие люстры на нужную высоту. Несмотря на свое недавнее решение, Ривас опустил свой пеликан и подошел к бару за новой порцией пива. Он вернулся на место, сел на стул, вытянул ноги и отсутствующе

уставился в потолок, где висели по углам паутиной пыльные гирлянды бумажных кукол.

Всего несколько клиентов вошли и уселись за столы ко времени, когда Моджо закончил возиться с лебедками, и Фанданго вопросительно покосился на Риваса; впрочем, пеликанист, похоже, забыл свое недовольство его игрой. Зал постепенно заполнялся, и мало-помалу люстры кончили раскачиваться, а шум разговоров и звон стаканов сделались громче и настойчивее. Только Ривас оставался безразличен ко всему этому, и когда двое близнецов-китайцев — один гитарист, другой перкуссионист — появились и полезли на сцену, приветственный взмах его руки автоматизмом не отличался от взмаха конского хвоста, отгоняющего слепней.

Фанданго пришлось даже толкнуть его в бок и прошипеть: «Очнись, Грег!» Потому как в зале появился владелец заведения.

Стив Спинк с Ривасом были примерно одного возраста и сложения — тридцати лет с небольшим, подтянутые, уже с намечающейся складкой поверх пояса, — но Спинк с его копной белокурых волос и ослепительной улыбкой буквально излучал юношеский оптимизм, тогда как у Риваса был несколько театрально-драматический

облик: темные волосы, борода и резкие черты.

Спинк облокотился о сцену. Словно очнувшись, Ривас поспешно вскочил со стула, схватил свой инструмент и с удивлением заметил, что зал уже полон.

— С тобой все в порядке, Ривас? — с отеческой заботой поинтересовался Спинк.

— Э… что? — Ривас шагнул к рампе, наступив на забытый стакан с пивом. Тот разбился, обрызгав пивом дорогую кожаную куртку Спинка.

— Черт возьми, я спросил, все ли с тобой в порядке. Ты какой-то не такой, как всегда. Выступать-то сможешь?

Ривас нахмурился и выпрямился во весь рост.

— Разумеется, могу! Что ты хочешь этим сказать? Бог мой, из-за какого-то копеечного стакана…

— С каких это пор стекло стало дешевым? Тут один старикан говорил со мной днем. Сказал, что ты был когда-то Сойкой. Это правда?

— Да, — буркнул Ривас. — И я никогда не делал из этого секрета. За свою жизнь я много кем побывал.

— Ты говорил обо всем, о чем угодно, но не об этом. Ты часто принимал причастие?

Второй раз за этот вечер Ривас испытал при-

ступ жгучего гнева.

— Что ты хочешь этим сказать, Стив?

Спинк позволил своей неизменной улыбке поугаснуть немного.

— Прости, Грег. Но ты же можешь понять мою тревогу. Я не могу позволить, чтобы кто-то из людей, на которых я полагаюсь, вдруг оцыплячился.

— Начнешь беспокоиться об этом, когда я перестану набирать тебе этот твой чертов зал под завязку.

— Ты прав, Грег. Прости. Мне не надо было слушать этого старого хрыча. — Он повернулся к залу, и Ривас успел увидеть вспыхивающую вновь на его лице улыбку. — Леди и джентльмены, — объявил Спинк в полный голос. — Сегодня вечером нам вновь выпало удовольствие принимать у себя Грегорио Риваса из Венеции.

Аплодисменты последовали незамедлительно, и по громкости и продолжительности вполне соответствовали желаемому, так что Ривас, кланяясь в ответ, как всегда снисходительно ухмыльнулся — но в душе ощущал себя неуютно. Как бы звучали эти аплодисменты, подумал он, если бы я не приплачивал клакерам? И как долго еще будет цепляться ко мне ярлык гастролера

из Венеции? В конце концов, я уже пять лет, как уехал оттуда, и хотя это стандартное спинково заявление заставляет пока еще новичков потрясенно перешептываться, Моджо не далее как вчера искренне удивился, когда я упомянул о том, как работал в баре «Бомбежище» в Венеции. Сказал, он думал, что вся эта история — всего лишь приманка для туристов вроде бутафорских черепов на карнизе.

Когда хлопки и свист начали стихать, Ривас повернулся к Фанданго и близнецам и подал им знак начинать «Всем охота посмолить мой бычок» — его коронный номер, который он обыкновенно приберегал для того, чтобы расшевелить вялую публику. Фанданго отбарабанил ураганное вступление, зрители откликнулись неподдельным восторгом, и на следующие несколько минут Ривас забыл все свои тревоги и сомнения, позволив мелодии и словам совершенно поглотить его.

Однако во время довольно продолжительного гитарного проигрыша под дробь ударных — с чем, насколько знал Ривас, у них не должно было выйти особых затруднений, — он вгляделся в публику. Вышло это у него немного нервно, поскольку он опасался, что эта девчонка, Хэммонд, заявится сюда, чтобы закатить ему сцену. Спинк

даже обрадовался бы такому, потому что это послужило бы наглядным доказательством, какой бесшабашный сердцеед этот его пеликанист из Венеции, но сам Ривас остерегался таких встреч, хотя избегать их совершенно у него все равно не получалось. Он вглядывался в одно лицо за другим и к облегчению своему не нашел ее среди зрителей.

Уж наверняка она уселась бы туда, где я ее точно увидел бы, подумал он, и его пробрала дрожь. Ну и черт с ней. Ну почему эти девчонки никак не поймут, что для того, кто является инициатором разрыва, это вовсе не является трагедией? Одно дело, каким все это представляется той, которую выбросили, но для того, кто выбросил, это… глоток свежего воздуха, гора с плеч, пружинящий шаг и песня на губах. Все что угодно, только не трагедия.

И — черт, подумал он, можно подумать, это все моих рук дело. Не я ли по наивности потратил столько времени — эта штучка Хэммонд вряд ли стоила того, — и я ли виноват, что все еще живу с этим чувством потери, отделаться от которого могу не больше, чем от своего собственного скелета… и подобно древней нержавеющей стали она не окрашивается от времени в защитные

цвета, но всегда сияет как новенькая, беспощадно отражая окружение…

Ривас повернулся к близнецу-перкуссионисту и шепнул: «Напомни потом — нержавейка — ржа — защитный камуфляж». Тот кивнул.

Да, подумал Ривас с каким-то странным удовлетворением, славный образ. Из этого выйдет неплохая песня: каким-то драматическим образом потерянная девушка… возможно, смерть… или даже самоубийство. Класс…

…Все что угодно, только не то, как я на самом деле потерял Уранию…

Он отогнал от себя воспоминание о себе самом, восемнадцатилетнем юнце, скорчившемся под кустом в остатках взятого напрокат костюма, от которого разит бренди и блевотиной, и в довершение всего — к своему же собственному ужасу — лающего по-собачьи.

Раз или два за годы, прошедшие с того вечера, в редкие моменты особенной искренности с самим собой, ему казалось, что когда-нибудь он сможет посмеяться над этим воспоминанием. Пока такого еще не произошло.

Так или иначе, он обрадовался тому, что эта девчонка Хэммонд, похоже, согласилась отчалить безболезненно. Некоторое время он находил ее

занятной, но все-таки она была не Урания. Никто еще не стал для него Уранией.

Гитарное соло подошло к концу, он взялся за гриф, смычок завис над туго натянутыми струнами — и тут он заметил у барной стойки хорошо одетого пожилого мужчину. Его пробрал озноб даже прежде, чем до него дошло, кто это такой… и он пропустил свое вступление.

Гитарист удивленно оглянулся на него, но, быстро среагировав, повторил свою фразу.

Впрочем, ему пришлось проделать это еще раз, и самые внимательные слушатели поняли, что не все ладно, потому что Ривас наконец сообразил, кто такой этот пожилой тип, и сам уставился на него с изумлением, злостью и — несмотря на десять с лишним лет, прошедших с тех пор, — с изрядной долей страха.

— Грег! — настойчиво прошипел Фанданго. — Да очнись же!

Ривас зажмурился, как мог сконцентрировался на музыке и все-таки ударил смычком по струнам в нужный момент, после чего песня продолжалась как обычно.

Однако по окончании последнего куплета он дал музыкантам знак укоротить обыкновенно замысловатый финал. Фанданго послушно отба-

рабанил короткую завершающую дробь, и Ривас, значительно трезвее, чем был минуту назад, опустил инструмент и шагнул к краю сцены.

— Небольшой перерыв, — коротко объявил он, спрыгнул со сцены и подошел к барной стойке. Это удалось ему быстрее обычного, ибо даже самые набравшиеся завсегдатаи, похоже, ощущали исходящую от него угрозу и поспешно убирали с дороги ноги и стулья.

Когда Ривас остановился перед пожилым типом, он уже пришел в себя настолько, что начал догадываться, зачем этот тип здесь.

— Тут за кухней есть комната для приватных разговоров, — сказал Ривас голосом, который противоречивые чувства напрочь лишили выражения. — Подождите с объяснениями, пока мы не окажемся там вдвоем. Виски, — добавил он уже громче, обращаясь к Моджо. — Два двойных, живо!

Моджо поспешно наполнил два стакана, Ривас забрал их у него и повел пожилого типа от барной стойки к неприметной двери в углу.

— Возьмите где-нибудь лампу и принесите, — рявкнул пеликанист на своего пожилого спутника, держа стаканы в одной руке и открывая дверь другой. — Ну, быстрее — марш-марш!

Лицо старика перекосилось так, будто до него дошло, что обед его состоял из оставшихся от прислуги объедков и что от него требуется изъявлять благодарность даже за это. Однако он молча повернулся и принес лампу с углового стола.

Ривас стоял у двери и закрыл ее, пропустив в маленькую комнату старика с лампой. Собственно, это была даже не комната, а каморка, вся обстановка которой состояла из пластикового стола и нескольких стульев. Ривас сел на один из них и поставил виски на стол перед собой.

— Вам стоило сказать Спинку, кто вы, когда говорили с ним сегодня днем, — заметил он. — Он был бы польщен знакомством с человеком, который гонит эллейские деньги.

Старик со стуком поставил лампу на стол, пламя разгорелось чуть поярче, и на стенах заколыхались их искаженные тени.

— Нам обоим не пошло бы на пользу, — хрипло возразил он, — если бы люди узнали, что Ирвин Бёрроуз ведет дела с Грегом Ривасом.

Ривас отхлебнул виски и запил его большим глотком пива.

— Верно, — холодно кивнул он. — Собственно, зачем даже самому Ривасу знать об этом, а? Кого это вы подослали мне сегодня для перего-

воров — такого чувствительного? Он вел себя не слишком-то по-деловому: почти вызвал меня на дуэль.

Ирвин Бёрроуз задумчиво посмотрел на него.

— Не хотелось мне тебе этого говорить, — произнес он наконец, — но скажу, потому что мне кажется, это способно повлиять на твое решение. Монтекруза можно простить за некоторую горячность: видишь ли, он ее жених. Они должны… должны были пожениться в следующем месяце.

Ривас даже сам удивился тому, как больно задело его это известие. Он постарался отстраниться от эмоций и устало отметил про себя, что боль, которую он заботливо окучивал и культивировал тринадцать последних лет, свыкнувшись с ней как с чем-то ручным и домашним, снова одичала и вырвалась из-под контроля.

А в следующее же мгновение он испытал чувство глубокого омерзения к самому себе за то, что все его чувства и переживания сосредоточились на одной-единственной персоне: на нем самом, Грегорио Ривасе. Боже мой, подумал он, ведь прав этот сукин сын Монтекруз: для тебя все существует только до той степени, пока это ублажает или раздражает тебя, любимого.

Черт, и все равно я не буду выдергивать ее

ради него.

Он поспешно опрокинул в рот остаток виски, но вместо блаженного помутнения, на которое он рассчитывал, пойло придало его мыслям неприятную ясность, и он с отчаянием осознал, что не позволит Сойкам заполучить ее.

Если бы я не знал, подумал он, если бы я сам, своими глазами не видел, как Сойер методично режет человеческое сознание на кусочки, пожирая души как огонь хворост, я бы, возможно, смог бы плюнуть Бёрроузу в лицо и выйти отсюда, гордо хлопнув дверью. Классный бы жест получился. *Вы запретили мне возвращаться тринадцать лет назад — а теперь я не верну ее вам. Как, нравится?* Вот так, щелчком по царственному носу… посылая Его Алкогольное Величество куда подальше, через ворота Догтауна… чтобы он умолял меня о помощи и не получил ее…

Если бы я только не знал!

Он еще раз проиграл в уме последнюю мысль, и еще раз, и обдумал то, что это означает для него самого, и с трудом удержался от дрожи, потому что она разом превратила его в простого, напуганного Грегорио Риваса.

В конце концов, он поднял взгляд.

— Вы правы, — произнес он, надеясь, что голос

его не звучит хрипло от волнения. — Это не повлияет на мое решение. Я сделаю это.

Бёрроуз опустил голову.

— Спасибо.

— Когда они сцапали ее?

— Вчера поздно вечером. Она поехала на вечеринку — к северу отсюда, на углу Третьей и Фиговой, — и каким-то образом оказалась одна перед входом. Шайка этих ублюдков заговорила с ней — полагаю, тебе их вонючие трюки и фокусы известны не хуже, чем другим, — а когда ее безмозглый и ныне безработный телохранитель опомнился, Урания уже лезла в фургон Соек, а те нахлестывали лошадей.

— В каком направлении те уехали?

— На восток по Третьей.

— Один-единственный фургон?

— Так, во всяком случае, говорит телохранитель.

Ривас откинулся на спинку стула и рассеянно побарабанил пальцами по краю стола: он уже начал планировать новое избавление, первое за несколько лет.

— Вам стоило бы идти прямо ко мне, — сказал он наконец, — а не тратить время на то, чтобы пытаться подкопаться под мою работу здесь или

подсылать ко мне этого своего клоуна. Но то, что фургон был всего один и что двинулся он на восток, это хороший знак. Это означает, что пастырь хотел набрать еще двух-трех рекрутов, прежде чем возвращаться в лагерь к своему каравану. Они могут все еще находиться поблизости. Стоят лагерем в одном из заброшенных кварталов за стеной.

— Можешь найти их сегодня вечером?

Ривас даже улыбнулся наивности этого вопроса.

— Исключено. Нельзя же просто так спросить первую попавшуюся Сойку, куда поехал один из их фургонов. И даже если они поблизости — даже если бы сегодня было полнолуние, а не дождь с облаками, — вы хоть представляете себе, сколько квадратных миль развалин нас окружает?

— Ну тогда завтра утром. Как уже начал объяснять тебе Монтекруз, все, что от тебя требуется, это…

— Найти ее. Да, он говорил это, но так не выйдет. Я найду ее, выкраду, и восстанавливать тоже буду я.

Глаза Бёрроуза сощурились, а лицо окаменело. Ривас хорошо помнил это выражение.

— Нет, — твердо заявил он. — Об этом не может

быть и речи.

Ривас отодвинул стул и поднялся из-за стола.

— Фрейк МакЭн живет над «Мистером Лу» на Сандовал-стрит. Только не говорите ему, что это я послал вас к нему, — это настроит его против вас. И не теряйте времени, — добавил он, наставив палец Бёрроузу в грудь. — Некоторые из их вербовочных караванов направляются прямиком в Священный Город. — Он взял со стола недопитое пиво и потянулся к дверной щеколде. Бёрроуз поднял руку.

— Ладно… — устало произнес он. — Не торопись, сядь. Будет тебе все. С начала до конца, как ты хочешь.

Ривас отворил дверь и выглянул наружу.

— Моджо! — крикнул он. — Еще пива сюда! — Он закрыл дверь и сел на место. — Раз так, давайте договоримся. — Он непроизвольно взъерошил волосы рукой. — Десять тысяч полтин вашей валюты: банковский перевод на пять тысяч сейчас же и еще один, когда… если мне удастся доставить Уранию обратно в стены Эллея.

— Ты чего-то не понял. Все вместе стоит пять тысяч.

— Монтекруз поднял цену до десяти.

— Монтекруз, должно быть, одурел от беспо-

койства. Я могу его понять. Но нет…

— С ним вы можете разобраться потом, — сказал Ривас. — Я принимаю то предложение, которое мне сделали.

— Цена, которую я предлагаю, — сердито возразил Бёрроуз, — в любом случае больше всего, что тебе платили прежде.

Дверь отворили снаружи. Моджо проковылял к столу, поставил на него новую порцию пива, убрал старые стаканы и исчез.

— Судя по всему, — заметил Ривас, — для вас она и правда стоит пять тысяч, но никак не десять. Адрес МакЭна запомнили? Над «Мистером Лу», на…

Бёрроуз смерил его взглядом, полным ненависти.

— Занятно, — перебил он. — Я-то думал, многократное причастие у Соек приводит к простому разрушению рассудка, но теперь вижу, что все обстоит куда хуже. Я вижу, оно разрушает саму человеческую основу, оставляя вместо нее… дошлую, ненасытную насекомую тварь.

Ривас понимал, что Бёрроуз только и рассчитывал разозлить его. Поэтому он откинулся на спинку стула и рассмеялся.

— Неплохо, Бёрроуз, неплохо! Мне понравилось.

Пожалуй, это стоит записать, чтобы использовать потом в песне. — Он подался вперед и позволил улыбке померкнуть. — И, надеюсь, вы понимаете, что «дошлая, ненасытная насекомая тварь», как вы с присущей вам дипломатичностью это назвали, — именно то, что вам нужно сейчас. Да, я пробыл в Сойках почти три года после того, как вы выставили меня из своего поместья, и я действительно принимал их причастие, и не один раз, — что, возможно, проделывает в эту самую минуту Урания… как вам эта мысль, а? Хотя я очень скоро нашел способ подавлять его эффекты, защищать от него свой рассудок. Это так, но именно поэтому я единственный, кто добился хоть какого-то успеха в деле выдергивания людей из рук Сойера… скажем точнее, с его обеденной тарелки. Не сомневаюсь, последнее понравится вам больше, ведь вы у нас поклонник цветистых метафор, не так ли?

Дверь снова отворилась, но на этот раз в ней показалась угрожающая ухмылка Стива Спинка.

— Ты не собираешься назад, на сцену, Грег? Народ начинает расходиться, а я ведь не забыл, что ты говорил насчет переполненного зала.

Ривас вдруг представил себе, каково это будет — остаться вдруг без работы… Немолодой уже

человек, пиликающий на углу где-нибудь в Догтауне, с нечесаной, патлатой бородой — вместо старательно ухоженной бородки, которая служит символом классового отличия… Впрочем, он как мог непринужденнее отхлебнул пива.

— Я вернусь через минуту, Стив. За это время они еще не успеют забыть, кто я такой.

— Надеюсь, ты сам в это веришь, Грег, — сказал Спинк, и улыбка его при этом оказалась шире обыкновенной зуба на два, не меньше. Тут он заметил собеседника Риваса. — Ба, да это ведь тот самый старикан, что…

— Знаю, знаю, Стив. Еще минуту.

Дверь снова затворилась, заглушив шум из зала, Ривас повернулся к Бёрроузу и вопросительно приподнял бровь.

— Ну?

— Ладно, — тихо произнес старик. — Десять. Пять сейчас и пять, когда привезешь ее обратно.

— Идет. Дождитесь конца выступления, и мы обсудим детали.

Бёрроуз кивнул, встал из-за стола и сделал шаг к двери, но задержался.

— Да, кстати… — неуверенно произнес он. — Э… Я все… тринадцать лет ломаю голову над одним. Может, и спрашивать не стоит.

Ривас боялся, что уже знает, что это будет за вопрос, но все же небрежно кивнул.

— Ну?

— Скажи, зачем… извини, я вовсе не настаиваю на твоем ответе… зачем в тот вечер, когда я приказал тебя выгнать… зачем ты стоял в кустах на четвереньках и лаял, как собака?

Ривас ощутил, что краснеет, и ощущение это было для него унизительно. Ну почему, подумал он, почему бы и мне, и ему не забыть этот чертов инцидент?

— И вы ломали над этим голову тринадцать лет? — спросил он.

— Да.

Ривас мотнул головой и махнул рукой в сторону двери.

— Ну так поломайте еще.

* * *

После того, как Бёрроуз вышел, Ривас сел обратно за стол, допил свой стакан и тут наконец с горечью сдался и позволил себе вспомнить ту ночь катастрофы — первый и последний раз, когда он пробовал валютное бренди Бёрроуза.

Это случилось осенью — Ривас сосчитал годы по пальцам — шестого года Шестого Туза. Урании Бёрроуз исполнялось семнадцать лет, и ей взду-

малось пригласить Грегорио, своего тогдашнего деревенского любовника, на вечеринку по этому поводу. При том, что он был всего лишь сыном фермеров-арендаторов в поместье Бёрроуза, восемнадцатилетнему Грегорио удалось накопить кой-каких деньжат — полтину с мелочью, немалую сумму для батрака. В общем, когда вечеринка началась, он, хоть и ощущал себя не в своей тарелке в окружении богатеев, производил очень даже неплохое впечатление… до тех пор, пока не подали бренди.

Юный Грегорио пил вино с малых лет, но вот к крепким напиткам не привык, так что не знал, что их пьют медленнее и осторожнее. В конце концов до него дошло, что он пьян как полено и что это действует Урании на нервы, поэтому вышел из-за стола. Стоило ему оказаться на свежем воздухе, как его начало тошнить.

Чтобы не попасться никому на глаза, он, шатаясь, добрел по парковой дорожке до ближайших кустов и там, за ними, опустившись на четвереньки, принялся освобождать свой желудок от этого чертова бренди.

Он мучительно давился, зажмурившись, потом затих, переводя дыхание, и тут услышал со стороны дорожки женский голос, спрашивающий,

что это за странные звуки такие доносятся из-под кустов. Мужской голос ответил, что это, должно быть, собака.

Ривас вздрогнул и допил пиво. Он вспомнил, как отчаянно хотелось ему, чтобы те, на дорожке, забыли про эти звуки и ушли. Неизвестно почему в голову ему втемяшилась мысль, что они сделают это быстрее, если он убедит их в том, что это и правда только собака, не заслуживающая внимания. Поэтому он залаял.

Он встал из-за стола и открыл дверь, но так и не смог стряхнуть остаток воспоминания о последних своих сознательных мгновениях того ужасного вечера — когда он наконец открыл глаза и увидел в шести дюймах от своего лица башмак Ирвина Бёрроуза.

Он вышел из каморки, хлопнув за собой дверью, и, пошатываясь, побрел обратно на сцену. Алкоголь уже изрядно пробрал его: глаза его только наполовину видели полутемный бар, сцену далеко впереди и неуверенно косящиеся на него взгляды; на все это прозрачным изображением накладывалось видение шоссе Один-Один, казавшееся в густом тумане единственной в мире дорогой. Тогда на рассвете, тринадцать лет назад, он тащился по нему пешком. Его трясло от

холода, его тошнило от похмелья и сотрясения мозга, потому что разгневанный Ирвин Бёрроуз, прежде чем выволочь его из кустов и приказать кухонной челяди унести его и выкинуть где-нибудь за границами его, Бёрроуза, земель, отвесил ему хороший пинок башмаком в голову.

Он шел весь этот день, и когда солнце поднялось и разогнало туман, он впервые увидел впереди заросшие руины старого большого Эллея, где можно было услышать лишь крики попугаев и обезьян. Разрушения придали этим все еще впечатляющим зданиям отпечаток трагического величия, которого они лишены были при жизни. Одно их количество — они тянулись до горизонта рядами неухоженных могильных камней — привело юного Грегорио в ужас. Несколько раз любопытство его брало верх над самочувствием, спешкой и тупой болью от утраты, и он забирался по угрожающе проржавевшим лестницам в заброшенные комнаты. Когда он увидел, наконец, высокую западную стену Эллея, красное вечернее солнце освещало уже только верхний ярус зубчатых городских стен. Пересохшей по летней жаре реки за городом не было видно в темноте, так что страх перед мародерами и хемогоблинами заставил его забыть про головную боль и одолеть

последнюю пару миль бегом.

До сих пор ему еще не доводилось проводить ночь не под отцовским кровом. Поплутав по улицам часа два, он устроился на ночлег в углу какого-то сарая в Догтауне. Он был не единственным, кто искал прибежища в этом месте; несколько раз он просыпался, ощущая чужое присутствие. Кто-то воспринял его с раздражением, кто-то оказывал знаки внимания. Какой-то парень, оскорбившись на недвусмысленно высказанный отказ, спросил Грегорио, не хочет ли тот сию же минуту выйти из города через Догтаунские ворота. Ривас вежливо отказался… и очень порадовался этому, когда позже, через несколько лет, узнал, что таких ворот вовсе нет в природе и что фраза «выйти через Догтаунские ворота» означает на деле исчезнуть, фигурально или даже буквально, в одной из зловонных помойных ям Догтауна.

На следующее утро, совсем уже одурев от голода и усталости, он продолжил свой путь и на Сандовал-стрит, у Южных ворот, повстречался с группой сектантов, известных в народе как Сойки. С восхитительно заботливыми, участливыми и улыбчивыми Сойками.

Прав был Стив, со вздохом подумал он, забрав-

шись обратно на сцену и окинув взглядом толпу. Народа в зале стало заметно меньше. Сколько я проторчал в той комнате, разговаривая с Бёрроузом? Спросить? Нет, это было бы ошибкой: признать, что сам я этого не знал. Чтоб его, это виски. Ни капли больше сегодня — ни пива, ни чего еще, понял, парень?

Он собрался было дать знак играть «Всем охота посмолить мой бычок», но вспомнил, что ее сегодня уже исполняли, и начал вместо этого «Пьян один».

Фанданго тяжело вздохнул. Да посмотри ты на это с другой стороны, Томми, подумал Ривас: следующий исполнитель, которого они затянут сюда, скорее всего не сможет играть ничего, кроме скрэпа или баг-уока.

Глава 2

Каким-то непонятным образом небо, синевшее сквозь неостекленные окна, делало комнату Зубовещательницы еще запущеннее. Да и сама Зубовещательница, решил Ривас, мало чем отличалась от загромоздившей ее комнату рухляди, не натыкаться на которую требовало изрядной ловкости. Да, подумал он, в окружении всех этих картин, склянок со снадобьями, истлевших книг и деталей, недоступных пониманию древних машин она кажется маленькой иссохшей мумией. Нижняя челюсть ее словно по небрежности таксидермиста отклячилась от остальной части лица, словно застыв в беззвучном крике.

Мумия, в которой, как он добавил про себя, услышав ее булькающий голос, поселилась говорливая мышь. Несмотря на владевшие им раздражение и усталость от почти бессонной ночи, Ривасу пришлось сделать над собой усилие, чтобы не засмеяться. От этого голова его заболела еще сильнее.

Он покосился на соседний стул. Ирвин Бёрроуз сидел, подавшись вперед и с волнением вглядываясь в неподвижную, брызгающую слюной

старуху. Это удивило Риваса: он полагал, что настойчивое требование Бёрроуза перед выходом Риваса на поиски посетить Зубовещательницу было всего лишь формальностью, данью традиции — вроде того, как «прогревают» телегу холодным утром, прежде чем тронуть лошадей. Однако старый финансист явно верил карге с истовостью безмозглой деревенщины, выслушивая невнятные рассуждения о том, какие окрестности благоприятнее, а какие бесполезны для поисков, судя по расположению звезд.

При мысли об этом Ривас ощутил себя так, будто его подставили. Ну же, думал он, ты ведь один из богатейших людей в Эллее, можешь видеть всю фальшь происходящего, если я могу…

Он откинулся на спинку стула и выглянул в окно. День выдался солнечный, но лужи от ночного дождя еще не просохли. На западе зеленела лента южных ферм, но южнее уже не было ничего, кроме пустых полуразрушенных зданий, чего-то среднего между городским пейзажем и пустыней. Единственными движущимися объектами здесь были подгоняемые ветром шары перекати-поля да редкие фигуры мародеров, слишком слабых, чтобы далеко уходить от городских стен. Еще южнее поблескивала полоска порта Сан-Педро. А

дальше, как он знал, находился Лонг-Бич-Айленд и открытое море, по берегу которого не было ничего вплоть до устья Санта-Аны, где располагался Ирвайн.

Надеюсь, подумал он, мне удастся найти ее прежде, чем они заберутся так далеко в том направлении. Он поежился, вспомнив одно неудачное избавление, когда он оказался совсем близко от высоких белых стен Священного Города Сойера в Ирвайне. Никогда, с уверенностью подумал он, ни за что не хочу снова оказаться в этом распроклятом месте. Все было бы и вполовину не так хреново, если бы я и вправду почти не верил в то, что он кто-то вроде мессии. Папаша, помнится, клялся и божился, что собственными глазами видел, как в ночь сойерского озарения, тридцать с гаком лет назад, небо украсилось фонтаном звездного дождя. Даже враждующие с ним религии признают, что он, прежде чем удалиться от мирской жизни, несколько раз воскрешал людей из мертвых… хотя, конечно же, эти враждующие с ним религии утверждают, что без помощи Сатаны тут не обошлось.

Луч утреннего солнца протянулся полоской по стене, и когда Ривас снова посмотрел на старуху в углу, он увидел, что лицо ее теперь освещено, а

в открытом рту поблескивают приклеенные к зубам кусочки металла. Ривас понимал — а Бёрроуз, похоже, нет, — что это всего лишь дешевая имитация, что настоящее зубовещание достигается только с помощью маленьких металлических пломб. Время от времени люди с такими пломбами заявляли, что слышат у себя во рту чьи-то слабые голоса, но, по их же словам, это происходило очень редко и только на горных вершинах; к тому же Ривасу не доводилось слышать ни об одном подобном подтвержденном свидетелями случае на протяжении последних десяти лет.

Зато на людской вере в зубовещание можно было хорошо нажиться.

Ривас не удержался и зевнул — вышло так, что они со старухой зевали в унисон, — но поспешно закрыл рот, поймав на себе свирепый взгляд Бёрроуза, и заерзал, пытаясь устроиться на стуле поудобнее. Минувшей ночью он отказался от попыток заснуть после того, как приснившаяся ему Урания заставила его едва ли не выскочить из постели. Только-только пробило три. Остаток ночи он провел на крыше своего дома, выдумывая и репетируя на пеликане самые безумные импровизации на тему «Пети и Волка».

Возможно, именно из-за явного его безразли-

чия к происходящему старая Зубовещательница немного прикрыла рот, шаркая ногами, проковыляла к шкафу и, уронив в нем несколько предметов, достала оттуда желтый пластмассовый телефон. Она пару раз встряхнула трубку, и в ней что-то зажужжало и защелкало. Хмуро косясь на Риваса, она зашептала что-то в трубку.

Несколько минут он пытался прислушиваться к ее бормотанию — интересно ведь, что сообщают о тебе миру духов. Однако прерванный сон не отпускал его подобно слабому, неприятному запаху, на который можно не обращать внимания, но который напоминает о себе, стоит тебе пошевелиться. В конце концов он со вздохом сдался и перестал отгонять воспоминание.

Урания приснилась ему стоящей на коленях в длинном ряду людей. Судя по окружению, дело происходило в типичном гнездовье Соек — в небольшой комнате какого-то полуразрушенного здания, заваленной не представлявшим интереса для мародеров хламом. Священник — известный как сойер, ибо при исполнении причастия тот превращается в подлинное, буквальное воплощение Мессии, самого Нортона Сойера, — шел вдоль цепочки коленопреклоненных людей, задерживаясь перед каждым ровно настолько,

чтобы дотронуться до его или ее лба.

Каждый из тех, до кого он дотронулся, реагировал на его прикосновение, по меньшей мере содроганием; многие же падали, корчась в судорогах. Ривас очень отчетливо помнил свое собственное первое причастие — как двигался вдоль цепочки, приближаясь к нему, священник, как он думал про себя, что означает такая реакция: истерию или просто кривляние… а потом сойер подошел к *нему* и дотронулся до *его лба*, и физическое потрясение оглушило его. Он очнулся, лежа на полу, только через полчаса — с больной головой, весь разбитый, ничего не соображающий.

Ему приснилось, как сойер подошел к Урании и прикоснулся к ней, и она закашлялась кровавыми брызгами и не прекращала кашлять даже тогда, когда воздуха у нее в легких не могло уже оставаться ни капли, и когда Ривас бросился к ней и подхватил на руки, он ощутил, как плоть ее истончается под одеждой. Долго-долго держал он захлебывающуюся кашлем девушку, и когда она наконец затихла и он, оторвав лоб от ее плеча, заглянул ей в лицо, он увидел только уставившийся на него пустыми глазницами череп.

И еще, вспомнил он с ясностью, от которой его

едва не стошнило, это открытие никак не повлияло на его решение вернуть ее в Эллей и жениться на ней. Он потер руками глаза и смахнул упавшую на них прядь волос.

— Ага, — произнесла старуха, разгуливая взад-вперед с прижатой к уху телефонной трубкой. — Нейтроны, говорите? Черт возьми. И… *блок цилиндров?* Боже сохрани! — Она скосила глаза на Риваса — убедиться, что ее эзотерическая терминология произвела на него впечатление. Он обратил внимание на то, что шнур от трубки не был подключен ни к чему и конец его волочился за ней по полу. Интересно, подумал он, запутается она в нем или нет. — Десять-четыре, — произнесла она наконец, положила трубку на подоконник — наверное, остывать, — и повернулась к своим посетителям. — Ну, духам есть что сказать. Вот вы, сэр, — она ткнула скрюченным пальцем в сторону Риваса, — являетесь средоточием неясности. Видите ли, во всех измерениях присутствует неизвестный фактор — икс, как сказали бы математики. Поэтому для того, чтобы распутать вовлеченные в это линии жизни и увидеть, которые из них ведут к благополучному исходу, необходимо…

Она пустилась в пространные рассуждения,

полные терминов вроде «личностных резонансов» или «периода орбитального обращения души», время от времени тыча рукой в сторону своих запыленных, явно собранных без всякого намека на систему книг — как бы в подтверждение своих слов. В завершение она извлекла колоду игральных карт и, перетасовывая их, сообщила, что Матт Сандовал, легендарный Первый Туз Эллея, изобрел эти пятьдесят две карты на своем смертном ложе исключительно для того, чтобы люди могли обращаться к нему со своими проблемами и после его отхода в мир иной. Четыре «туза», пояснила она посетителям, названы так потому, что представляют четыре стороны самого Туза. Перетасовав карты, она принялась раскладывать их перед собой на столе в некотором подобии порядка, хмурясь или, наоборот, кивая с каждой новой открытой картой.

Ривас перестал обращать на нее внимание. На протяжении нескольких последних лет он потратил много сил на то, чтобы обучиться древнему письму с его безмолвными буквами и до безумия непонятными словами, так что прочел несколько книг и журналов из тех, что украшали полки достаточно уважаемых домов. И хотя ему так и не удалось понять до конца этот яркий, люд-

ный «электрический» мир более чем столетней давности (даже тогдашние карты показывали побережье южной Калифорнии, которого просто-напросто не существовало), он по крайней мере убедился в том, что большинство тех, кто зарабатывает на жизнь, утверждая, будто хорошо разбирается в древних чудесах, на деле знают о них куда меньше, чем он.

Ее рассказ, например, о том, как Сандовал изобрел игральные карты, и о том, как тот назвал тузы в честь своего собственного титула, был вывернут с точностью до наоборот. Ривас читал один журнал, издававшийся в правление Первого Туза, и узнал из него, что люди хотели провозгласить человека, основавшего валюту, отстроившего городскую стену, беспощадно прижавшего к ногтю банды каких-то «мотоциклистов», известных как «ухари», и возродившего сельское хозяйство, своим королем. Сандовал принял обязанности, но не титул. «Королей много, — говорил он, если верить журналу, — а Королева, или Валет, или Джокер не подойдут. Я буду первым Тузом».

Тем временем старуха, похоже, устала разглагольствовать.

— Я вижу успех для вас обоих, — сказала она. — Духи говорят, ты готовишь на газовой плите. —

Она ткнула пальцем в Бёрроуза. — Я вижу рост твоего богатства, я вижу, как эти старые бутылки с бренди так к тебе и катятся.

Ривас покосился на Бёрроуза. Да, одно упоминание бренди заставило того с потрохами заглотить наживку: старый козел выпучил глаза, а костяшки пальцев его побелели — с такой силой стиснул он подлокотник кресла.

— А для тебя, — продолжала она, тыча пальцем в Риваса и не сводя глаз с его безымянного пальца — без кольца, конечно, — я вижу… воссоединение с давно потерянной подругой… и шестерых здоровых детишек.

Ривас зажмурился. Дура старая, подумал он в приступе паники, что ты несешь, ведь этот идиот *верит* твоим дурацким предсказаниям! Музыкант с опаской покосился на старика — и точно, Бёрроуз холодно смотрел на него, покачивая головой.

— Интересно, — пробормотал Бёрроуз, — насколько велик риск.

Собственно, Ривас уже решил для себя, что за Уранией отправится и бесплатно, и без чьей-либо просьбы — если придется, — однако отлучиться ради избавления сейчас почти наверняка означало бы для него остаться без работы, а гонорар

от Бёрроуза или его отсутствие означали, с одной стороны, год-два безмятежной, сытой жизни, на протяжении которых подыскать себе заработок не составило бы труда, а с другой — нищета, голод, распродажа нажитого имущества и в довершение всего унизительное выспрашивание хоть какой-нибудь работы. И уж меньше всего ему хотелось, чтобы Бёрроуз нанял другого избавителя, который наверняка только замутит воду и взбудоражит Соек так, что впредь они будут уже начеку.

— Послушайте, — как мог спокойнее сказал он. — Эта пожилая леди — мошенница и способна предсказывать будущее не лучше, чем я. Только из-за того, что она…

— Как ты можешь говорить такое, Ривас? — вскинулся Бёрроуз. — После того, что она о нас рассказала…

— Она сказала только, что у вас уйма денег! Это обычное заявление прорицателей, черт подери, такое же, какое сказала она про меня! Не знает же она, что вы и есть тот тип, что их гонит!

Зубовещательница, явно сбитая с толку тем шумом, который поднялся из-за ее невинного замечания, прислушалась и при последних словах Риваса просияла.

— Конечно, знаю, — поспешно перебила она его. — Вибрационные измерения рассказали мне все. Грег Ривас и Ирвин Бёрроуз, вот вы кто.

Чертыхнувшись, Ривас вскочил со стула, подбежал к окну и схватил лежавшую на подоконнике телефонную трубку. Стихнувшая было трубка снова зажужжала, когда он встряхнул ее.

— Черт подери, — крикнул он Бёрроузу. — Все это сплошное надувательство. Смотрите! — Он отвинтил перфорированную крышку микрофона, и из трубки вылетела здоровенная оса, описавшая в воздухе у него перед носом восьмерку и больно ужалившая его в щеку. — Ох, черт!

— Вот видите? — торжествующе вскричала Зубовещательница. — Вот к чему приводит неосторожное обращение с научными инструментами! — Оса нашла наконец окно и вылетела вон. — Послушайте, вы лишили меня моего… высокочастотного рецептора.

Ривас видел, что на Бёрроуза, явно не имевшего представления о принципе работы телефона, способности Зубовещательницы производили теперь еще больше впечатления, чем минуту назад.

— Дым Господень! — ахнул старый дурень. — Но Ривас ведь не умрет, нет?

Ривас открыл было рот, чтобы возмущенно спросить: «От укуса осы, что ли?» — но старуха с ловкостью затейника-ветерана сцены, привыкшего справляться со сложной публикой, выхватила из-под юбки детский водяной пистолет и брызнула ему в лицо струей крепчайшего джина. Ривас охнул, зажмурился, на ощупь шагнул к окну и повис на подоконнике, моргая и отплевываясь.

— Умер бы, — со всей серьезностью заявила она, — если бы я не дала ему этого. Радиоликер, настоянный на изотопах. Ему повезло, что он оказался у меня под рукой: оса-то была не обычная.

Ощущая себя побежденным, Ривас выпрямился, сделал глубокий вдох и повернулся к Бёрроузу.

— Послушайте, — сказал он. — Я обещаю вернуть ее к вам в дом — если, конечно, мне удастся отбить ее у Соек, — если *вы* пообещаете отпустить ее со мной, если она будет в состоянии понимать, что делает… и если она сама захочет этого — через столько лет. Как вам такое предложение? Предоставим Ури самой решать, верно ли предсказание этой леди. — Бёрроуз открыл было рот, но Ривас перебил его, сжав еще сильнее телефонную трубку — он, оказывается, и не выпускал ее из рук — и со всей силы шмякнув

ее о бетонный подоконник. Трубка разлетелась брызгами желтых пластмассовых осколков. — И, конечно же, — добавил Ривас, — учтите еще, что я единственный избавитель, у которого имеются реальные шансы вытащить ее.

Несколько секунд Бёрроуз хмуро смотрел на него, и Ривас даже удивился, заметив, что старик и правда колеблется, и ему даже не по себе — словно плата за возвращение начала включать в себя нечто большее, чем его валюту.

— Ты усложняешь все нам обоим, — негромко произнес Бёрроуз.

— Я просто как следует все взвешиваю, — возразил Ривас, хотя так до конца и не понял, что тот имел в виду. Он подошел к сидящему Бёрроузу и протянул руку. — Договорились?

Бёрроуз вздохнул.

— Искренне надеюсь, что она не захочет к тебе. Да, договорились. — Он поднял руку и с видом усталого судьи, поднимающего свой молоток, сжал ладонь Риваса.

Вряд ли кто из богемных друзей Риваса узнал бы его в задрипанном типе, который ошивался на площади у Южных ворот. Время после приема у Зубовещательницы он с пользой провел у цирюльника и портного. Укоротив бороду раза

в два, зачесав волосы назад и заплетя их в просмоленную косицу, сменив свои буйные одежды на скромный фланелевый костюмчик, он являл теперь типичный образчик страдающего от похмелья юнца из пристойной семьи, забредшего без гроша в кармане в эту самую зловещую часть большого города.

Разумеется, он ошивался здесь не один. На деле Южные ворота не ограничивались собственно воротами, сквозь которые Сандовал-стрит попадала в огороженную стеной часть города, а включали в себя несколько прилегающих кварталов. Возможно, это было самое бойкое, людное место во всей южной Калифорнии. В описываемую минуту, например, удачливый торговец дровами вез в город несколько подвод, доверху нагруженных деревянными балками — большинство которых посерели от времени и налипшего на них цемента, но некоторые все же сияли своей древней покраской. Смолистый запах пиленого дерева мешался в утреннем воздухе с ароматом горячих *tacos*, которыми торговали на каждом углу, вонью из Догтауна — когда ветер задувал с той стороны, дымной гарью восточной части Вулшерт-стрит. Эхо городской жизни — скрип колес, крики торговцев и развозчиков — отра-

жалось от стен старых домов западной стороны Сандовал-стрит. И без того больная голова Риваса гудела от скороговорки аукционера в большом деревянном складе напротив, где располагалась Рынок Древностей, от звона молотков многочисленных кузниц, а также, подозревал он, от стука и ругани железокопателей под улицами, откапывавших и поднимавших на поверхность куски огромных стальных конструкций, ржавевших под слоем почвы восточного Эллея. И уж конечно, нашелся здесь, как с ехидной ухмылкой отметил про себя Ривас, уличный музыкант, игравший на пеликане и не слишком музыкально певший «Всем охота посмолить мой бычок». Ривас потер непривычно гладкую щеку и подумал, что, возможно, на этот раз он оставляет в городе больше себя самого, чем берет с собой.

И поскольку маленькие белые карточки — талоны на бренди — переходили в этом квартале из рук в руки чаще, чем где-либо еще, толпа здесь тоже состояла из старьевщиков куда менее почтенных, чем торговцы дровами или шахтеры. Продолжая разыгрывать из себя напуганного юнца, оказавшегося в непривычной обстановке, Ривас со скрытым любопытством наблюдал замысловатый танец карманного воришки

— до странного напоминающий движения насекомого: серию опасливых прикосновений, завершающуюся решительным броском руки, при том что тело оставалось напряженным как пружина, готовым в любое мгновение броситься наутек, — и походку несколько перезрелой проститутки, отлично осознающей свой возраст, но справляющейся с ним с помощью уличных теней и платья, умело выставляющего напоказ ее прелести. Ривасу пришло на ум, что и сам он в эту минуту схож с пауком, как и они терпеливо сплетающим свою сеть.

Очень скоро он увидел довольно много таких, кого изображал. Совсем недалеко от него скрючился в дверном проеме тощий паренек лет пятнадцати, сердито разговаривавший с воображаемыми собеседниками. Интересно, подумал Ривас, что довело мальчишку до такого состояния? Спиртному или сифилису требуется не один год на то, чтобы разрушить рассудок, а вот наркотик — особенно венецианская Кровь — или причастие Соек делают это почти мгновенно, лишая непривычного к этому человека возможности видеть своих также почти невменяемых собеседников.

Шаталась поблизости и пьяная девица — пона-

чалу Ривас решил, что она заодно с бездарем-пеликанистом, однако в конце концов ее увел один ухмыляющийся лысый тип, промышлявший, как по чистой случайности было известно Ривасу, торговлей Кровью. Что такого стряслось, мрачно подумал Ривас, неужели дела в бизнесе на Крови так плохи, что ты подрабатываешь сутенерством? Пожалуй, я даже выдернул бы ее из твоих лап, если бы не знал, что она тут же прибьется обратно к одному из вас.

Некоторые люди, подумал он, просто-напросто лишены воли к выживанию; все, на что они способны, — так это ждать, пока у кого-нибудь найдется время поглотить их. И раз уж так вышло, что какое-то малопривлекательное качество — будь то эгоизм или просто тщеславие — помогает мне избегать подобной… катастрофы, значит, и жизнью своей, и способностью ясно мыслить я обязан именно этому. Придется мне уж и дальше продолжать в том же духе.

Ривас улыбнулся, вспомнив свою реакцию на первое причастие у Соек: пока остальные причащенные, приходя в себя, славили Господа Сойера и спрашивали, когда причащение повторят снова, словно боялись пропустить его, юный Грегорио Ривас, пусть оглушенный, изможденный

— и радующийся возможности обрести кров и общество, — уже пытался осмыслить ситуацию. Он не сомневался в том, что загадочный Нортон Сойер если и не бог, то, уж во всяком случае, больше, чем человек. Однако возможность лишиться своей личности ради того, чтобы «слиться с Господом», представлялась ему совершенно отвратительной.

Стая Соек, которая подобрала его тогда, привела его в «гнездо» — лагерь в одном из заброшенных сооружений за городской стеной — и посвятила в заведенные у Соек ритуалы. В тот же самый первый день он стал свидетелем того, как несколько изрядно уже продвинутых сектантов начали «вещать». Помнится, тогда его смутила не столько неразборчивая тарабарщина, которую они несли с абсолютно бессмысленными, ничего не выражающими лицами, сколько то, что делали они это абсолютно в унисон — так, словно (Ривасу навсегда врезался в память пришедший ему тогда на ум образ) каждый из них был видимым витком какого-то огромного червя. У Риваса не было ни малейшего желания становиться таким же, и очень скоро он обнаружил, что затуманенный алкоголем рассудок неподвластен причастию. После этого он, несмотря на наложенный Мессией

строжайший запрет на спиртное, принимал все меры к тому, чтобы принимать причастие только в нетрезвом виде. Это помогало ему справляться с лишающим разума ритуалом… хотя наносить ответный удар он научился только после того, как в голову ему пришла мысль применить в ритуале Соек свои музыкальные навыки.

И уж тогда он расстался наконец с Сойками и отправился в Венецию. В Венеции он нашел Кровь.

Венеция — город, постоянно живущий в ритме безумного карнавала. Подобно кристаллам в насыщенном растворе разросся он по берегам полукруглого залива, известного как Бывшая Эллейская База. В центре залива находился провал, в котором лежала подводная лодка; поговаривали, что ночной порой вода там светится всеми цветами радуги. Обладатель толстого кошелька, умеющий постоять за себя, мог, если верить слухам, найти в номерах у набережной или в барах на берегах городских каналов экзотические развлечения на любой вкус. Ривасу доводилось слышать о «парных», где желающие могли забить насмерть людей, подрядившихся на это добровольно ради денег, которые выплачивались потом их родным; о «гимнастических залах»

— борделях, штат которых состоял из мутантов, деформация которых была в той или иной степени связана с эрогенными зонами; о ресторанах с кухней из морепродуктов, давние клиенты которых практически утратили способность передвигаться самостоятельно, оглохли и ослепли, но требовали, чтобы их везли туда вновь и вновь ради смертоносных, безумно дорогих блюд. И конечно же, до него доходили передаваемые шепотом слухи о самом экзотическом, самом проклятом ночном клубе. Ни одна из рассказанных об этом заведении историй не повторяла другую, но все до одной сходились в том, что равных ему по жуткому, порочному великолепию не найти. Называлось это место Дворец Извращений.

Как молодой бродяга без гроша за душой, Ривас, разумеется, не имел возможности проверить ни эти слухи, ни даже само существование таких мест. Даже тортилья с завернутыми в нее несколькими фасолинами стоила целого дня нелегкой работы — но Кровь стоила сущие гроши.

Наркотик представлял собой ржаво-коричневый порошок, который можно было нюхать, подмешивать в питье, курить или просто есть, и он погружал пользователя в полукоматозное состояние, в котором он покачивался на иллю-

зорных волнах наслаждения от сознания хорошо выполненного нелегкого дела, тепла и покоя; давние пользователи утверждали, что ощущают также заботливую ласку, словно сам Господь Бог качает их в колыбели.

Употребление Крови было в Венеции не самым модным занятием — возможно, потому, что самые давние пользователи Крови превращались в отталкивающих уродов. Многие из них просто-напросто умирали от голода, поскольку жалели на еду денег, которые можно было потратить на новую порцию наркотика. Почти не думая о еде, все они и не вспоминали про необходимость мыться, или бриться, или вообще ходить куда-либо, разве что доплестись до первого же встречного, у которого можно будет выклянчить талон или два, чтобы вернуться с ними в лавку, где торгуют Кровью.

Найдя себе более-менее постоянную работу мойщика посуды в одном из здешних ресторанов и подзаработав немного, Ривас наведался в маленькую, темную лавочку Крови на берегу одного из каналов. Наркотик влек его к себе, как запретный плод: в Эллее он был вне закона и стоил бешеных денег. Лавочник и сам пристрастился к зелью, а потому разразился таким

восторженным панегириком в адрес Крови, что Ривас, послушав его, повернулся и ушел: чувства подсказывали ему, что этот во всех отношениях восхитительный порошок лишит его с такими усилиями вылепленного самомнения, болезненных, но неприкосновенных воспоминаний об Урании, амбиций как музыканта — в общем, всего, что делало его Грегорио Ривасом.

— Славное утро, а?

Ривас вполне правдоподобно подпрыгнул и с опасливой надеждой покосился на типа, что остановился рядом с ним. Ростом тот уступал Ривасу, но сложение имел покрепче. Лицо его — за исключением носа и глаз — пряталось под густой рыжей бородой.

— Э… ага, — осторожно согласился Ривас, поправляя на плечах лямки мешка. — Ну, разве что немного свежо.

— Ага, и то верно. — Мужчина зевнул и прислонился к стене рядом с Ривасом. — Что, ждем кого, а?

— Ну да, — быстро ответил Ривас. — Я… — Он осекся и пожал плечами. — То есть нет.

— Ясно, — усмехнулся тот. — Послушай, я как раз перекусить собрался. Ты не голоден?

Ривас надеялся, что быстрое движение рукой к

карману вышло у него естественным.

— Э… да нет…

— Уверен? Там, куда я собрался, нам подадут по большой тарелке *machaca con huevos*[1] — домашних, на халяву. — Он подмигнул. — И я могу сделать так, чтобы нас посадили у огня.

Ривас нахмурился. Все это ему не нравилось.

— Правда? И где же это?

— Ну, славное такое заведение на Спринге, принадлежащее моим друзьям. — Тип снова зевнул, потянулся, вытянув руки вверх, и опустил их; при этом одна рука как бы невзначай легла на плечо Ривасу.

Губы Риваса сжались в жесткую линию.

— На Спринге… а точнее?

— А? Ну, это всего пара кварталов отсюда. На углу Спринга и Главной. Всего ходьбы пять ми…

— Ясно. — Ривас сделал шаг назад, высвобождаясь из-под руки незнакомца. — Выходит, это у нас будет Мальчиковый Клуб. Нет уж, спасибо. — Он перешел улицу и прислонился к стене противоположного дома.

Впрочем, тип последовал за ним.

— Так ты знаешь, что это за место, а? Слушай,

---

[1] Примечания: 1

традиционное блюдо мексиканской кухни. *(здесь и далее примечания верстальщика)*

парень, не задирай ты так нос. Позволь мне хотя бы…

Ривас повернулся к нему лицом так, чтобы тот увидел торчавшую из-под правого рукава рукоять ножа.

— Я могу всадить его тебе в сердце так быстро, что ты и ойкнуть не успеешь, — заметил он вполне благожелательным тоном. — *Vaya*[2].

— Бог мой, парень, — воскликнул тип, отступая на шаг. — Ладно, ладно! — Он попятился дальше и, оказавшись вне досягаемости ножа, вновь приобрел свой непринужденно-развязный вид. — Мы ведь могли подружиться! — бросил он на прощание через плечо.

А, пожалуй, мне даже нравится, почти удивленно думал Ривас, пряча нож обратно в рукав, что все на свете убеждены в том, будто их дружба чего-то стоит. Бог мой, если бы я и правда был заблудившимся, голодным пареньком, я, пожалуй, подумал бы, прежде чем отказываться от завтрака.

Ривас давно уже заприметил компанию молодых людей, гревшихся у костра в подворотне рядом с Рынком Древностей. Посмотрев в том

---

[2] Примечания: 2
Отвали (*исп.*)

направлении еще раз, он увидел, что одна из девушек улыбаясь направляется к нему.

— Поссорился с дружком, да? — спросила она, оказавшись на расстоянии негромкого разговора.

— А-а… — Ривас неопределенно махнул рукой. — Мы с ним и не знакомы. Он просто подошел и заговорил со мной.

— Ты голоден? Пошли позавтракаешь с нами.

Сердце у Риваса забилось чаще, ибо это весьма походило на тот крючок с наживкой, который он искал. Однако он изобразил на лице неуверенность.

— Ну… у меня ведь денег нет…

Девушка положила руку ему на плечо и заглянула ему в глаза.

— Деньги — это всего лишь пешки в игре неразумных, не знавших счастья детей, — убежденно произнесла она, и он даже отвернулся, опасаясь, что охвативший его хищный, охотничий восторг отразится на его лице. Фраза, которую она произнесла, входила в стандартный набор Соек и не менялась с тех пор, как он впервые услышал ее в то утро тринадцать лет назад. Позже он и сам пользовался этими словами во время своих вылазок, изображая вербовщика.

— Может, оно и верно, — отозвался он точно такой же накатанной фразой, — но как же жить-то без денег?

— Нет, — мягко возразила она, ненавязчиво подталкивая его к подворотне. — Ты совершенно не прав. Деньги нужны, только чтобы *умереть*. Для того, чтобы жить, нужна любовь.

Он усмехнулся с наивно-юношеской горечью.

— Ну, уж ее-то найти еще трудней.

— Все нелегко искать, — заметила она, — если не знать, где искать или что ты ищешь.

Ловко орудует девочка, подумал Ривас, позволяя вести себя к группе Соек. Те повернулись к нему и встречали его улыбками. Шею и запястья девица, конечно, давно уже не мыла, да и по платью видно было, что в нем спали, но фигурой она вполне вышла, и держалась она с серьезной доброжелательностью. В общем, несмотря на неровные зубы, улыбка ее яркостью не уступала окошку, светящему в ненастную ночь, а ведь изголодавшийся путник ничего другого и не заметит.

Сидевшие в кругу огня Сойки потеснились, освобождая место для Риваса. Садясь на влажную землю, он внимательно оглядел сидящих, но Урании среди них не было. Похоже, это была

совершенно типичная стая: преимущественно молодежь, тут и неуемный оптимизм новых рекрутов, и спокойная убежденность тех, кто прожил некоторое время с этой верой. Впрочем, встречались здесь и пустые лица давних обращенных — дежурная улыбка смотрелась на них как коврик с приветственной надписью у входа в заброшенный дом.

— Это наш новый друг, — объявила его провожатая, садясь рядом с ним. — Он был настолько добр, что принял наше приглашение разделить с нами трапезу.

В ответ со всех сторон послышались негромкие, но вполне радостные возгласы, заверявшие Риваса в том, что с его приходом день несказанно просветлел. Ривас старался отвечать именно так, как от него ожидалось.

Как-то вдруг до него дошло, что он обменивается с ними рукопожатиями и улыбается во весь рот, причем делает это совершенно *непроизвольно* — по меньшей мере последнюю минуту он вовсе не играл. Ему стало слегка не по себе — да что там, он просто-напросто испугался, ибо до сих пор такое случалось с ним только дважды. Этот теплый, счастливый отказ от самого себя он испытал тринадцать лет назад, когда он —

перепуганный изгой — впервые повстречался с Сойками, и второй раз — всего три года назад, во время последнего избавления. Он тогда как раз обнаружил наконец девушку, вернуть которую его нанимали, окончательно обдумал план ее похищения и позволил себе непростительную роскошь на час расслабиться в гнезде у Соек. Оба раза эта слабость проходила довольно быстро, да и уязвимость объяснялась крайней усталостью — но что могло послужить оправданием на этот раз?

— В чем дело, брат? — Худенькая девушка-Сойка заметила его внезапное смятение, прижалась к нему и погладила его по щеке; краем глаза Ривас заметил, как другой рукой она подала остальным знак захлопнуть капкан. Все остальные разом придвинулись к нему с озабоченными лицами, словно бы ненароком перекрыв все пути к бегству.

Ривас огляделся по сторонам и решил, что самое время выяснить, кто из них здесь главный.

— Я… это… просто подумал… — пробормотал он. — Мне правда нужно домой, к родителям.

Он знал, что теперь его обступят еще теснее и что тот, кто подаст им знак, и будет их вожаком. Как он и предполагал, вожаком оказалась сестра

Сью — девушка, которая привела его сюда; сейчас она стояла перед ним на коленях и, взяв его за руки, приблизила лицо словно для того, чтобы поцеловать, но вместо этого пристально заглянула ему в глаза.

— Поверь своему внутреннему голосу, — произнесла она негромким, вибрирующим голосом, отдававшимся, казалось, у него в зубах. — Ты же ведь и сам понял уже, что они не настоящая твоя семья, верно? Ты же знаешь ведь, что в душе твоей столько такого, чего они не способны ни разделить с тобой, ни распознать? Вопросов, на которые они не то что ответить, но даже понять не могут? Потому ты и ушел от них — нет, не перебивай меня, — подумай сам, и ты поймешь, что я права. С минуты, когда я тебя увидела, я поняла, что душа у тебя настоящая и что ты ищешь семью, в которую можешь вступить целиком. Я не прошу тебя довериться ни мне, ни им, ни кому другому; я говорю только, что единственный, кому ты можешь довериться, — это себе самому. И куда привели тебя поиски любви? Ко мне. К нам.

Глаза ее блестели от слез, а другие Сойки, даже самые продвинутые, кивали ему и гортанно мычали что-то — половина низко-низко, а половина высоко, почти пронзительно, и это утробное дву-

тонное жужжание, казалось, вонзается ему прямо меж глаз, заставляя вибрировать весь его мозг.

Трудно было вспомнить хоть что-то… почти невозможно удержать мысль дольше секунды или двух… но он знал, что это ему и не нужно. Самосознание, сдерживавшее его в рамках его личности, могло и отдохнуть немного.

Он ощущал себя усталым — отдохнуть ночью ему почти не удалось, да и стоять ему не было никакой нужды. Его окружали люди, которым он мог доверять.

Он сознавал, что память его расходится с тем, что говорили ему глаза: помнится, эта стая Соек состояла вроде как из других людей, и сидели они, кажется, на другом углу, и серый туман куда-то делся, и одежда его каким-то странным образом была уже не грязной, мятой, в пятнах запекшейся крови, но чистой и выглаженной. Впрочем, его личные воспоминания и чувства не казались ему больше жизненно важными.

Он улыбнулся в эти глаза, заполнившие, казалось, целый мир, и он понял, что ему уже полегчало. Должно быть, он потерял Уранию уже много лет назад, потому что и боль, которую причиняла ему эта утрата, и даже синяки и ссадины от той трепки, что задали ему Бёрроуз со своими

людьми вчера вечером, в день рождения Урании, исчезли.

— Ты ведь нашел свою настоящую семью, правда? — мягко спросила сестра Сью.

Если какая-то часть его рассудка и визжала отрицательно, она находилась где-то совсем глубоко.

И Ривас, впервые за много лет ощутивший полный покой, блаженно выдохнул единственное слово: «Да».

Когда стая Соек покидала город, она захватила с собой и Риваса. Один из стражников у Южных ворот, седовласый ветеран, за долгие годы службы понавидавшийся подобных картин, устало вышел из своей будки и, вытянув жезл, остановил их.

— *Alto*,[3] — произнес он. — Вы, все.

Сестра Сью лучезарно улыбнулась ему.

— Что-нибудь не так, друг?

Стражник мотнул головой в сторону Риваса — когда их маленький отряд остановился, тот врезался в спину шедшего перед ним типа, но продолжал блаженно улыбаться всем и каждому.

— Кто этот обдолбанный парень? — строго

---

[3] Примечания: 3
Стоять (*исп.*)

спросил стражник.

— Один из нас, — отвечала сестра Сью. — Его зовут брат Боуз.

— Это так, сынок? — спросил тот громче. — Эй, сынок! Боже, да вы над ним хорошо поработали, да? Надо же… Эй, послушай, ты правда хочешь уйти из города? Это ведь не обязательно.

— Я хочу идти туда, куда идут эти люди, — объяснил Ривас.

— А куда они идут?

— Не знаю.

— Как тебя зовут?

— Э… мне говорили, только я забыл.

— Ну что ж, — горько вздохнул стражник, опуская жезл; окованный железом конец стукнул о мостовую. Он поднял взгляд на девушку. — Вид-то у него до сих пор пристойный. Уж с ним вы не теряли времени даром, так ведь?

— Некоторые более других готовы отдаться Господу, — наставительно ответила она.

Тот открыл было рот, но явно не нашел подходящей отповеди, поскольку просто буркнул *«vaya»* и побрел обратно в будку.

— *Vayamos,*[4] — отозвалась сестра Сью и повела

---

[4] Примечания: 4
Идёмте. (*исп.*)

свой отряд вперед, под высокую арку городских ворот и дальше, по булыжной дороге, спускавшейся по склону на запад, в сторону порта. День выдался ясный и солнечный; по всему склону там и здесь были разбросаны шатры и навесы, словно это повылезали из земли после вчерашнего дождя разноцветные грибы. Некоторые торговцы окликали пилигримов.

— Эй, сеньора! — кричал сестре Сью жирный лоточник. — Позволь мне отмыть тебя немного и губы накрасить, и, Сойером клянусь, ты запросто будешь заколачивать по три полтины в день!

Остальные торговцы рассмеялись, и смех сделался только громче, когда другой добавил: «По мерзавчику за раз!»

Некоторые из новообращенных Соек возмущались или даже злились подобной развязности, но улыбки на лицах сестры Сью, Риваса и продвинутых вещателей не померкли ни на мгновение.

Какой-то тип выскочил из-за прилавка своей лавки, подбежал к Ривасу и помахал у того перед носом листком бумаги. Это оказалась выцветшая черно-белая фотография голой женщины — будь она почетче, больше размером и цветная, за нее можно было срубить в городе целый ящик полтин.

— Что, нравится? — хихикнул торговец.

Взгляд Риваса скользнул по изображению, задержался на нем и — в первый раз за несколько последних часов — сделался чуть осмысленнее, а улыбка сменилась на лице хмурым, озабоченным выражением.

— Ого, да ты у нас, выходит, не охоч до девочек! — вскричал торговец, явно потешая своих приятелей. — А раз так, то уж до этого точно, верно? — И он, вытащив из кармана бутыль дешевого джина, торжествующе помахал ей в воздухе.

Ривас остановился, и идущий за ним ткнулся ему в спину, когда он нерешительно потянулся к бутылке. Зрители-торговцы визжали, колотили кулаками по прилавкам и катались по земле от хохота.

— Ну, не совсем еще оцыплячился! — кричал торжествующий торговец. Он начал выдергивать пробку, но тут резкий удар выбил бутылку из его рук. Перед ним возвышалась сестра Сью, и улыбка ее сияла так ослепительно, что тот даже зажмурился, как от яркого света.

Она что-то прошептала ему на ухо, потом, произнеся громко: «Мы еще за тобой вернемся, брат», повернулась к Ривасу.

— Ступай за мной, брат Боуз, — сказала она. Он кивнул и вместе с остальными двинулся дальше между притихшими торговцами. Теперь сестра Сью следила за ним внимательнее, поскольку брови его так и остались чуть хмуро сведены.

Торговец, всхлипывавший с той минуты, когда сестра Сью отвернулась от него, тяжело осел на землю; вырезанный из древнего журнала листок выскользнул у него из пальцев и улетел куда-то по склону.

Глава 3

Все утро маленький отряд шел на юг вдоль берега большого морского залива, который, хоть и простирался теперь на север почти до самых городских стен Эллея, до сих пор продолжали называть Сан-Педро-бей. Хотя Ривас почти не тормозил их движения — он перебирался через уличные завалы, переходил вброд затопленные участки улиц и брел через наносы мелкой серой пыли так же неутомимо, как все остальные, — походка его оставалась механической, а взгляд пустым.

Они углубились в Иглвудскую пустошь — полосу пустынной земли, тянувшуюся на восток до самой Венеции. Растительности здесь и правда было небогато, но называли эту местность так больше из-за почти полного отсутствия населения, ибо те, кто пытался поселиться здесь, страдали от разных заболеваний, да и дети здесь рождались только уродами. Несколько раз за время их путешествия из-за мутных стекол или из канализационных решеток на них смотрели чьи-то голодные глаза, но сгорбленные, исхудавшие, мало напоминавшие людей создания, напав-

шие бы на любого другого путешественника, не трогали стаю сестры Сью, ибо только в городах и ближайших окрестностях Сойки изображали пацифистов.

Обитатели пустоши давно уже научились держаться подальше даже от самых безобидных на вид Соек.

Они миновали несколько причалов, построенных сравнительно недавно: постоянно поднимающийся уровень воды еще не успел поглотить их. Можно было только догадываться, что за промыслом занимаются те, кто швартовал у этих причалов свои лодки, поскольку ни один из моряков не помахал им, зато каждый без исключения был вооружен длинным ножом или рогаткой.

Зато земли, прилегающие к причалу у Гейдж-стрит, похоже, стали чем-то вроде поселка Соек. Здесь стояло несколько шатров, и каждый месяц новая группа пастырей выполняла обязанности держать в порядке лодки, на которых новообращенных рекрутов переправляли через залив.

Стая сестры Сью добралась до причала без проблем. Вместе со всеми остальными Ривас послушно доплелся до конца пирса. Собственно, пирсом своим Сойки были обязаны не столько строительному мастерству, сколько случаю. Пирс

представлял собой большой древний грузовик, лежавший на боку; верхняя часть его, бывшая раньше кабиной, наполовину ушла в песок, намытый зимними наводнениями, а дальний конец выступающей в море боковины длинного металлического трейлера почти скрывался под волнами. Поверхность этого пирса проржавела кое-где насквозь, но даже так на ней можно было разглядеть большой крест, который некогда, возможно, был красного цвета, и обрывки каких-то слов. В нормальном состоянии Ривас непременно попытался бы прочитать надписи и разобрать их смысл, но сегодня они были для него не более чем узор на мостовой. За краем причала темнел на фоне сверкающей водяной глади силуэт пришвартованной парусной лодки.

Прямо напротив них, по ту сторону залива, на горизонте виднелась иззубренная линия белых как кости зданий, но пастырь на конце пирса, прищурившись, смотрел на юг, где залив расширялся, где в этот ясный день можно было разглядеть полоску земли — остров Лонг-Бич. Дойдя до конца причала, Ривас вдруг остановился и попятился назад, словно перспектива морской прогулки пугала его. Однако пастырь нетерпеливо шагнул к нему и с силой толкнул

в спину. Ривас полетел в лодку и относительно благополучно приземлился на одной из скамеек на палубе; впрочем, оказавшись на борту, он держался тихо и хлопот больше не доставлял.

Сестра Сью внимательно посмотрела на него, потом повернулась к пастырю, пожала плечами и продолжила погрузку своей стаи.

Часа в три пополудни лодка ошвартовалась у причала Соек в Серритос. Место это, отстоявшее от южных границ пустоши, казалось с залива почти тропиками: высокие деревья в цвету, буйные заросли у самой воды. Воздух был наполнен резкими криками попугаев и обезьян, а из воды высунулись морды нескольких рептилий, явно в ожидании поживы. Однако пастырь благополучно переправил всех паломников на берег, после чего оттолкнул лодку от причала и направил ее обратно к пирсу у Гейдж-стрит. Стая сестры Сью поднялась тем временем по напоминавшей зеленый туннель тропе на холм, откуда им открылся, наконец, вид на стадион Серритос. С севера и юга к нему стекались другие стаи Соек, так что у ворот собрались изрядная толпа. Сестра Сью повела своих подопечных туда же.

Над входом на стадион какой-то не столько искушенный, сколько исполненный религиозного

рвения художник изобразил Мессию Нортона Сойера, с раскинутыми руками приветствующего все человечество; при этом нарисованная толпа, на которую он смотрел сверху вниз, сливалась с живой толпой улыбающихся Соек, вливавшейся через ворота на стадион. Все молчали, так что единственными звуками было шарканье подошв или покрытых мозолями босых ног или невольные охи тех, кого в толчее прижали к бетонной стене.

Оказавшись внутри изрядно обветшавшей от времени чаши стадиона, Ривас механически отметил про себя новинку: восемь хлипкого вида деревянных башенок, с равными интервалами расположенных по периметру поля. На верху каждой башни стоял бородатый мужчина, каждый держал в руке посох. Пробившись сквозь царившую у входа давку, стаи Соек снова разъединялись, собираясь в кружки у основания башенок.

Стоявшие на башнях бородатые пастыри в капюшонах были почти неотличимы друг от друга; странное дело, но именно безмозглые, разложившиеся члены каждой стаи вели своих спутников через заросшее поле каждый к своей башне. Та, к которой брела стая сестры Сью, находилась в

дальнем конце стадиона, и когда они, наконец, добрались до своей цели, остальные уже отдыхали в благословенной тени.

Словно по команде пастыри на башнях разом открыли рты и испустили низкое, ровное гудение; через пару секунд им начали вторить «продвинутые» Сойки, но уже пронзительно-высоким визгом. Это был тот самый двутонный звук, который совсем недавно, утром, подчинил Риваса воле его новых покровителей… но теперь он только увеличил его замешательство. Он покосился на сестру Сью, увидел, что та следит за ним, и поспешно отвел взгляд.

Звук оборвался так же внезапно, как начался, и стоило стихнуть эху в обветшалых бетонных конструкциях, как Ривас непроизвольно шагнул вперед, словно вырываясь из опутавших его невидимых уз.

Пастыри сунули свои посохи за пояса и по шатким лестницам слезли с башен. Ривас не сводил глаз с того, вокруг которого столпились их стая и еще пара других. Оказавшись на земле, тот выпрямился, снова высвободил свой посох, подошел к сестре Сью и вполголоса заговорил с ней о чем-то.

В ответ она мотнула головой в сторону Риваса

и добрых полминуты продолжала шептаться с ним. Выражение лица загорелого, бородатого пастыря не изменилось, но он медленно поднял голову и посмотрел на Риваса, а когда сестра Сью договорила, он подошел к новому обращенному.

— Добро пожаловать в твою истинную семью, брат Боуз, — произнес он звучным голосом.

Ривас неуверенно оглянулся, потом кивнул.

— Э… спасибо.

— Сколько тебе лет?

— Э… восемнадцать? Кажется, восемнадцать.

Пастырь пристальнее пригляделся к нему, к его лицу и шевелюре.

— Гм. Будь так добр, сними свой мешок и дай мне.

Ривас покосился на сестру Сью; та улыбнулась и кивнула. С явной неохотой он все же скинул с плеч брезентовые лямки и протянул мешок пастырю.

Тот взял мешок и, отступив на шаг, принялся расстегивать пряжки. Остальные пастыри тем временем хлопотали с новыми рекрутами. За исключением их негромких голосов единственным звуком оставался шум ветра в бетонных руинах.

— Ну или тридцать один, — заявил вдруг Ривас. Пастырь оторвался от мешка.

— Что?

— Может, мне и тридцать один год.

Тот уже откинул клапан заплечного мешка, но, нахмурившись, посмотрел на него.

— Может, и тридцать один, а? Тебе приходилось… быть с нами прежде?

— Нет, сэр. Я только вчера из дому сбежал. Мой отец батрачит у Бёрроуза. На виноградниках в поместье.

— Дай-ка разобраться, — мотнул головой пастырь, доставая из мешка какой-то объемистый, завернутый в тряпицу предмет. — Ты ушел из дома в тридцать один год и называешь это «сбежал»?

Ривас сделал глубокий вдох, пытаясь справиться с подступающей паникой.

— Да нет, восемнадцать, — выпалил он. — Нет, точно восемнадцать.

Пастырь открыл было рот, чтобы спросить что-то еще, но тут же закрыл его, ибо увидел, что именно было завернуто в тряпку: запасной Ривасов пеликан.

Взгляд, который он бросил теперь на Риваса, был полон подозрения.

— Это еще, черт подери, что?

— Чей-то пеликан, — почти шепотом отвечал

Ривас после довольно долгой паузы.

— Чей-то? Это не твой?.. Да отвечай же, чтоб тебя!

— Нет, сэр. — Ривас в замешательстве провел рукой по губам. — У меня есть пеликан, только не такой красивый, как этот.

— Что ж, брат Боуз, музыка — это то, что нам приходится запрещать. — Он разжал пальцы, пеликан с жалобным «дзынь» упал на землю, и тот растоптал его тяжелым башмаком.

Пастырь повернулся и собрался было уходить, но вдруг застыл и резко повернулся к Ривасу:

— Скажи-ка, как тебя зовут?

Хмурое выражение, уже довольно долгое время царившее на лице Риваса, на мгновение исчезло куда-то.

— Брат Боуз, — ответил он, не скрывая гордости за верный ответ.

— Да нет, черт возьми. Я имею в виду, как тебя звали до того, как…

Тут вдруг послышался звонкий звук трубы, и чей-то голос с дальнего конца стадиона рявкнул в рупор: «Приготовьтесь встречать Господа нашего!»

Пастырь вытянул шею и увидел выходящего на поле пожилого мужчину в белой рясе.

— Сойер пришел, — сказал он. — Ступай на середину поля. А после причастия поговорим еще. — Он подтолкнул Риваса вперед и повернулся к остальным стаям, собравшимся у его башни. — Все новички — идите за этим братом. Я лично поздороваюсь с каждым после.

Ривас брел по раскисшему полю, из которого повылезали после дождя там и здесь зеленые ростки, и хотя плелся он так же медленно, как сотня с лишним других новичков со всех концов стадиона, мысли его метались в голове как бешеные.

Это ведь не мой пеликан, думал он. Свой-то я хорошо помню. Я накопил деньжат и купил его, когда мне исполнилось шестнадцать — о'кей, но тогда откуда же я *помню* тот, что он растоптал? Черт, я помню даже, что колок у пятой струны разболтан, так что ее приходится подстраивать после каждого номера…

Номера?

Какого еще номера? Ну да, я ведь выступаю в… как там это место называется? «Бомбежище» — вот как, в Венеции. Ну да, конечно, и мне двадцать пять лет… тогда чего же, черт подери, я думал про восемнадцать или тридцать один?

И что, скажите на милость, я делаю в компании

Соек? И почему прусь принимать причастие в *трезвом* виде?

Он задержался на мгновение, но смутное подозрение, что он здесь вовсе не случайно, только забыл, с какой целью, заставило его неохотно двинуться дальше. Он с опаской ощупал запястье и к облегчению своему убедился в том, что нож на месте. О'кей, подумал он, доиграем эту сцену до конца, только самого причастия попробуем избежать. Это, судя по всему, стадион Серритос, и по своим давним дням у Соек я помню, где здесь служебный выход с кухни. В общем, полагаясь на внезапность, быстроту и нож, я смогу выбраться отсюда и смыться в холмы за пару минут.

Облаченная в белое фигура сойера двигалась к центру поля быстрее, чем сужающееся кольцо причащаемых, и он проскользнул внутрь его за мгновение до того, как те остановились, коснувшись друг друга плечами. Десять долгих секунд он вглядывался в лица окруживших его людей.

— На колени, — произнес он голосом, напоминающим скрежет трущихся друг о друга бетонных блоков.

В наступившей тишине особенно громкими показались шорох и кряхтение, с которым все на стадионе подчинились его команде. Ривас,

прищурившись, смотрел на сойера — белая ряса его сияла так ярко, что небо за ним казалось фиолетовым. Тот снова окинул взглядом свою паству, потом пересек круг и остановился перед девушкой человек за шесть справа от Риваса.

— Слейся с Господом, — произнес сойер, протянул руку и коснулся ее лба.

Она охнула, словно ее ударили под дых, и, выпав из круга, покатилась в грязь.

И вдруг Ривас все вспомнил: Бёрроуза, нанимающего его для избавления Урании, кошмар, в котором он видел ее, собственное беспокойство по поводу неожиданной восприимчивости к этой чертовой хищной религии…

Надо делать ноги, подумал он, инстинктивно потянувшись к спрятанному в рукаве ножу. Если уж примитивные трюки вербовщика с такой легкостью превратили его в улыбающегося зомби, что будет после причастия?

Но ты не можешь бежать, сообразил он в следующую же секунду, — не можешь, не пустив псу под хвост с таким трудом заработанную легенду дурачка-новообращенного, а вместе с ней и все шансы найти Уранию.

Но ведь и принимать причастия трезвым я тоже не могу, в отчаянии подумал он. Сердце

его колотилось в похолодевшей груди, и, покосившись вправо, он увидел, что до него осталось всего два человека. Еще он заметил, что негромко всхлипывает, и ему стоило большого труда прекратить это.

— Слейся с Господом, — произнес сойер, дотрагиваясь до лба следующего паренька. Тот мешком осел в грязь, и Ривас услышал лязг зубов, когда голова его стукнулась о землю.

Ривас сунул руку в рукав, вытянул нож из ножен примерно на дюйм и прижал палец к режущей кромке. Потом сделал глубокий вдох и зажмурился.

— Слейся с Господом. — *Ох. Шлеп.*

Услышав, как шаги сойера замерли прямо перед ним, Ривас резко выдохнул…

…и с силой нажал пальцем на лезвие. Сталь прорезала ноготь и уперлась в кость. Боль пронзила его горячей, ослепительной вспышкой, и он заставил себя цепляться за эту боль, выкинув из головы все остальное.

Он даже не слышал, как сойер произнес положенное «Слейся с Господом».

Последовал бесшумный, оглушительный удар, и он провалился в ледяную бездну — такую холодную, что любое движение в ней (а он откуда-то

знал, что в ней все-таки что-то шевелится и это «что-то» обладало разумом) казалось лишенным жизни. В какой-то древней книге он вычитал, что жидкий гелий закипает при температуре около абсолютного нуля… Все тепло его тела словно разом выдернули куда-то, но новое тепло вливалось в него через левую руку — через большой палец.

Тепло и холод словно раздирали его на части, и хотя он и сам разрывался между ними, остаток разума его тянулся к теплу, и он ощутил, как всплывает. Правда, то, что находилось в противоположном конце его души, оторвалось от него и теперь преследовало. Однако оно отставало, и скоро он уже не беспокоился ни об этом, ни о черном, ледяном разуме внизу.

Зато теперь его раздражали боль в бедре и липкая, в мелких камешках грязь на щеке. Он сел и огляделся по сторонам. Сойер ушел, хотя толпа по периметру поля никуда не делась, и все они стояли на коленях. Потом взгляд его упал на соседей по цепочке, причащенных.

Только двое-трое из них оправились от причастия, а может, просто и не теряли сознания, и теперь они глупо оглядывались по сторонам, словно пробудившись от глубокого сна. Большинство же оставались лежать в грязи. Некоторые

дергались, остальные валялись как мертвые. У нескольких из тех, кого он мог разглядеть, шла кровь из царапин, полученных от падения или судорог; что ж, так его порезанный палец вызовет меньше вопросов.

Только тут он заметил, что голова его осталась ясной — такой же, как всегда, с нетронутыми памятью и личностью. Ба, его импровизация с болевой блокадой работала даже лучше, чем алкоголь, тем более что та, защищая от причастия, оставляла потом пьяным.

Эта мысль напомнила ему о пинте ячменного виски, спрятанной в клапане мешка, и он поспешно встал. Старательно изображая оглушенный вид, он побрел через поле к своей стае Соек.

Сестра Сью, не скрываясь, наблюдала за его приближением, но пастырь не поворачивался до тех пор, пока Ривас не оказался в нескольких футах от него. Только тогда он обернулся, держа в руках пинту виски.

— Ты быстро оклемался, — заметил пастырь.

Ривас отозвался на это глупой ухмылкой и смахнул со лба прилипшую прядь волос; при этом на лбу его остался мазок крови.

— А Мёрфи все во дворе играет, — тоном заправского ябеды протянул он, — хоть мамка звала

его. — Отходя от причастия, чаще всего говорят именно такую ерунду.

— У тебя кровь идет, брат Боуз, — встревоженно сообщила сестра Сью, одновременно подавая пастырю знак, смысла которого Ривас не уловил.

— А? — Ривас покосился на окровавленный палец с видом, как он надеялся, безмозглого удивления. — Ба, правда!

— Должно быть, упал на какой-нибудь стеклянный осколок, — предположил пастырь. — Скажика, брат, что это? — Он помахал в воздухе плоской бутылкой.

Ривас старательно наморщил лоб в мысленном усилии.

— Виски, — ответил он наконец. — Кажись, это мое.

— *Было* твоим.

Пастырь разжал пальцы. Бутылка не разбилась, упав на землю, но удара тяжелым каблуком уже не выдержала. Ривас как мог постарался скрыть свое огорчение.

— Спиртное — другая вещь, которую мы вынуждены запрещать, — объяснил ему пастырь. — Тебе еще повезло, что она была непочатой, а сестра говорит, что подобрала тебя нынче утром трезвым. И все-таки и спиртное, и музыкальный инстру-

мент у одного новичка… — Он многозначительно покачал головой. — Так как все-таки тебя зовут?

— Джо Уили, — наугад выпалил Ривас. — То есть нет, извините, я хотел сказать, брат Боуз.

— А сколько тебе лет?

— Я… это… не помню.

Пастырь кивнул, потом улыбнулся.

— Тебе понравилось причащаться?

Ривас зажмурился и принюхался к запаху вылитого виски.

— О да, сэр. Очень.

— Это хорошо, потому что я назначаю тебе особый режим. Большинство людей причащаются не чаще раза в день, но тебе мы позволим проделать это сегодня *дважды* — здорово, правда? Мне кажется, ты сможешь рассказать мне больше… после этого. Как тебе это нравится?

Ривас открыл было рот для ответа, но пастырь перебил его:

— Да, и мы позволим тебе на этот раз сидеть, чтобы ты больше не упал и не расшибся.

Ривас округлил глаза.

— Вот здорово, — сказал он, но тут же нахмурился и перешел на шепот. — А другие… они не будут завидовать?

— Нет. Это будет нашей маленькой тайной.

Иди за мной.

Осторожно ступая по грязи, он провел Риваса к маленькой двери в стене стадиона. За ней оказались полутемный коридор и дверь с железной задвижкой.

— Извини, — сказал он Ривасу, — здесь нет ни окна, ни лампы. Но теперь ведь сам Господь Сойер следит за тобой, так что тебе нечего бояться темноты. Там есть стул — найдешь его и сможешь сидеть.

Ривас поколебался немного. Даже сейчас, подумал он, я мог бы заколоть его и удрать. Даже проще, чем прежде. Но опять-таки это лишит меня легенды.

Вот интересно, я и правда так хочу вернуть Уранию? До такой степени?

— Да, — вздохнул он и шагнул в комнату. Дверь за ним сразу же захлопнулась. Затхлый воздух подтвердил, что комната и правда лишена окон и мала по размерам. Должно быть, бывшая кладовка. Секундой спустя он услышал лязг задвигаемой щеколды.

После нескольких минут осторожных поисков его порезанный палец болезненно соприкоснулся с обещанным стулом, и он уселся. О'кей, сказал он себе, уговоримся раз и навсегда: тебе нельзя боль-

ше пройти ни одного этого чертова причастия. Даже думать забудь об этом. Если придется, я укокошу сойера… но, может, мне удастся засвистеть его, а потом растянуться на полу — так, придя в сознание, он решит, что уже причастил меня.

Он надул губы и насвистел первые шесть нот «Пети и Волка» — живой, задорной мелодии, звучавшей в этом месте совсем уже дико. Потом, довольный, уселся поудобнее и принялся ждать.

Ему вспомнилось, как он впервые обнаружил это особое свойство музыки вообще и «Пети и Волка» в особенности.

В холмах к северу от пустоши Сил-Бич стая Соек, с которой он странствовал тогда, увидела на горизонте столб дыма. Пойдя в том направлении, они обнаружили разбитые, догорающие, разбросанные по дну пересохшей реки останки купеческого каравана из Санта-Аны. Скорее всего купцы стали жертвой банды так называемых ухарей. Ухари разъезжали на причудливых самодельных велосипедах и название свое унаследовали от легендарных древних мотоциклистов вместе с наводившими ужас ухающими мечами — благодаря особой форме те издавали громкое уханье, когда их быстро вращали в воздухе. Как бы то ни было, налетчики забрали все самое ценное

и скрылись, но Сойки не спешили, да и требования у них были поскромнее. Они терпеливо перебирали окровавленные ошметки поклажи, и наградой им стало довольно много металлических предметов и проволоки… но Ривас нашел чудом оставшийся целым пеликан.

Вот так и вышло, что девятнадцатилетний Ривас на несколько минут забыл про царивший вокруг разгром, услаждая слух валявшихся трупов старыми мелодиями, которым его обучил отец. Рваные ритмы пальбы вспугнули ждавших своей очереди стервятников, которые на всякий случай принялись кружить чуть выше.

Неизвестно почему, никому из спутников Риваса не пришло в голову, что он и раньше умел играть на таком инструменте, так что они сочли это божественным чудом. Ривас не стал разубеждать их в этом, и, вернувшись вместе со всеми в их тогдашнее гнездо, принялся сочинять новые, набожные слова к тем нескольким мелодиям, которые умел играть.

Примерно через месяц их стаю посетил совершавший обычный обход сойер, и Ривас без всякой задней мысли вызвался сопровождать радостный ритуал причастия своей музыкой. Сойер не имел особых возражений и двинулся по кругу

причащаемых под звуки «Голубой луны», «Тебе не угодить» и прочих традиционных мелодий, исполняемых Ривасом в обычном ритме. Однако когда, устав от подобного старья, тот начал играть изрядно паленую интерпретацию «Пети и Волка», случилась странная вещь.

При первых же задорных нотах сойер застыл, глаза его закрылись, а протянутая было для причастия рука безвольно упала. Ривас, разумеется, заметил это, хотя и не заподозрил, что причиной этому стала его музыка. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что и все продвинутые тоже перестали вещать свою тарабарщину и отключились. Стоило музыке смолкнуть, как сойер вышел из оцепенения и двинулся дальше по цепочке, а продвинутые снова принялись нести свою чушь в наводящий ужас унисон. Юный Ривас задумчиво спрятал свой инструмент — до вечера.

В следующие пару недель он опытным путем установил, что мелодия эта, исполненная в темпе пальбы, приводит безмозглых сектантов в состояние, близкое к полной потере сознания, а когда их навестил следующий сойер, Ривас изыскал возможность подтвердить свою теорию и на нем.

С тех пор это стало его тайной, последней линией обороны против причастия, а позже, после

нескольких лет жизни в Венеции и возвращения в Эллей, сделалось профессиональным секретом, сделавшим его лучшим избавителем из всех, промышлявших этим бизнесом.

Однако, напомнил он себе не без досады, сидя в темной каморке, теперь они запретили и музыку. С чего бы это — для большей святости или они разгадали мой фокус?

Просидев в темноте довольно долго, он услышал в коридоре шаги, а в щели под дверью появилась трепещущая полоска желтого света. Лязгнула щеколда, и дверь открылась. За ней стоял сойер с факелом в левой руке; спутанная седая борода и ряса придавали ему сходство с ветхозаветным пророком. Несколько секунд он просто стоял молча — должно быть, смотрел на Риваса, хотя лицо его оставалось в тени и сказать наверняка было трудно. Ривас воспользовался этой возможностью, чтобы оглядеть помещение. Толстые нити паутины по углам предполагали наличие крупных пауков, но мебели — за исключением его стула, конечно, — не было.

— Тебе оказывается великая честь, — объявил сойер.

— Да, сэр, — отозвался Ривас, стараясь придать голосу максимум нетерпения. — То есть отец.

Или как там положено. Я очень рад, что вы сочли меня достойным ее.

Фигура в белой рясе вступила в комнату, вставив факел в ржавое ведерко, приколоченное гвоздями к стене слева от входа. Покончив с этим, сойер воздел вверх правую руку, средний палец которой был выставлен вперед словно жало огромного насекомого.

Ривас надул губы и насвистел первые такты «Пети и Волка».

Рука оставалась поднятой, а палец продолжал целиться в него.

Он насвистел еще несколько нот — фальшивя от волнения. Потом сшиб стул назад, перекатился и, забыв про пауков, вскочил на ноги у задней стены.

Еще одна фигура в рясе возникла за спиной сойера и положила руку ему на плечо. Старик отступил назад, повернулся и вышел. Ривас слышал, как удаляются по коридору его шаги, а в комнату тем временем вошел уже знакомый ему пастырь, улыбаясь и уставив ему в живот пистолет.

Даже страх не помешал Ривасу удивиться тому, что тот выбрал столь опасное и ненадежное оружие: древние пистолеты, переделанные для

стрельбы отравленными дротиками, были в моде у городских леди из высшего общества, но выстреливаемые пружинами дротики часто застревали в стволе, да и не отличались ни дальностью, ни точностью. Ривас напрягся, прикидывая прыжок.

— Он глух, — пояснил пастырь, поднимая ствол пистолета чуть выше. — А теперь — ничего личного, но нам плевать, будь ты хоть МакЭн, или Бейли, или Ривас, или просто какой-то дурак, пытающийся украсть у нас обратно свою жену. Мы не потерпим тебя здесь.

— О Боже, мистер, не стреляйте! — захныкал Ривас, припадая на колено и одновременно ныряя левой рукой в правый рукав. Затем, резко распрямив согнутую ногу, он взвился вверх, устремив выхваченный нож в грудь пастырю.

Пистолет оглушительно грянул у него над ухом, и что-то горячее рвануло его плечо за мгновение до того, как он сшибся с пастырем. Сцепившись вдвоем, они врезались в стену и уронили факел, забрызгавший их горячим воском. В наступившей темноте Ривас оторвался от противника, потерял равновесие и рухнул на пол. Он слышал, как пастырь рванулся вперед, споткнулся о стул и, хрипя, свалился где-то в углу.

Боже, лихорадочно думал Ривас, шаря руками по полу в поисках ножа, этот чертов пистолет *стрелял пулями*… стрелял в меня… может, как раз сейчас этот гад целится на звук… да где же этот чертов *нож*…

Все тело его напряглось в безнадежном ожидании следующей пули, и даже после того, как он услышал из угла резкий всхрип и дробный стук пастырского башмака о стену и понял, что это означает, ему потребовалась почти целая минута, чтобы хотя бы подняться на ноги.

Настоящие патроны, поразился он. Где, черт возьми, он их раздобыл? Я-то думал, они все протухли еще полвека назад…

Через некоторое время он перестал задыхаться. Факел погас при падении, так что комната освещалась только слабыми отсветами из коридора, но, приглядевшись хорошенько, он все же разглядел на полу свой нож и подобрал его. Нож был скользким от горячей крови. Ривас сунул его обратно в ножны, пообещав себе, что позже промоет его.

Стараясь не обращать внимания на неприятную пустоту в животе и струившийся по лицу пот, он заставил себя обойти упавший стул, опуститься на колени и поискать пистолет.

Он надеялся, что глаза его привыкнут к полумраку, но почему-то с каждой минутой видел все хуже. От сведенного смертной судорогой тела омерзительно воняло, так что Ривас, обыскивая тело, так и не знал, во что именно вляпывался руками. Под пальцами его в темноте натягивались и лопались нити паутины, палец снова начал кровоточить, пачкая кровью все, до чего он дотрагивался, а мертвое тело, казалось, увеличилось в размерах: куда бы ни двинулся Ривас, он везде натыкался то на руку, то на ногу… а может, оно подобно пауку отрастило себе еще несколько конечностей… или трупов здесь было больше, чем один, — никак не меньше дюжины, и все потихоньку поднимались в темноте на ноги, и зыркали своими незрячими глазами, и тянулись к нему холодеющими руками…

Что-то — паук или еще какая-то тварь — пробежало у него по руке, но вместо того, чтобы взвизгнуть, Ривас погрузился в какое-то умственное оцепенение. Зубы стиснулись до боли в висках, колени прижались к подбородку, руки охватили лодыжки.

Вот так, вяло думал он, так и держись, поддерживай ступор, пока сойер не разгребет всю эту гадость. Не нужно ничего: ни движения, ни

зелья, ни людей… он скоро придет и заберет эту падаль.

И все-таки совсем абстрагироваться от окружения ему никак не удавалось. Он понимал, что лежит как опрокинутая бочка на полу, что локоть его нестерпимо болит. Он ослабил хватку, колени оторвались от подбородка, и он чихнул.

Стоило ему подняться на ноги, как ступор сменился тревогой. Коридор осветился: кто-то приближался к нему с факелами, и голоса звучали все громче. Он метнулся к двери и устремился по коридору в направлении, противоположном свету.

Жаль, конечно, что он так и не нашел пистолета, но зато теперь он не сомневался, что найдет отсюда дорогу на кухню — и к выходу!

Час спустя он скорчился на балконе полуразрушенного жилого дома в нескольких милях к югу от стадиона, жутко жалея о том, что лишился пинты виски: вот где пригодились бы антисептические свойства этого напитка, да и в качестве болеутоляющего виски бы не помешало. Хотя оцарапанное пулей плечо перестало кровоточить, болело оно от этого не меньше, и он опасался, что его так лихорадит из-за инфекции.

Сейчас никак нельзя расползаться, сердито

убеждал он себя. Сойки — во всяком случае, стая сестры Сью, — меня раскусили, и припасы тоже пропали. Любой здравомыслящий избавитель в такой ситуации отправился бы прямиком домой, вернул бы клиенту половину полученного аванса, извинился бы и посоветовал обратиться к услугам одного из коллег. А уж избавитель, у которого имеются все основания полагать, что он начинает выживать из ума, — тем более.

Однако Урания у них. Если я не хочу рискнуть своим рассудком ради нее, на кой черт он вообще мне сдался?

Он встал и подергал своим раненым, обжигающе-горячим плечом, на которое, казалось, навалился дополнительный вес. Единственное, что я могу еще, вяло думал он, — это двигаться дальше на юго-восток вдоль пролива Лонг-Бич, в глубь пустоши Сил-Бич. Будем исходить из худшего — если Уранию везут прямиком в Священный Город в Ирвайне, мне лучше опередить их и не пропускать мимо себя без тщательной проверки ни одной, даже самой маленькой стаи Соек.

То, что задача эта была практически невыполнима, не поменяло его решения.

Ривас вздохнул, выбрался из тени к парапету чуть покосившегося балкона и совсем было

собрался перебраться через него на пожарную лестницу, когда краем глаза увидел на стене свою тень.

Забыв про дурноту, он с испуганным воплем перевалился через перила, рухнул на землю, перекатился и принялся колотиться раненым плечом то о шершавые стены, то о землю: поверх силуэта его тени, четко пропечатавшегося на стене, ясно виднелся еще один, угнездившийся у него на плече — небольшой, полупрозрачный, но определенно напоминающий человеческую фигуру.

Спустя несколько отчаянных секунд Ривас, хрипя и задыхаясь, поднялся на ноги и с опаской огляделся по сторонам. Сброшенная им с плеча тварь вполне могла оставаться где-то совсем рядом, чтобы прыгнуть на него и присосаться обратно.

Наконец он увидел ее в дюжине футов от себя. Ее полупрозрачное тело было измято и порвано о камни, пока Ривас катался по двору, но она оставалась на ногах, и хотя разглядеть ее было не легче, чем медузу в прозрачной воде, на маленьком, чуть тронутом розовой краской личике играла идиотская ухмылка.

Ривас лихорадочно пытался вспомнить все, что

слышал — и по наивности считал бреднями! — о тварях, известных как хемогоблины. Чаще всего их встречали в южных холмах. Они рождались почти невидимыми, похожими на целлофановые пакеты пленками, летавшими по ветру до тех пор, пока им не удавалось присосаться к чьей-нибудь открытой ране; тогда они начинали расти, приобретая человеческие очертания, краснея, напитываясь кровью своего хозяина, до тех пор, пока они не обретали способности ходить и охотиться целенаправленно, а не летать наугад, как семя одуванчика. Ривасу даже приходилось слышать рассказы о говорящих хемогоблинах.

Сначала тварь просто негромко шипела, потом прошептала:

— Ривас…

— Убирайся к черту! — отозвался он срывающимся от напряжения голосом.

— Хоть капельку крови! — умоляла тварь.

Ривас вынул из ножен окровавленный нож и кинул его на землю — так швыряют корку хлеба бродячей собаке, чтобы та отстала.

— Для начала хватит с тебя и этого, — хрипло произнес он. — Я подожду, пока ты не разделаешься с этим. — В нескольких ярдах справа от себя он заприметил осыпавшийся кусок стены

и решил, дождавшись, пока тварь не начнет обгладывать нож, прыгнуть туда и забросать ее камнями до тех пор, пока не изорвет ее настолько, чтобы она не смогла больше собраться воедино.

Однако стоило хемогоблину коснуться окровавленного ножа, как очертания его стали более отчетливыми, и Ривас увидел, что лицо того, как это ни невероятно, является точным, хоть и карикатурным отображением его собственного лица. Мгновением спустя он, забыв про боль и усталость, про нож и свои планы, в слепой панике несся прочь.

Еще через пять минут он, выдохшись, скатился вниз с обрыва в том месте, где залив пересекал очередную улицу. Паника его сменилась простым страхом, и он впервые с неудовольствием заметил, что некогда белая его одежда сплошь заляпана грязью.

Он сел, как мог вытер руки и оглянулся на склон, по которому только что скатился кувырком. Черный, обугленный слой земли ясно виднелся на откосе, и он вспомнил, как отец говорил ему, что зола всегда, куда бы ты ни пошел, находится в двух футах ниже уровня земли. Поэтому Ривасу не составило труда высчитать, сколько он катился: футов двенадцать, решил он.

Мне еще повезло, что я не сломал ногу, подумал он, вставая с болезненным стоном, — или шею.

До него вдруг дошло, что он голоден, и он окинул взглядом водную гладь, подернутую золотой рябью в лучах заходящего солнца. Он зашел уже достаточно далеко на юг, чтобы пресная вода реки Эллей изрядно смешалась с морской, так что здесь вполне могла попадаться морская рыба; он не настолько проголодался, чтобы пытать счастья с пресноводными рыбами, попадавшимися в Инглвудской пустоши. Впрочем, ловить рыбу ему все равно было нечем.

Тут он увидел к северу от себя парус. Прищурившись, он разглядел замысловатую оснастку, какую использовали обыкновенно Сойки. Разом порадовавшись тому, что одежда его из-за грязи сделалась почти маскировочной, он осторожно, но быстро двинулся вдоль берега. В конце концов, он нашел промоину в илистом берегу, где вода плескалась о скругленные временем обломки бетона. По ним он поднялся обратно наверх, задержавшись по дороге пару раз, чтобы полюбоваться на ленту декоративной плитки, украшавшую бетон. Выбравшись на уровень городских улиц, он двинулся к заросшим буйной зеленью полуразрушенным зданиям в надежде

отыскать там чего-нибудь съестного.

Впрочем, похоже, ему плохо удавалось сосредоточить мысли на насущных проблемах: когда он в очередной раз остановился поглазеть на древний орнамент разрушенной каменной стены, он прикрыл глаза рукой от солнца и обвел взглядом карнизы и балконы, на которых грелись теперь только ящерицы, птицы и редкие кошки. Он улыбнулся, представив себе послеполуденный пикник на одном из этих балконов с Ури на обратном пути. Он не думал сейчас ни о шансах найти ее, ни о том психологическом поединке, который требуется, чтобы хотя бы частично освободить рассудок от соичьих штампов. В конце концов, ему удалось найти дерево авокадо и сбить два плода. Потом он по пожарной лестнице вскарабкался на крышу трехэтажного здания, уселся там и, глядя на неспешный заход солнца, поужинал. На юге, в стороне Лонг-Бич-Айленд, тянулись в небо два столба дыма, а когда небо начало темнеть, ему показалось, что он видит у их основания и мерцающие желтые точки далеких пожаров.

Глава 4

Следующее утро выдалось холодным, туман, похожий на изваянный из серого камня призрак, наложил на и без того окутанный дымкой древний пейзаж дополнительный слой, так что дом, в котором Ривас укрылся на ночь, казался в этом сером безмолвии последним шпилем погребенного песками города. Он стоял, поставив ногу на парапет, а восходящее солнце окрашивало туман на востоке в розовый цвет, а потом пробилось сквозь него и начало рассеивать. Ривас изучал открывающиеся взгляду клочки пейзажа и пытался представить себе, где застанет его вечер.

В конце концов он решил, что туман достаточно поредел для того, чтобы двигаться дальше, и повернулся было к пожарной лестнице, но тут заметил краем глаза какое-то движение вдалеке и вернулся на свой наблюдательный пост.

Далеко справа, то есть к северу от него, медленно двигалась торчащая из тумана вертикальная черточка. Приглядевшись к ней пристальнее, он решил, что это корабельная мачта и что она приближается. Какое мне дело до нее, подумал он и снова двинулся к лестнице, когда его осенило.

Как, интересно знать, она передвигается, если на ней нет парусов? Течение в реке так далеко к югу никак не могло сообщить ей такую скорость, и — по крайней мере во время последнего его пребывания в этих краях — морские течения направлялись в противоположную сторону.

Невольно заинтересовавшись этим странным феноменом, он на затекших ногах похромал по крыше к парапету и снова посмотрел на мачту, которая за это время заметно приблизилась — до нее оставалось теперь не больше мили. Она раскачивалась из стороны в сторону, проваливалась и подпрыгивала гораздо чаще, чем делала бы это на морских волнах, и до Риваса наконец дошло, что мачта, должно быть, прикреплена к крыше повозки, которая движется по разбитой дороге вдоль залива.

Он смотрел на нее до тех пор, пока не убедился, что она сейчас проедет мимо. Тогда он скатился по пожарной лестнице на улицу, еще не решив, что делать дальше: напроситься в попутчики, угнать лошадь или просто удовлетворить свое любопытство. Оказавшись на мостовой, он спрятался за кустом бугенвиллеи, не сомневаясь в том, что пышный куст в сочетании с туманом послужат ему надежным укрытием.

Не услышь он цокота копыт, он решил бы, что выбрал неверное место для засады, и спустился бы ближе к берегу. Однако повозка вскоре вынырнула из тумана: вначале неясный, похожий на тень силуэт, который по мере приближения обретал цвет и детали. Как оказалось, четверка лошадей тащила не фургон, а поставленный на колеса небольшой корабль. Широкий корпус выпирал над утонувшими в нишах колесами наподобие раздутой ветром юбки, а шест, торчавший вверх перед подобием рубки, и впрямь оказался мачтой. Из своего убежища Ривас разглядел за ней горизонтальную рею, болтавшуюся над крышей.

Сам корпус был деревянным, крепким, как вербовочные фургоны Соек, и Ривас заподозрил, что знает, каким промыслом заняты эти ранние странники. Подозрение его сменилось уверенностью, когда повозка приблизилась настолько, что стали видны свежие щербины и пробоины в бортах и пара оборванных вант на рее.

Наскоро прикидывая легенду, которая могла бы изобразить его полезным попутчиком, он внимательно изучал ездоков, угнездившихся на высокой кучерской скамейке. Сзади и с боков скамейка прикрывалась алюминиевыми листа-

ми, такими щербатыми, как будто по ним долго молотили кувалдами. Оба мужчины производили впечатление не менее бывалых, чем их фургон-лодка: изрядно поизношенных жизнью, но вполне даже дееспособных. Фургон подъехал уже совсем близко, так что медлить дальше было рискованно.

Ривас сделал глубокий вдох, скрестил пальцы и выступил из-за своего куста.

— Доброе утро, — весело произнес он.

Кучер натянул вожжи, повернул рычаг тормоза, и повозка с печальным скрипом остановилась, качнув напоследок мачтой.

— Что нужно? — поинтересовался второй ездок, глядя на Риваса без особого энтузиазма. — Попутчиков не берем. — Голову его украшал котелок, водруженный поверх окровавленной повязки. Загорелое лицо под ним казалось столь худым, словно он в жизни не ел досыта, да и улыбаться даже не пытался.

— Рисковое это дело, — согласился возница, седой старик в бейсболке и спортивной майке. Как и его спутник, он был перевязан в нескольких местах.

Ривас улыбнулся в ответ.

— Я только хотел спросить, не на ту же ли шай-

ку Соек вы напоролись, что напала на меня вчера вечером. Мне-то удалось улизнуть, но мой фургон они захапали — со всем… ну, товаром.

Старик посмотрел на него с интересом.

— С товаром? — задумчиво переспросил он.

— А вы, джентльмены, чем вы промышляете? — поинтересовался Ривас.

Прежде чем ответить, старик с опаской огляделся по сторонам.

— Мы, сынок, избавильщики.

Его спутник с отсутствующим видом кивнул. Знаю я, что вы за избавильщики, подумал Ривас.

— Ясно, — произнес он вслух. — Что ж, почтенное занятие. Я и сам, скажем так… аптекарь.

— Ты торгуешь Кровью, — сказал старик.

— А вы сутенеры, — с улыбкой кивнул Ривас. Старик снова помедлил, потом кивнул.

— Угадал, сынок. И — да, была там шайка Соек. Чертовы пастыри, не желавшие поделиться с нами парой пташек из своей стаи. Так ты говоришь, они заграбастали всю твою Кровь?

— Все, что у меня было с собой. И фургон с лошадью. Мне еще повезло, что головы не лишился.

— Ага. Жаль, жаль. Нет ничего лучше Крови успокаивать их, как они цыплячиться начинают.

— Тоже верно. — Ага, заглотил наживку, подумал Ривас. — Знакомы с Ретти Фрейзи?

— Ясное дело, — ответил худой. — Слыхал, его нет в живых?

— Слухи доходили. А что случилось?

— Да на одного чертова избавильщика напоролся.

— На одного из этих, наемных, — уточнил старик. — Говорят, это был Грег Ривас, тырил какую-то девку обратно к родителям. Так ты был знаком с Фрейзи?

Ривас пожал плечами.

— Провернул с ним пару делишек.

Двое мужчин на козлах, похоже, немного успокоились. Худой снял свой котелок и заглянул в него.

— Ну и куда ты дальше за новой Кровью? — спросил он, явно обращаясь к своей шляпе.

— Да есть у меня еще запасец, припрятал в канализации у Ханнингтен-тауна, — Ривас предполагал, что внутри фургона заперты по меньшей мере две девушки — иначе с какой стати Сойкам было бы так яростно обстреливать повозку, а то, что эти двое остались живы, говорило о том, что пастыри Соек их все-таки упустили. Похищенных у Соек девиц почти всегда привозили в Ханнинг-

тен-таун, откуда морем переправляли в Венецию, ибо уж там-то умиротворяющей Крови было в достатке. Возможно, главной проблемой у сутенеров было то, что продвинутые женского пола — в отличие от менее популярных у клиентов мужчин — никогда не доходили до отрешенного от всего состояния вещателей, так что использовать их можно было, только постоянно успокаивая дозами Крови.

Худой напялил свой котелок обратно на повязку.

— Ханнингтен нам по пути.

— Угу, можем подвезти, коли хочешь, — сказал старик.

— Спасибо, — улыбнулся Ривас, забираясь на колесо и стараясь при этом не задеть свой больной палец. — Я расплачусь, когда мы приедем туда.

— Садись ко мне, сынок, — пригласил его старик. — Найджел посидит и на крыше.

— Не возражаю, — согласился Ривас, усаживаясь на козлы на место перебравшегося назад Найджела. Остатки тумана сползли в залив, и в воздухе разлился запах нагретого солнцем эвкалипта. Старик встряхнул вожжами, и фургон тронулся с места.

— Нужно пополнить запас товара, — заметил

старик, — можешь сплавать с нами на север, в Венецию. Лишняя пара рук на борту никогда не помешает, и потом, сдается мне, чертовы пастыри повредили шварты и половину такелажа.

— Что ж, звучит соблазнительно, — отозвался Ривас, напомнив себе мысленно, что никакая сила на земле не заставит его прибыть в Венецию с моря — на берег, где ковыляли, ползали и плавали по каналам отравленного Инглвуда самые ущербные обитатели этого города… или на узкие, то и дело меняющие очертания пляжи, разноцветный песок которых был усеян пузырями спекшегося стекла и древними, но почему-то упорно не желающими разлагаться осколками костей… и уж менее всего под кров сооружения, известного как Дворец Извращений.

Все годы в Венеции Ривас гордился своей репутацией самого отъявленного сорвиголовы, плавая при луне по каналам, которые многие и днем-то обходили стороной, участвуя в самых безрассудных дуэлях. Но даже тогда он сознательно не приближался ко Дворцу Извращений ближе, чем на несколько кварталов. Однако и историй, что доходили до него об этом месте, хватало, чтобы по ночам ему снились кошмары. Рассказывали о фантастических башнях и шпилях, оставлявших

на небе черные царапины, так что даже ясным днем сквозь ажурные ребра его верхних этажей светили звезды; о потерявших человеческий облик существах, плачущих в зарешеченных окнах его закоулков. Порой подобных чудовищ находили умирающими в каналах, вытекающих из высоких дворцовых арок, и некоторые из них даже говорили по-человечески. Рассказывали о деревянных водостоках-горгульях, корчившихся в невыразимых муках дождливыми ночами и кричавших голосами, в которых многие узнавали голоса своих пропавших друзей… Место это считалось самым злачным из всех ночных клубов города. Ривас вдруг вспомнил девицу, с которой крутил роман — разумеется, недолгий. После того, как он по обыкновению бесцеремонно порвал с ней, та, плача, заявила ему, что наймется официанткой во Дворец Извращений. Он так и не заставил себя поверить в то, что она выполнила это свое обещание, — даже, несмотря на то, что в один прекрасный день рыбаки вытащили на берег похожее на моржа чудище и принялись его разделывать, а оно уставилось на него своими глазищами и, умирая, прошептало прозвище, которым называла его в свое время только та девица…

Фургон-корабль катился на юг по старым улицам. Солнце поднялось выше, и они поехали немного быстрее, потому что старик кучер теперь лучше видел бугры и рытвины на дороге. Первые полчаса Ривас не задавал вопросов насчет девиц внутри фургона, стараясь не выдавать своего интереса к этому промыслу. Однако мысль о том, что Ури может в настоящий момент находиться прямо под ним, не давала ему покоя, так что в конце концов он не выдержал.

— Сколько вам удалось набрать на этот раз? — с деланным безразличием спросил он, ткнув вниз своим порезанным пальцем.

— Четверых, — сказал старик. — А может, их уже только три. Найджел иногда глушит их слишком сильно.

— Сука, — откликнулся сзади Найджел.

— Найджел у нас не слишком церемонится с дамами.

— Угу, особенно с оцыпляченными, — согласился Найджел.

— Ясно, — кивнул Ривас.

Господи, подумал он, ну и парочка. Если мне удастся придумать способ вывести их из строя, прежде чем отчалить, я это сделаю. А если Ури здесь, я их убью. А если Ури здесь и она мертва,

я…

Он отвернулся словно для того, чтобы посмотреть в глубь побережья, потому что испугался, что его обаятельная улыбка сменилась менее приятным выражением лица. Несколько шаров перекати-поля катились параллельно их фургону, напоминая скелеты каких-то шарообразных животных; когда они докатились до бугорка и на мгновение подлетели в воздух, Ривасу показалось, будто он видит на одном из них розоватое пятно… но тут старик снова заговорил, и Ривасу пришлось повернуться и слушать его.

— Меня звать Леденец, — сказал старик.

С десяти попыток, подумал Ривас, я и сам догадался бы.

— А я Пого Поссум, — представился он по наитию: вряд ли кто-нибудь из этих двоих читал книги. — Давно в этом… бизнесе?

— С шестого года прошлого Туза. И Найджел, и я, оба. Мы шатались по этим местам, когда молодой Сойер начал собирать последователей. Черт, да я ведь жил в Ирвайне, в доме, который нынче за белыми стенами остался… то бишь оставался до того большого взрыва в последний год того Туза.

Ривас кивнул. Слухи о ночной вспышке и оглушительном грохоте из-за белых стен — и

неизбежные домыслы насчет того, что сам Сойер погиб при этом взрыве, поскольку сразу после этого он удалился от мира, запершись в Священном Городе, — потрясли самые основы веры. Именно тогда Ривас, которому исполнился двадцать один год, воспользовался замешательством и без лишнего шума слинял от Соек в Венецию.

— А самого Нортона Сойера видели? — поинтересовался Ривас.

— Еще бы, черт меня возьми, не видел. До тех пор, покуда он не заперся в своем чертовом городе, он был повсюду. — Леденец восхищенно покачал головой. — Но знаешь, сынок, я не виню тех, кто за ним пошел. С этим парнем трудно было тягаться. Да и нынче, поди, тоже, только ему не нужно больше ничего доказывать. Да-а, я сам видел, как мертвый человек встал и заговорил с родными — взаправду мертвый: уж раздулся и вонял весь.

— Деревья гнулись, будто кланялись, когда он проходил, — сказал Найджел. — Сами видели.

— Самым обычным делом было сотне птиц разом кружиться над его головой, будто карусель какая, будто чертов нимб, — и хоть бы одна ему на голову обделалась!

Ничего себе соперничек в борьбе за привязан-

ность Ури, невесело подумал Ривас. И кстати, некогда и мой духовный отец тоже. Хорошо еще, не лично, а через посредников, суррогатов. Вряд ли у меня хватило бы… чего, кстати? Силы воли? Самосознания? Ладно, чего бы ни было, этого не хватило бы на то, чтобы отречься от веры, имей я дело лично с мистером Мессией Сойером. И уж наверняка я не осмелился бы ослушаться его так дерзко: взять и отправиться прямиком в Венецию. Сойер ведь всегда если и упоминал это место, так только затем, чтобы проклясть.

Тут воспоминания его были прерваны быстрым ритмичным топотом откуда-то снизу, из фургона. Он продолжался до тех пор, пока Найджел не стукнул по крыше своим тяжелым кулаком.

— А ну цыц, шлюха! — рявкнул он. — Вот ужо тебя научат новым танцам!

Только тут до Риваса дошло, что это был за звук. Одна из девушек, судя по всему, несколько утратила веру в то, что все в порядке и весь мир находится в руках у Сойера, ибо причудливое притаптывание, сопровождаемое взмахами рук, известное как Просветляющий Танец, рекомендовалось пастырями как идеальное средство очистки мозгов от неуютных мыслей. Подобно вещанию оно никогда особенно не интересовало

Риваса.

Он знал, что это не может быть Ури: она всего три дня как обратилась в веру, и Просветляющему Танцу ее просто не могли еще научить. Однако если она и правда находилась в фургоне, интересно, какое впечатление произвело на нее это зрелище. Его самого, помнится, пугало, когда кто-то вдруг пускался в этот танец, топчась на месте, задыхаясь и идиотски размахивая руками, крепко-накрепко зажмурившись, словно в испуге от всего окружающего.

Он вспомнил, как кошка Ури как-то приползла к ней во двор с перебитым позвоночником, волоча задние лапы. Ривас с Ури резвились на зеленой травке за сараем на задах усадьбы Бёрроузов, и Ури вскочила и бросилась к кошке — взгляд все еще затуманенный, губы опухли от поцелуев — и попыталась поднять ее, а та завизжала и завертелась как волчок, заставив Ури отпрянуть с расцарапанной в кровь рукой.

Ривас избавил несчастную тварь от страданий ударом лопаты, а потом попытался утешить потрясенную, рыдающую Ури. Сейчас ему вспомнилось: ее потрясла не столько кровь повсюду, не столько боль в оцарапанной руке, сколько внезапность случившегося, то, как причудли-

вый, разрушительный ужас вторгся в их жизнь, словно кусок ледяного металла упал на них с безоблачного летнего небосклона.

Еще несколько миль фургон-лодка мирно катил по дороге. Начало пригревать. Краем глаза Ривас уловил какое-то движение над одной из развалин… и похолодел, увидев, что это пикирует на них с верхушки дерева бой-шершень размером с хороший кулак; даже отсюда, с расстояния в пару сотен футов, видно было радужное облако его вибрирующих крыльев. Раз ему довелось видеть, как такая тварь ужалила человека: бедолагу сшибло с ног ударом, но умер он, еще не коснувшись земли, отравленный ядом из трехдюймового жала, угодившего ему прямо в глаз.

Ривас готов был спрыгнуть с фургона и бежать, когда услышал за спиной щелчок, что-то просвистело у него над правым ухом, а спустя долю секунды шершень разлетелся на мохнатые клочки, только бесформенные пластины крыльев оседали на дорогу осенними листьями.

Ривас очень медленно повернулся назад. Сидевший на крыше за его спиной Найджел вложил камень в кармашек здоровенной рогатки, потом смотал резинку, спрятал оружие в шляпу и насадил ее обратно на голову. Взгляд его оставался

холодным и невозмутимым, как у каменного изваяния.

— Лихо он с этой штукой управляется, Найджел-то, — заметил Леденец.

— Угу, — согласился Ривас, прикидывая свои шансы поскорее нейтрализовать эту парочку и посмотреть на девушек в фургоне.

Когда фургон проезжал мимо дерева, Ривасу пришлось зажать нос, ибо в воздухе стоял металлический запах убитого шершня.

В нескольких сотнях ярдов за ними шар перекати-поля зацепился за металлический столб, с которого еще свисали остатки проволочного заграждения, которое лет сто назад перегораживало улицу. Из сплетения ломких ветвей вынырнула полупрозрачная розовая голова, щурясь, огляделась по сторонам и принюхалась. На лице ее обозначилась улыбка, розовая рука эфемернее сброшенной змеиной кожи протянулась и не без труда отцепила куст от колючей проволоки. Потом голова и рука спрятались обратно, а куст покатился дальше на юг.

Часа в два пополудни Леденец свернул с относительно наезженных прибрежных дорог и направил фургон на восток по одному из старых шоссе, пересекавших полосу тропических зарос-

лей и нырявшему в засушливые холмы в глубине материка.

— Почему свернули? — поинтересовался Ривас, глядя на то, как синяя полоса воды перемещается с правого борта за корму и начинает постепенно уменьшаться в размерах.

— Нынче вдоль берега движется чертовски большое войско, — объяснил Леденец. — Пришли с севера, захватили Санта-Ану и Вестминстер, а теперь спускаются к заливу — вдоль берега и морем. Жгут все на своем пути.

Ривас вспомнил пожары, которые видел на Лонг-Бич-Айленд прошлой ночью. Должно быть, они уже у входа в залив, подумал он.

— Надо же. Откуда они взялись?

Некоторое время старик не отвечал, осторожно направляя лошадей между угрожающего вида ямами в мостовой.

— Ну, — произнес он наконец, миновав опасное место, — мы были в Ханнингтен-тауне пару дней назад, так там говорили, это войско откуда-то с севера. Вроде как с Сан-Берду. — Он пожал плечами. — Что ж, может, и так.

— Надо же, — повторил Ривас, усаживаясь поудобнее и наслаждаясь приятной прохладой на правой щеке, которую всю первую половину дня

поджаривало солнцем. Что получается, думал он: Эллей держит своих солдат у западной и северной границ, а Сан-Берду наступает с другой стороны. Уж не рассчитывают ли бердусские ребята застать их врасплох? А что, может и получиться. Почти все, кто странствует по Инглвудской пустоши, не отличаются особой разговорчивостью: Сойки, ухари, сутенеры вроде этих двух моих приятелей. Может, и получится.

Ко времени, когда Леденец завел фургон в похожее на гараж сооружение, достаточно высокое, чтобы в него уместилась торчащая мачта, девушки внутри начали беспокоиться. Ривас пытался услышать их голоса, поскольку не сомневался в том, что голос Ури узнает даже по прошествии тринадцати лет. Последние несколько часов он обдумал возможность попросить показать ему пленниц и неохотно отказался от нее — даже попытка изобразить внезапный прилив похоти была бы рискованной. Настоящий торговец Кровью вряд ли обратился бы с такой просьбой, к тому же подозрительности его спутникам бы не занимать. Впрочем, когда фургон остановился, голоса внутри понизились до неразборчивого бормотания, так что Ривас спрыгнул на землю и огляделся по сторонам.

Они находились в просторном, гулком помещении. Судя по длинным прямоугольным ямам в полу, оно и впрямь служило когда-то чем-то вроде гаража или ремонтной мастерской, однако имелись здесь свидетельства и того, что его использовали и с другой целью, и не так уж давно. В одном углу были грудой свалены полуистлевшие койки и носилки, а пригнувшись к полу, чтобы поискать себе оружие, Ривас наткнулся на маленькую пухлую бутылочку с резиновой диафрагмой вместо пробки. От прикосновения диафрагма раскрошилась, а содержимое бутылки испарилось давным-давно.

С улицы доносились приглушенные, похожие на скрип несмазанных осей крики возвращавшихся на ночь попугаев; впрочем, крики эти становились оглушительными, когда те пролетали зелено-оранжевыми стаями перед окнами гаража. Тени заметно удлинились, а небо окрасилось в розово-оранжевый цвет, когда Найджел, шаркая подошвами, направился к выходу с мотком бечевы и мешком жестянок — ставить сигнализацию на случай непредвиденных ночных гостей.

— Вы как, обычно в фургоне спите? — спросил Ривас у Леденца.

— Ага, — откликнулся старик, сбрасывая на землю несколько холщовых мешков и спрыгивая вслед за ними. — Девицы внутри, мы с Найджелом на крыше. — Он уселся и принялся развязывать мешки. — Надеюсь, ты ничего не имеешь против свинины, — сказал он. — Да, кстати, — добавил он, покосившись на Риваса. — Попутчики ночуют сами по себе.

— Разумно, — согласился Ривас, ожидавший именно такого ответа. — Пожалуй, пока не стемнело, мне стоит осмотреться на предмет змей и скорпионов.

— Неплохая мысль, — кивнул старик.

Ривас двинулся в глубь здания, оглядываясь по сторонам в поисках любого предмета, способного сойти за оружие. То, что маршрут их отклонился от побережья, играло ему на руку, но он понимал, что дальше на восток его спутники не заберутся: начиная с этого места, они начнут сворачивать на запад, в сторону залива, прочь от Ирвайна. Поэтому, если он хочет выяснить, находится ли Ури в этом фургоне, это нужно делать этим же вечером, так как в случае, если ее там нет, ему нужно идти на юг.

У одной из стен высилась груда древнего хлама, в основании которой лежали ржавый двигатель

и такая же ржавая пружинная кровать. Он подошел к ней и с лязгом выдернул из нее несколько предметов: старый стул, ящик из-под ти-ви, автомобильный капот и корпус холодильника, настолько изъеденный ржавчиной, что он без труда поднял его одной рукой.

Теперь ему удалось расчистить надпись, сделанную маркером на кирпичной стене. Поначалу от нее виднелось только слово «ЗДЕСЬ», но когда он со звоном и грохотом отодвинул металлический стеллаж, с которого полетели на бетонный пол стеклянные осколки, он смог прочитать всю надпись:

МНОГО ХОРОШЕЙ ЕДЫ ЗДЕСЬ…

Поверх надписи маркером виднелись следы мела, однако единственным сохранившимся дополнением к этой надписи были три слова, накарябанные на кирпичах кончиком ножа: *больше не будет*.

Ривас оглянулся через плечо на Леденца: тот набрал хвороста, развел небольшой костерок и теперь раскладывал на решетке куски свинины. Что ж, подумал Ривас, тот, кто это выцарапывал, поторопился с выводом.

В конце концов он нашел более-менее подходящий предмет — длинную алюминиевую полосу

с тяжелым, ржавым болтом на конце — и сунул ее себе в рукав так, чтобы болт угнездился у него у сгиба локтя, а другой конец полосы не торчал из-под манжеты. И все это время в голове его вертелось слово, значения которого он не знал, но которое слышал много раз: *севативидам*, произносимое гортанно, прижимая кончик языка на *«т»* и *«д»* к зубам.

— Что ж, никаких кусачих гадов вроде нет, — громко сказал он, возвращаясь к фургону. Он заметил, что руки его заметно дрожат. — А спиртного у вас, ребята, ничего не найдется?

— А как же, полтина валюты на козлах, под скамьей, — сказал Леденец. — И кружка там же. Больше кружки не наливай.

Ривас открыл было рот для ответа, который за долгие годы сделался у него чисто рефлекторным, но спохватился и просто кивнул. Забравшись на козлы и шаря под скамьей в поисках бутылки и кружки, он рискнул шепнуть: «Ури?» Ответа не последовало, так что он наполнил кружку, закупорил бутылку, вернул ее на место и ухитрился спуститься на землю, не расплескав ни капли и не потревожив больной палец.

Старик тем временем поставил мясо на огонь. Ривас подсел к костру и не без трепета сделал

глоток валюты Бёрроуза — первый за тринадцать лет с тех пор, как пытался прикинуться лающей собакой.

Он был даже немного разочарован, поскольку не испытал ничего особенного, никакого прилива воспоминаний. Просто глоток крепкого спиртного, непривычно ароматного и жгучего, без чистого ячменного вкуса виски. Ну ладно, сказал он себе, все лучше, чем джин. Он немного расслабился и, отказавшись от попытки найти в этом драматизм, принялся смаковать напиток.

— Ну и как тебе? — поинтересовался Леденец.

— Корень вселенского зла, — с довольной ухмылкой отозвался Ривас. То-то бы Моджо удивился, подумал он, узнай он, что я швыряюсь его словечками…

А кстати, интересно, чем сейчас занят Моджо? Отпускает пиво редким клиентам и извиняется направо и налево по поводу отсутствия легендарного пеликаниста из Венеции? Или мечется как угорелый, не успевая обслуживать толпу, собравшуюся на какого-то нового исполнителя? Да нет, Стив не успел бы найти кого-то еще… *пока*.

Ривас покатал на языке еще каплю бренди — эта штука начинала ему даже нравиться — и попытался представить, выйдет ли он еще на

сцену у Спинка. Зажмурившись, он попытался вспомнить, как выглядело это место: высокий зал с баром с одной стороны и дверьми слева, люстры, столы, гирлянды бумажных кукол под самым потолком… Он пожалел, что так и не удосужился как следует разглядеть эти цепочки маленьких фигурок, взявшихся за руки и соприкасающихся носками ног. Они всегда занимали его, даже прежде, чем он узнал, что это последняя работа одного гениального скульптора — Ривас даже запомнил его имя: Ноа Олмондин — который сошел с ума и покончил с собой в последний год Шестого Туза. Вообще-то Ривас плохо помнил имена всех гениальных живописцев, поэтов, врачей и инженеров, даже политиков тех лет. Шестой Туз считался лучшим правителем Эллея со времен самого Сандовала. Ривасу шел семнадцатый год, когда вся эта толпа гениев канула сквозь ворота Догтауна — примерно тогда же, когда убили Шестого Туза. Впрочем, музыкантов в этой толпе вроде бы не было, подумал Ривас. Спасибо Сойеру и на этом: конкурентов меньше.

Вскоре далекий стук и лязг сменились шарканьем ног возвращавшегося Найджела. Ривас отставил кружку и с бьющимся сердцем пригнулся словно для того, чтобы присмотреть за

шкворчащей свининой.

Найджел вышел из-за угла.

— Как долго вы, ребята, таскали эту свинину с собой? — спросил Ривас, стараясь говорить не слишком быстро и не слишком пронзительно. — На мой взгляд она, ребята, залежалась, право слово, залежалась. Мне на фиг не нужно этих, как их, глистов, а? Знавал я одного парня, так он поел раз лежалой свинины, и по сравнению с тем, что он подцепил, даже глисты показались бы божьей милостью. А заполучил он…

Найджел уже приблизился и слушал его галиматью скорее раздраженно, чем подозрительно.

— *…севативидам…*

Как и надеялся Ривас, пленные девушки, услышав этот бессмысленный набор звуков, мгновенно завизжали, а застигнутый этим врасплох Найджел повернулся к фургону.

Ривас распрямился, как сжатая пружина, одним движением выхватив из рукава металлическую полосу и замахиваясь ею; когда его правая нога коснулась бетона, он уже набрал приличную скорость. Найджел услышал это и оглянулся, но Ривас уже налетел на него. Со всей своей силы, помноженной на энергию разгона, он ударил тяжелым болтом Найджелу в переносицу.

Голова Найджела только еще начинала запрокидываться назад, когда Ривас отпустил свою импровизированную палицу и, врезавшись в тело противника, вместе с ним повалился на пол. Первым делом он сорвал с Найджела его шляпу, и когда он, перекатившись за безжизненным телом, вскочил на ноги, рогатка уже была в его руке, и он целился в Леденца — тот выхватил нож и сделал пару шагов вперед, но застыл на месте, увидев, что Ривас натянул резинку до отказа.

— Брось нож, — задыхаясь, приказал Ривас. Нож лязгнул о бетонный пол.

— Что ты сделал с Найджелом? — всхлипнул старик.

— Возможно, чуть переусердствовал, — сказал Ривас, успокаивая дыхание. — Открой фургон.

Старик не пошевелился.

— Так вот что значила твоя белиберда? Вещание?

— Вот именно. Я могу убить тебя и открыть его сам.

Старик сделал шаг к фургону.

— Выходит, ты избавильщик.

— Из тех, наемных, — согласился Ривас. Он медленно поворачивался, продолжая целиться рогаткой в старика, но отступил на пару шагов

назад и на мгновение опустил оружие, подобрав с пола нож. Он успел сунуть его в ножны и снова натянуть резинку с камнем прежде, чем тот успел хотя бы обернуться на движение.

Когда Леденец снова повернулся к фургону, Ривас скосил взгляд на Найджела. Один глаз того остался широко открытым и смотрел куда-то в потолок, другой зажмурился, а между ними темнела глубокая вмятина. Вытянутая рука Риваса начала трястись, и ему остро захотелось оказаться как можно дальше от этого места.

Леденец забрался на корму фургона, повозился с замком и отворил дверь. Ривас подошел ближе. Внутри стояли, щурясь на оранжевый свет костра, три девушки. Все трое неуверенно улыбались, все еще веря в то, что Ривасова имитация продвинутого, вещающего после причастия, была настоящей.

Он вгляделся в их лица. Ури среди них не было.

— Выходите, девушки, — устало произнес он. — Вы свободны.

Улыбки исчезли с их лиц, но они все же спустились и бесцельно побрели к костру.

— Лезь туда, — приказал Ривас Леденцу. — И медленно, осторожно приведи сюда четвертую.

Старик скрылся в темноте. Спустя полминуты оттуда послышалось робкое: «Она мертва».

— Тащи ее к двери.

— Ты меня убьешь.

Может, и убью, подумал Ривас. Однако вслух он сказал только: «Не говори ерунды. Для меня это только работа».

Из темноты послышались шорох, возня, сопение, потом он разглядел тело, подталкиваемое к порогу. Темные волосы…

— Покажи мне ее лицо.

Леденец приподнял ее за волосы и повернул лицом к Ривасу. Это была не Ури.

Ривас даже не подозревал о том напряжении, что сковало его, пока оно не отпустило немного.

— Не та, которую я ищу, — сказал он Леденцу. — Лезь обратно внутрь и закрой за собой дверь.

На лице старика блестели слезы.

— Но ты же не можешь запереть меня здесь! Стены сколочены на совесть. Я умру с голоду, лучше уж застрели сразу…

— Успокойся, я не собираюсь запирать дверь. Так, навалю какого-нибудь хлама перед ней, чтобы слышать, если ты выйдешь. Мертвую девушку можешь выкатить наружу или оставить с собой — как знаешь.

Леденец потащил ее обратно.

— Не могу быть один, — буркнул он, закрывая дверь.

Ривас ослабил резинку, потом смотал ее и убрал рогатку в карман. Из кучи хлама у стены он притащил старую кровать и прислонил ее к двери.

— Вот так, — громко произнес он. — Если она упадет, пока я буду поблизости, я услышу, вернусь и уж тогда точно убью тебя, идет?

Старик что-то бормотал внутри, но, возможно, он обращался к мертвой девушке. Во всяком случае, прямого ответа Ривас не услышал.

Ривас забрался на козлы, забрал бутылку валюты и спрыгнул обратно на пол. За время поездки он обратил внимание на то, что упряжь лошадей отличается от обычной: помимо обычных пряжек она застегивалась кое-где шпильками, а каждая лошадь была оседлана легким английским седлом. Осторожно, чтобы не разбить, он поставил бутылку на пол и подошел к правой передней лошади изучить упряжь внимательнее.

Каждая из шпилек имела на шляпке металлическое кольцо; он выдернул шпильку из гнезда, и постромки упали на землю. Он улыбнулся почти сочувственно. Вы, ребята, были готовы ко всему, подумал он: и к пастырям Соек, и к бой-шершням,

и к необходимости переправляться вплавь… и даже, как видно, к возможности бросить свой фургон и удирать верхом, не перепрягая лошадей. Впрочем, уверен, впредь старина Леденец будет разборчивее в выборе попутчиков. Ривас выдернул еще одну шпильку и попытался вспомнить, на какую длину ему лучше отпускать стремена.

— А где сойер? — послышался голос у него за спиной. Он вздрогнул, едва не врезался в лошадь и обернулся.

Девушка была высокого роста, светловолосая. Силуэт ее вырисовывался на фоне догорающего костра, так что выражения ее лица он не видел. Впрочем, будучи хорошо знакомым, с Сойками, не сомневался в том, что ничего такого особенного он и не увидел бы.

— Мне очень жаль, мисс, — сказал он. — Поблизости таких нет. — Он посмотрел поверх ее плеча. — А куда пошли двое остальных?

Она пожала плечами.

— Что ж, удачи им. — Он вернулся к бутылке и сунул ее в карман, потом выдернул последнюю шпильку, отпрягая лошадь от фургона. — И тебе тоже, — добавил он, прикидывая, можно ли от нее добиться, чтобы она его подсадила в седло.

— Куда ты собираешься?

Он раздраженно повернулся к ней. Ну почему она не умотала со своими подружками?

— На юг.

— На юг? — спросила она, внезапно оживившись. — В Шатер Переформирования?

— Нет, черт подери, я… — Он осекся. А почему бы и нет? Можно ли мечтать о лучшей легенде, чем роль Сойки, которую оторвали от стаи и которая только и жаждет, чтобы ее вернули обратно или определили в другую стаю? Тем более в обществе самой что ни на есть настоящей Сойки? — То есть да, конечно, — поправился он.

— Тогда, может, отправимся в путь сейчас же? — предложила она. — Я чувствую себя ужасно одиноко без остальных.

— Да, — согласился Ривас, обводя свою лошадь за повод вокруг соседки, чтобы отпрячь еще и ту. — Мне хотелось бы убраться отсюда как можно быстрее.

Девушка равнодушно огляделась по сторонам, уделив мертвому телу Найджела не больше внимания, чем забытой свинине. Совершенно очевидно, домом для нее служило место, где были Сойки, а все остальные места не имели для нее никакого смысла, поскольку их там не было, так что годились разве на то, чтобы миновать их,

не оглядываясь. Ривас вычитал где-то, что жабы различают только два типа объектов: муху и все, что нельзя считать мухой. Похоже, восприятие у этой девицы точно так же ограничивалось двумя категориями.

— Потому что здесь никого нет, — устало пояснил он. Она улыбнулась и кивнула, так что он решил развить мысль. — И потом сейчас еще достаточно светло, чтобы сократить расстояние между нами и Шатром Переформирования на милю-другую. — Он протянул ей повод второй лошади. — Верхом ездить умеешь?

Улыбка исчезла с ее лица.

— Да, — коротко ответила она, принимая повод.

Он сообразил, что этому она, должно быть, научилась прежде, чем сделалась Сойкой, в отвергнутой прежней жизни, и что, хотя она использует это свое умение, чтобы вновь вернуться в лоно своей церкви, она не испытывает по этому поводу ни радости, ни гордости.

— Ладно, — сказал он. — Если я упаду, вернись за мной.

Не удостоив его ответом, девушка задрала вверх левое колено, сунула обутую в сандалию ногу в стремя и без видимого усилия взлетела в

седло; Ривас обратил внимание на то, что ноги ее под грубым холщовым балахоном длинные и стройные. В Венеции за нее дали бы неплохие деньги, подумал он, — а хорошо все-таки, что я спас ее от этого… Тьфу, какого черта я глазею на девчачьи ноги, когда мне нужно искать Ури?

Сам Ривас сел в седло со второй попытки.

— Езжай за мной, — буркнул он и выехал на улицу.

Когда негромкий цокот копыт стих, в гараже стало совсем тихо… нет, не совсем. Лучи заходящего солнца стали краснее, и пятно света, переползавшее по бетонному полу, быстро слабело. Две оставшиеся лошади время от времени переступали копытами. С улицы вплыла в гараж бестелесная тень, едва заметная глазу, ибо цветом она почти не отличалась от закатных лучей. Она повернулась неспешным движением пловца и застыла на мгновение, увидев сырую свинину, но оживилась еще сильнее, когда взгляд ее упал на труп Найджела. Она подобрала под себя ноги, и когда гравитация медленно опустила ее на пол, ее нематериальные пальцы пробежали по лицу и рукам Найджела в попытке найти открытую рану.

И тут наконец отворилась дверь фургона, и

ржавая кровать с лязгом повалилась на пол. Прозрачная тварь испуганным пескарем метнулась прочь, и когда взмокший от натуги Леденец, шаркая ногами, выбрался наружу, тварь уже прицепилась вниз головой к одной из балок и висела там, напоминая летучую мышь из бледно-розового стекла.

Старик сел на пол рядом с мертвым телом и принялся что-то нашептывать ему. Пятно света, бледнея, ползло все дальше в глубь гаража, тварь под потолком моргала своими глазищами, а одна из девушек-соек на улице лязгала жестянками, запутавшись в Найджеловой сигнализации, но голоса так и не подала.

В конце концов Леденец поднял тело Найджела с пола и отволок его к фургону. Потом, отдуваясь, залез внутрь, вытолкал мертвую девушку на пол, осторожно затащил Найджела на ее место и закрыл за собой дверь.

Прошло пять минут. Наконец висевшая под потолком тварь отцепилась, растопырив руки и ноги, осенним листом спланировала вниз и бесшумно опустилась на лицо мертвой девушки.

Внутри гаража все затихло. Чуть позже и девушка-сойка на улице выпуталась из веревок и бесцельно побрела куда-то в ночь, а потом ничто

больше не нарушало тишины.

Глава 5

Когда неожиданный стук копыт вырвал Риваса из паутины сна, он подумал, что накануне поспешил, решив, что жар его улегся. Кожа пересохла и горела, каждый вдох отдавался в голове неприятным шумом, а яркий утренний свет окутывал все предметы легкой радужной аурой. Голова налилась этакой неописуемой депрессией, какая бывает с глубокого похмелья или после самых жутких ночных кошмаров.

Он перевернулся на другой бок, съежился на охапке картонных упаковок, служившей ему постелью, и, щурясь на свет, окинул взглядом двор. Рядом с ним стояло прислоненное к ограде ржавое кресло-качалка, и напиханные под него картонки напомнили ему, что, когда он ложился спать вчера вечером, девушка-сойка спала там. Тогда куда она делась? Он встал, ощущая себя опасно высоким и хрупким, и вышел со двора к дереву, к которому накануне привязал лошадей.

Одна из них так и оставалась под деревом. Ривас, моргая, огляделся по сторонам, остро желая, чтобы нос его либо уж разразился чихом, либо перестал свербить. Наконец он увидел ее в пяти-

десяти ярдах дальше по улице. Она ехала верхом на второй лошади.

— Эй! — завопил он. — Э… — Черт, почему он не удосужился узнать, как ее зовут. — Эй, девчонка!

Она оглянулась через плечо, натянула поводья и повернула лошадь обратно к дереву. Он стоял, прислонившись к стволу.

— Что? — спросила она.

— Куда ты собралась? — Ему пришлось прищуриться, чтобы смотреть на нее против света.

— В Шатер Переформирования, — нетерпеливо отозвалась она. — А ты думал куда?

— Ну… Бог мой, ты что, не собиралась подождать меня?

— Я думала, ты болен.

— О! — возмущенно кивнул он. — Ясно. Ты решила, я буду тормозить тебя?

— Да.

Он подавил приступ злости, напомнив себе, что она — важный реквизит в отведенной им себе роли блудной Сойки… и на короткое мгновение, прежде чем бесцеремонно подавить эту мысль, признался себе в том, что немедленно вышвырнул бы ее, заболей она или перестань представлять собой какую-то ценность для него.

— Так вот вовсе я не болен, — сказал он. — Это

просто аллергия. У меня аллергия на этих… на эту сою. Ясно? Поэтому подожди меня. И не вздумай больше уезжать одна, слышишь?

Она посмотрела на него с легким удивлением.

— Долг каждого отбившегося от паствы последователя Господа как можно быстрее вернуться к своим.

— Ну да, конечно, — согласился он; легкий акцент уроженки Эллея заинтриговал его. — Но не настолько поспешно, чтобы ухудшить свои шансы вообще вернуться. Одинокая девушка… ба, да ты и двух миль не проедешь, чтобы не наткнуться на змею, или бой-шершня, или насильника, или еще парочку сутенеров.

Это удивило ее еще сильнее.

— Но душа-то моя будет в руках Господа. Почему же это беспокоит *тебя*?

Он развел руки и широко раскрыл глаза, показывая всю искренность своих намерений.

— Потому, что мне не безразлично, что с тобой *происходит*, вот почему.

Она подождала, пока он седлал свою лошадь и садился в седло — забравшись предварительно на дерево.

Выезжая на залитую солнцем улицу, девушка не проронила ни слова, но вид у нее был слегка

встревоженный.

— Разве не я спас тебя от тех двух типов, что убили твою подругу? — напомнил он ей, выждав пару минут.

— Ты, — сказала она. Вдоль левой стороны дороги стояли с интервалом в несколько сотен ярдов телефонные столбы, и с некоторых перекладин свешивались еще петли истлевшей веревки; кое-где в них еще виднелись пожелтелые кости запястий. Примерно на каждый двадцать пятый щелчок подковы по асфальту лошади проезжали тень следующего столба. — Но… — произнесла девушка, помолчав еще немного, — разве нам положено заботиться друг о друге вот так?.. Спасать нас — дело пастырей… и даже если они и делают это, то не ради нас, а ради Господа, которому мы нужны.

Ривас покосился на нее с некоторым уважением. Неплохо, сестричка, подумал он. Для оцыпляченной птички у тебя острый взгляд. Она перехватила его взгляд и неуверенно улыбнулась, прежде чем отвернуться.

Ривас перевел взгляд на дрожавшие в мареве здания — они напоминали искрошенные, бесцветные зубы, торчащие из зеленых десен, но если сощуриться, они превращались просто

в мазки краски. Солнце начало припекать, он пожалел, что не захватил вместе с Найджеловой рогаткой и его шляпу. Жара стояла такая, что ему казалось, будто его горячка заразила весь окружающий мир — так пролитое пиво постепенно пропитывает всю книгу, и страницы рвутся или слипаются. Очень постаравшись, он мог вспомнить, кто он, сколько ему лет и зачем он здесь, но на протяжении этой монотонной поездки на юг он не нуждался в этом, поэтому просто покачивался в седле в такт лошадиной поступи и — за исключением коротких мгновений, когда что-то привлекало его внимание, — не думал вообще ни о чем.

Только не вешай мне лапшу на уши, старина. Уж я-то знаю, ты ненавидишь всех, всех до единого.

Он нахмурился и попытался прояснить зрение. Где он слышал это в последнее время? Кто говорил ему это? Должно быть, он был пьян тогда, а то бы он запомнил. Или он просто был до ужаса сонный?..

Ты любишь только меня. Меня одного.

Да это же было сегодня ночью. Сон? Ну да, конечно, это был сон — сон, навеянный лихорадкой. Он попытался вспомнить его подробнее, но не смог.

Ближе к полудню ему удалось подстрелить из Найджеловой рогатки двух голубей, и пока он не слишком умело разделывал их, в памяти всплыла еще одна фраза из этого сна. *Тебе слишком стыдно признаться в этом*, говорил голос.

Ривас застыл с окровавленным ножом в руке и снова попытался вспомнить хотя бы, о чем был тот сон и кто говорил ему эти слова. Помучавшись немного, он вспомнил, что вроде как видел во сне кого-то… человека… себя самого? Он что, в зеркало смотрел? И почему, черт возьми, он видел себя самого, сосущего палец?

Он тряхнул головой, разобрался с разделкой птиц и развел огонь, оторвав клок материи от своей рубахи, намочив его в валюте и поколотив первой попавшейся железякой о камень до тех пор, пока какая-то искра не воспламенила пары спирта. Тогда он нанизал голубей на металлический прут и изжарил на костре, который развел из трухлявых деревяшек. Его спутница не выказала никакого удивления, когда он предложил ей одну из птиц, с показной роскошью сервированных на крышке капота от древнего «форда». Впрочем, и радости она тоже не выказала.

— Как тебя зовут? — спросил ее Ривас за едой, прислонясь спиной к здоровенной деревянной

вывеске, в тени которой они укрылись. К тому же ему понравилась древняя надпись, выполненная большими рублеными буквами:

ВСЕ КАННИБАЛЫ ПОДЛЕЖАТ НЕМЕДЛЕННОМУ РАСПЯТИЮ — БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ!

Несколько секунд она продолжала обгладывать подгоревшую грудку.

— Сестра Уиндчайм, — осторожно ответила она наконец.

Он улыбнулся.

— Красиво. Мне нравится. А я — брат… — Тьфу ты, не Пог же! — Томас.

— Твое отношение к моему имени несущественно, — чуть раздраженно заметила она. Ривас припомнил, что *«несущественно»* является у Соек выражением довольно сильного неодобрения. — И зачем тебе эта бутылка денег?

— Дезинфицировать раны и разводить костер, — совершенно искренне ответил он. — А что? Уж не думаешь ли ты, что я *пью* это, ведь нет?

— Ты давно следуешь за Господом?

— С восемнадцати лет, — опять-таки сказал совершеннейшую правду Ривас.

— Ха, — поморщилась она. — Нечасто, должно быть, ты принимал причастие, если в твоем воз-

расте еще разгуливаешь сам по себе.

Он не нашелся, что ответить, поэтому только пожал плечами.

Она тоже откинулась на столб вывески и бросила обглоданную кость в огонь.

— Я не… что случилось? — спросила она встревожено, потому что он вдруг вскочил с застывшим, посеревшим лицом.

— А… — Он повернулся и, сощурившись, посмотрел назад, в ту сторону, откуда они приехали. — Ничего. Но мы теряем время. Поехали — если поспешим, вечером уже можем добраться до Шатра Переформирования.

Напряжение не отпускало его до тех пор, пока они не двинулись дальше на юг по довольно хорошо сохранившемуся шоссе, но даже тогда он продолжал беспокойно оглядываться, ибо вдруг вспомнил свой сон и не сомневался теперь в том, что это ему вовсе не приснилось, что глубокой ночью, когда он лежал в полубреду, с ним и, правда, разговаривал хемогоблин, чье лицо напоминало карикатуру на него самого.

И еще в одном он был уверен: в том, что картина, которую он вспомнил еще раньше, вид его самого, сосущего палец, на деле была воспоминанием о том, как эта тварь сосала жизненные

силы из пореза, который он нанес себе во время причастия.

Когда солнце поднялось к самому зениту, небо на юге прочертили два дымных столба, а еще через полчаса к ним присоединился третий. Ривас и сестра Уиндчайм не слышали ничего, кроме стрекота кузнечиков и шороха ящериц в сухой траве, но всякий раз, когда прямой отрезок улицы давал возможность заглянуть вперед, Ривас привставал на стременах и вглядывался из-под руки вдаль, пытаясь разглядеть сквозь марево, что за неприятности ждут их впереди, на пути к Шатру Переформирования. Впрочем, он полагал, что это так или иначе связано с приближением сан-бердусской армии.

Спустя некоторое время улица, по которой они ехали, резко свернула на юго-восток, так что им пришлось срезать напрямик, через поля и сровнявшиеся с землей фундаменты зданий. В конце концов им посчастливилось найти извивающееся в южном направлении русло пересохшей реки, по которому они и ехали почти час до тех пор, пока звуки впереди не заставили Риваса вполголоса скомандовать сестре Уиндчайм: «Стой».

— Что там? — спросила она чуть обеспокоенно.

— Не знаю точно, но уверен, это люди, и направ-

ляются они в нашу сторону. Кто бы это ни был, нам они не нужны. Быстро. — Он соскользнул с седла на пыльное речное дно. — Забираемся наверх.

Сестра Уиндчайм спешилась, и они повели лошадей вверх по осыпающемуся склону. Несколько первых минут они карабкались почти на четвереньках, но потом оказались в тени деревьев, а наверху холма обнаружилась узкая, но мощеная дорога, покрытие которой сумело пока выстоять против буйной, сокрушающей асфальт растительности и ежегодных паводков.

— А теперь тихо! — шепнул Ривас. — Пропустим их мимо и поедем дальше.

Сквозь шорох листвы до него донеслись всплески странного завывания и негромкий металлический лязг — но только когда первый вопль вспугнул птиц с деревьев, до Риваса дошло, наконец, что происходит. Шайка ухарей, сообразил он.

Хотя ему доводилось несколько раз говорить с людьми, пережившими нападение ухарей, и пару раз натыкаться на тех, кому не повезло при такой встрече, самому ему видеть ухарей не приходилось, да он и не жаждал этого. Он порадовался тому, что они с девушкой успели найти

укрытие, и надеялся только, что тем, внизу, будет недосуг обращать внимание на ведущие вверх по склону следы подков.

Снова, на этот раз отчетливее, донеслись до них ухающие звуки.

— Это ведь ухари, да? — прошептала девушка.

— Угу, — буркнул он, еще раз пожалев о том, что не захватил шляпу Найджела. Переход от движения на солнцепеке к неподвижности в тени снова сбил его с толку, и удержать мысль было не проще, чем скользкую рыбину в банке с наживкой. Все же он уцепился за одну. — Должно быть, гонятся за какими-то невезучими беглецами от смуты на побережье.

В просвете между ветвями хорошо просматривался отрезок речного дна, и, когда хриплые вопли, топанье и лязг велосипедов приблизились, Ривас вгляделся в том направлении. Почти инстинктивно он достал рогатку с вложенным в кармашек камнем и раскатал резинку. Он почувствовал, как пальцы сестры Уиндчайм впились ему в плечо, но не мог повернуться, чтобы увидеть выражение ее лица.

— Что ты намерен делать? — прошептала она.

— Ничего. Не беспокойся. Это, — он поднял рогатку, — на случай, если они заметят нас.

С каждой минутой шум делался все громче. Пот стекал по его лбу и шее. Черт, с досадой подумал он, неужели обязательно все препятствия разом? Нам всего-то нужно добраться до Шатра Переформирования, дабы вернуться в объятия Господа. Мирские дела — суета, я ведь и сам верю в это, а Божьи — важны, в это я тоже верю. Так почему же мирские дела обязательно должны быть такими… шумными?

Особенно истошный вопль послышался совсем недалеко от них — такой громкий, что казалось, от него вздрогнула листва над головой. Кто-то устало ругался, заплакал ребенок.

— Надо им помочь, — прошептала сестра Уиндчайм.

Ривас все-таки повернулся и смерил ее суровым взглядом.

— Уж не богохульствуешь ли ты, сестра? Все умирают, и если это приверженцы Господа, это повод скорбеть, а если нет, смерть их значит не более смерти комара. — Хотя шуму от нее больше, подумал он про себя. — Совершенствуйся сама, прежде чем возьмешь на себя заботу о других.

В глазах ее блеснули слезы.

— Все это… — она всхлипнула, — все это верно, конечно, и правильно… только вот это, — она

махнула рукой вниз, — это — взаправду. По-настоящему.

— Мир *кажется* настоящим, — мягко возразил он. — И своими хитроумными иллюзиями совращает нас с пути истинного, заставляя принимать в них участие. Вот именно, это сегодняшнее представление, возможно, только испытание, ниспосланное нам Господом, дабы проверить силу нашей веры. Будь храбра и поступай правильно.

Он повернулся к ней, но движение внизу заставило его посмотреть обратно. В русле реки показалась лошадь; в седле тряслась маленькая девочка, а рядом, держась за стремя, бежал мужчина, которого мотало из стороны в сторону от усталости. Все трое были покрыты пылью и запекшейся кровью.

Потом внимание его привлекла показавшаяся в поле зрения причудливая, сверкающая конструкция. При виде ее мужчина со всхлипом упал на колени, камни под ним окрасились кровью…

И в это мгновение сестра Уиндчайм ударила свою лошадь пятками по бокам и лавиной понеслась вниз по склону.

Ривас, чертыхаясь от страха и злости, устремился за ней.

В облаке пыли, которую они подняли, скатываясь вниз, трудно было что-то разглядеть, но слева от себя Ривас услышал лязг и скрежет поворачивающего ухарского велосипеда, и он поднял рогатку и повернулся в ту сторону. Потом из пыли возник силуэт: два высоких колеса, посаженных под сходящимся вверх углом, так что они напоминали глаза какого-то исполинского насекомого; под соединявшей их поперечной осью виднелся сам пригнувшийся к педалям ездок. Велосипед еще не выпрямился после крутого поворота, и его правое колесо подпрыгнуло, коснувшись земли.

Ривас вытянул левую руку вперед, а страх придал ему сил натянуть резинку аж до самого своего подбородка. Он выпустил камень и сразу же, не глядя, попал или нет, выпрыгнул из седла и зашарил по земле в поисках подходящего снаряда. Камень нашелся сразу же; он вложил его в кожаное гнездо и оглянулся, было в поисках сестры Уиндчайм, но тут услышал впереди перед собой ритмичное завывание и снова взял рогатку наизготовку.

Один из мародеров соскочил с велосипеда и бежал в их сторону, вертя меч над головой; именно это вращение и издавало тот странный, почти музыкальный звук. Однако прежде, чем Ривас

успел прицелиться, между ними вынырнул велосипед первого ухаря, в которого он стрелял. Он накренился до такой степени, что правое колесо почти скребло по земле осью, а левое вращалось в воздухе словно тарелка, которую раскрутили на конце палки. Велосипедист куда-то делся. Когда велосипед проехал мимо, Ривас увидел блик света на мече, который, кувыркаясь, улетал куда-то в сторону, а только что державший его в руках человек почему-то садился; зад его коснулся земли за мгновение до того, как об нее ударился и его затылок. Потом Ривас увидел и сестру Уиндчайм — она соскочила с лошади — и уже выпрямлялась, опуская правую руку словно бейсболист после подачи.

Скрежет гравия заставил его посмотреть вправо. Еще один велосипед несся пересекающимся с ним курсом. Его седок яростно крутил педали, отводя меч назад для атаки — либо на девочку на застывшей в оцепенении лошади, либо на сестру Уиндчайм. Обе потенциальные жертвы казались застигнутыми врасплох этой атакой.

Понимая, что времени перезарядить рогатку у него уже не будет, Ривас осторожно повернулся на пятках и поднял рогатку, стараясь целиться в точку, чуть опережающую седока, и остро жалея,

что не потренировался в стрельбе. В самый последний момент, когда промедление оказалось бы непоправимым, он выстрелил и торжествующе завопил, увидев, что седок рыбкой полетел с велосипеда. Несколько ярдов тот катился по камням рядом со своим потерявшим управление механизмом, потом отстал.

Ривас поспешно пригнулся и сунул в рогатку новый камень, потом медленно повернулся на месте, вглядываясь в берега и дорогу в обоих направлениях. Первый велосипед тем временем завалился набок ярдах в пятидесяти от него, а через секунду он услышал, как и второй с лязгом врезался в береговой откос. Он увидел трех распластавшихся на земле ухарей, и сестру Уиндчайм, и девочку, так и застывшую верхом на своей лошади, и мужчину, так и стоявшего рядом с ней на коленях… а больше вроде бы никого и ничего. Ривас выпрямился и ослабил резинку, а ветер, сносивший в сторону поднятую пыль, вдруг прохолодил его вспотевшие лицо и грудь.

Он смотал рогатку, сунул ее за пояс и побрел к мужчине на коленях. Тот дергал подол своей грязной рубахи, пытаясь оторвать лоскут, чтобы перевязать рваную, сильно кровоточащую рану ниже локтя.

— Сейчас, — прохрипел Ривас, потом обрел какое-то подобие контроля над своими голосовыми связками. — Ножом будет сподручнее.

— Спасибо, — пробормотал мужчина.

Отрезая кусок ткани отобранным у Леденца ножом, Ривас поднял взгляд на девочку. Та смотрела куда-то вдаль, чуть нахмурившись, словно пытаясь вспомнить, не забыла ли чего-то. Он решил, что говорить с ней или просто привлекать ее внимание не имеет смысла. Он отрезал широкую полосу ткани и перевязывал ею руку незнакомца, когда сестра Уиндчайм негромко, но испуганно взвизгнула.

— Этот еще жив, брат! — опасливо позвала она Риваса.

Ривас перехватил нож покрепче и оглянулся. Второй ухарь, в которого он стрелял, поднялся на четвереньки и захлебывался кашлем, забрызгивая камни кровью. Профиль его лица казался странно прямым от лба до подбородка, и до Риваса дошло, что своим камнем он снес тому все лицо вместе с носом. Ривас встал, добрел до ближайшего меча, подобрал его и посмотрел на двух других мародеров. Один — тот, которого он застрелил первым, — лежал бесформенной грудой у большого камня; ему явно перебили

позвоночник. Тот, которого сбила камнем сестра Уиндчайм, лежал на спине, глядя широко раскрытыми, немигающими глазами в небо, и подвоха с его стороны Ривас не опасался. Он подошел к раненому.

Хотя лицо того являло собой жуткое, бесформенное месиво, глаза оставались ясными и осмысленными. Он прокаркал что-то, что Ривас понял как: «Валяй же».

Ривас повиновался. Потом с усталым, тошнотворным отвращением он отшвырнул окровавленный меч подальше от себя и вернулся к раненому мужчине. Он отчаянно боролся с ощущением, что этот жаркий полдень, эта лезущая в глотку пыль, липкие от крови пальцы… все это никогда не кончится.

Мужчина поправил повязку, и хотя казалось, что это стоило ему половины его сил, встал и уцепился за луку седла.

— У меня с собой деньги, — сказал Ривас. — Бренди. Дезинфицировать рану.

— К черту, — буркнул тот. — Дай лучше… живот продезинфицирую.

— Идет.

Краем глаза Ривас отметил, что сестра Уиндчайм не выказала никакого неодобрения,

когда вернулся к своей лошади, достал бутылку и отнес ее раненому. Он откупорил ее и сунул тому в руку.

— Ваше здоровье, — сказал Ривас.

— Будем, — отозвался тот и поднес бутылку ко рту. Уровень янтарной жидкости в ней заметно понизился, но на землю он не пролил ни капли. Он вернул бутылку владельцу, смачно выдохнул и почти бесшумно произнес: «Спасибо».

— Уверены, что не хотите побрызгать этим на повязку? — спросил Ривас. — Это убьет микробов.

— Микробов… — с сомнением в голосе повторил мужчина. Он встряхнулся и огляделся. — Они все мертвы?

— Похоже на то.

Сестра Уиндчайм неслышно подошла и стала за спиной у Риваса.

— Почему они за вами гнались? — робко спросила она и ткнула пальцем в сторону лошади, у седла которой болтались ремни для поклажи, но самой поклажи не было и в помине. — У вас же ничего с собой нет.

— Больше нет, — согласился тот. — Они сели к нам на хвост севернее Стентона. Все бегут от сан-бердусского войска — и ухари, и простые го-

рожане. У нас поначалу были с собой припасы, но нам пришлось все повыбросить — и лошади легче, и мы надеялись, эти парни отстанут, подбирая жратву. Мы держались холмов и бездорожья, но эти гады всегда находили параллельную улицу и нагоняли нас в крайнем случае за полчаса. А нынче, когда они наверняка знали, что нам жрать нечего, а все не отставали, вот тут я и понял, что они голодны, как все остальные, и что наши жалкие пара фунтов солонины им не нужны. Что они хотят свежатинки.

— Что ж, — заметил Ривас. — Теперь они сами — свежее мясо.

Мужчина как-то странно посмотрел на него.

— Нет уж, спасибо. — Он осторожно отпустил луку седла, за которую держался, чуть пошатнулся, но устоял. — Они убили мою жену — мать малышки — в сотне ярдов отсюда. Пойдем-ка мы вернемся и похороним ее как положено, а там двинем дальше. Спасибо вам, что спасли нас.

Ну да, беспомощно думал Ривас, глядя на то, как тот ведет лошадь под уздцы обратно. Можно ручаться, мы купили тебе и твоей малышке еще пару дней жизни. Тебе часов на шесть меньше, ей — на шесть больше, но в среднем все равно выйдет два дня. Боже праведный.

Сестра Уиндчайм неуверенно дотронулась до его локтя.

— Мне очень жаль, брат, — сказала она. — Нет, правда ужасно жаль. Конечно же, ты доложишь об этом дисциплинарному комитету.

Поначалу Ривас решил, что она жалеет о том, что врезала камнем в лицо спешившемуся ухарю, но, посмотрев на нее, понял, что она переживает из-за того, что вмешалась в мирские распри; более того, сделала это даже после того, как он напомнил ей о том, какой путь истинный.

— Это было исключительно тяжелое испытание, — ответил он ей с отеческой строгостью, имитируя тон, которым прежде говорил искренне. — Я доложу им все обстоятельства.

— Спасибо, брат, — с чувством откликнулась она. Подавленно, маленькими шажками вернулась она к своей лошади и с легкостью, вызвавшей у Риваса приступ черной зависти, вспрыгнула в седло.

После того, как ему удалось взгромоздиться на свою лошадь, они двинулись дальше по речному дну. Обгоняя клячу с сидевшей на ней девочкой и ковылявшего рядом раненого мужчину, Ривас помахал им рукой. Ответа не последовало, но сестра Уиндчайм, как он заметил, горько нахму-

рилась и отвела взгляд.

Через несколько минут они миновали бесформенное, изрубленное женское тело. Хода они не сбавили.

— Они ведь погибнут? — спросила сестра Уиндчайм, помолчав немного. — Скоро?

Ривас покосился на нее.

— Так или иначе — да. До города им не добраться.

— Тогда в этом не было смысла? В нашем вмешательстве? И мы только… оттянули им ненадолго путь до ворот Догтауна?

Ривас тщетно пытался найти ответ, достойный Сойки-ортодокса, так что даже ее сленг, подтвердивший его догадку насчет ее эллейского происхождения, не заставил его разговориться.

— Верно, — коротко ответил он. — Чертовски глупая трата времени.

Примерно полмили они ехали молча. Солнце начало окрашивать светло-зеленым заросли слева от них и превратило в темный силуэт заросли справа. Потом сестра Уиндчайм снова заговорила:

— Почему мне хочется делать что-то, помогать, чем могу? Даже если понимаю, что это лишено смысла?

— Потому, что ты грешна, — устало буркнул Ривас. — А теперь заткнись, ладно?

— Ты не будешь против, — несмело предложила она, — если мы задержимся на несколько минут? Мне кажется, мне помогло бы немного Просветляющего Танца.

Ривас застонал.

— Мы ведь спешим, ясно? Займись этим в седле.

После этого они ехали молча: сестра Уиндчайм — застыв от обиды, Ривас — от страха. Страха того, во что он превратился, и того, что творилось у него в голове.

Они старательно избегали встреч с другими группами беженцев и ранним вечером добрались-таки до места своего назначения. С вершины последнего, поросшего густым кустарником холма огромный Шатер Переформирования напомнил устало мотавшемуся в седле Ривасу исполинского костлявого зверя, свернувшегося калачиком под лоскутным одеялом, размеров которого хватило бы, чтобы укутать самого Господа. Стоявшие наверху Ривас и сестра Уиндчайм все еще жмурились на красное закатное солнце, садившееся в Тихий океан, но шатер уже накрыло тенью, и в долине мерцали светлячками фонари

и факелы.

Ривас против воли медленно повернул голову на юго-восток, хоть и знал, что находится в том направлении. И конечно, там, в дальнем конце пустоши Сил-Бич, виднелась маленьким бледным прямоугольником стена Священного Города. Он поежился — не столько от свежего ветра с моря, сколько при мысли об этом месте.

Без особого облегчения опустил он взгляд в темную долину, простиравшуюся у копыт его лошади. Он вспомнил, с какой легкостью он без остатка покорился подавляющей рассудок методике сестры Сью и с каким трудом далось ему возвращение собственной личности. Черт, я ведь даже не помнил, сколько мне лет, подумал он со смешанным чувством досады и страха. И вспомни: сегодня я проповедовал этой девице их вздор совершенно искренне!

Только ради тебя, Ури, думал он, пуская лошадь вниз. Только ради тебя иду я на это.

Не прошло и минуты, как холодный морской ветер, и заходящее солнце, и вид на океан остались позади и выше. Снизу струились тепло и вонь подгоревшего растительного масла.

— Не так быстро, брат Томас, — окликнула его сзади сестра Уиндчайм. — Твоя лошадь может

оступиться в темноте.

— Помнить мое имя для тебя несущественно, — огрызнулся он, не оглядываясь.

До сих пор Ривас бывал в Шатре Переформирования только однажды, больше десяти лет назад, так что с тех пор успел забыть, насколько тот огромен. Теперь, пока его лошадь, вздымая облако серой, подцвеченной сверху красным пыли, спускалась по тропе вниз, он начал припоминать детали: то, что внутри стоял целый палаточный городок с улицами, и что разглядеть снизу верхнюю часть шатра почти невозможно из-за дыма от готовки, и что по ночам, особенно после жаркого дня, можно услышать негромкий свист вытекающего через миллионы швов нагретого внутреннего воздуха.

Дорога сделалась более пологой. Ривас натянул поводья и подождал отставшую сестру Уиндчайм. Было бы просто идиотизмом вышвырнуть ее *сейчас*, обругал он себя, после того, как всю дорогу тащил ее с собой.

Поравнявшись с ним, сестра Уиндчайм посмотрела на него.

— Странный ты, брат Томас. В тебе столько горечи, и все равно я не видела еще, чтобы кому-то так не терпелось вернуться к Господу.

Он натянуто улыбнулся.

— Вся горечь моя от того, что я так долго не был с ним. Прости меня. Со мной все будет хорошо, как только мы вернемся.

— Нам, наверное, обоим стоит причаститься сразу по приезде, как ты считаешь?

— Ну… конечно же, — ошарашено ответил он. — Едем же. Поезжай первой — мне кажется, я чуть сбил ногу лошади.

Она послала свою лошадь вперед, а он позволил своей трястись следом, взвешивая при этом свои шансы на успех. Что ж, признал он, если я сразу же начну просить причастить меня, это произведет хорошее впечатление. Проблема в том, что они вполне могут пойти мне навстречу. А раз так, какую защиту избрать: алкоголь — у меня еще треть бутылки валюты осталась — или недавно открытую защиту с помощью боли?

Впрочем, учитывая его усталость и не до конца спавший жар, а также то, что пронести спиртное в шатер ему все равно не удалось бы, ответ напрашивался сам собой. Он достал бутылку из кармана, опустил ее пониже, чтобы сестра Уиндчайм не увидела ее, случайно оглянувшись, и здоровой рукой выдернул пробку, которая с шелестом упала в сухую траву. А потом всякий

раз, когда было ясно, что на несколько секунд все ее внимание сосредоточится на лошади, он поднимал руку, словно указывая ей на вечерние звезды — на случай, если их кто-нибудь увидит, — и делал пару глотков из горлышка. Теплый душистый бренди не лез в горло, но он заставлял себя глотать его, и когда понял, что еще один глоток разом перечеркнет все его труды, выкинул почти пустую бутылку, которая без шума упала в густые кусты. Он проехал еще несколько ярдов, прежде чем до него дошло, что кусты эти — дикий анис. Он остановил лошадь, повернул ее назад и, вскрикнув, чтобы обратить на себя внимание сестры Уиндчайм, спрыгнул с седла в куст. Он зарылся лицом в листву и под приближающийся стук копыт ее лошади торопливо рвал листья, совал их рот и жевал, жевал…

К удивлению своему он ощутил на плече ее руку: она и впрямь спешилась помочь ему, а может, просто из любопытства.

— С тобой все в порядке, брат Томас?

Он, пошатываясь, поднялся на ноги — собственно, ему и не нужно было особенно притворяться, поскольку алкоголь в крови уже начинал действовать.

— Да… спасибо… голова закружилась… — Он

выбрал из волос зелень и выплюнул пару листиков. — Сильнее, чем я думал. Наверное, не стоило ехать весь день… Уснул в седле, вот и свалился. Здорово головой стукнулся.

Он ухмыльнулся ей глупой улыбкой. Здорово, подумал он. Одним махом убрал запах бренди изо рта и заполучил алиби на случай пьяной походки или бормотания. *Вот бедолага: наверняка сотрясение.* Ну и под мухой тоже.

— Остаток пути пойдем пешком, — решила сестра Уиндчайм. — Подожди, сейчас лошадей только заберу.

Небо окрасилось в густо-синий цвет, когда они наконец спустились вниз, и, взглянув верх, Ривас увидел звезды, повисшие над самой выступающей вверх частью шатра. Он нарочито вяло уронил голову и разглядел несколько корявых башен вроде тех, что окружали стадион в Серритос, а чуть ближе их приближающуюся к ним фигуру — темный силуэт на фоне костров. Фигура была высокой, плечистой, в руке ее виднелся посох, и на короткое мгновение Риваса охватила пьяная паника: ему показалось, что это тот самый пастырь, который растоптал его пеликан и стрелял в него и которого он убил — неужели это было всего позавчера?

— Дети мои, — пророкотал пастырь, — добро пожаловать домой. Из какой вы стаи?

— Я от брата Оуэна, — ответила сестра Уиндчайм.

— Я… я не помню, — сказал Ривас. Сестру Сью он помнил более чем отчетливо, но хотел раз и навсегда утвердить версию с сотрясением.

Тут на помощь ему очень кстати пришла сестра Уиндчайм.

— У брата Томаса весь день был жар, — извиняющимся тоном объяснила она. — И совсем недавно, уже на подъезде, он упал с лошади и ударился головой.

Умница, девочка, с нежностью подумал Ривас.

— Нам очень хотелось бы причаститься, прошу вас, — сказал он.

Пастырь хлопнул его по плечу.

— Разумеется. Могу представить, как вам недоставало слияния с Господом.

Когда все трое подходили уже к шатру, он наконец повернулся к свету, и Ривас разглядел в его бороде добрую улыбку. Поосторожнее, напомнил он себе, он применяет сейчас улыбку «вот-ты-и-дома». Будь начеку.

Дюжины костров, на которых готовилась пища, наполняли долину пеленой дыма, множество

ламп и факелов горели как в тумане, и пока пастырь вел Риваса и сестру Уиндчайм по петляющей тропе к шатру, из темноты и дыма до них то и дело доносились приветствия невидимых людей: «Добро пожаловать, заблудшие овцы», «Слейтесь с Господом!» или «Желаем вам поскорее попасть в Священный Город!»

Ну, уж нет, спасибо, думал Ривас, нервничавший, несмотря на бренди. Он пытался определить, что изменилось здесь со времени его прошлого посещения. Чего-то недоставало — какого-то запаха или звука.

Вход в шатер представлял собой двадцатифутовую арку, желтым треугольником светившуюся в темноте. Приблизившись, Ривас разглядел внутри ярко раскрашенные брезентовые палатки и суетившиеся вокруг них фигуры в балахонах. Наконец до него дошло, какого предмета обстановки не хватает: продвинутых вещателей. В прошлый раз, когда он был здесь, вся долина днем и ночью гудела от их белиберды.

— Сойер начнет ритуал причастия довольно скоро, — поведал им пастырь, заводя их внутрь. — Поэтому, возможно, вам не стоит набивать желудок прямо сейчас. Однако я могу найти для вас палатку, где вы могли бы отдохнуть… с

вами все в порядке?

Заглядевшись на ряды разноцветных палаток и паутину тросов высоко над головой, Ривас оступился и упал на колени. Однако когда он, бормоча извинения, поднялся, он не увидел на лицах спутников ничего, кроме сочувствия и заботы.

— Слияние с Господом прояснит твою голову, — заверил его пастырь.

Ривас хмуро кивнул, пытаясь восстановить чувство собственного достоинства.

— Церемония сегодня будет людная, — продолжал пастырь. — Здесь у нас собралось, чтобы подобрать отбившихся, сразу несколько стай, и одна из них отправляется отсюда прямо в Священный Город!

— Наконец-то их призвали домой после долгих блужданий в потемках, — пьяным голосом процитировал Ривас.

— Аминь, младший брат, — откликнулся пастырь.

Если бы кому-нибудь вздумалось забраться наверх, на переплетение тросов и растяжек, думал Ривас, вглядываясь в подернутую пеленой дыма верхушку шатра, он увидел бы эту вереницу Соек огромным, свернувшимся в спираль червяком.

Он привстал на цыпочки и вытянул шею, но

сойера в белой рясе больше не видел. Старик молча вошел в шатер и по спиральному проходу двинулся к центру. Ривас опасливо опустил взгляд, когда тот прошел прямо перед ним, но когда спустя несколько минут сойер проходил вдоль следующего ряда, он осмелился посмотреть… и в очередной раз убедился в том, что различить сойеров почти невозможно. Как и у остальных, кого ему доводилось видеть, у этого было смуглое, морщинистое лицо и борода цвета слоновой кости.

Со стороны центра спирали до него вдруг донесся полный боли вскрик и шум тяжелого удара, и он сообразил, что далекое бормотание, на которое он поначалу не обратил внимания, на деле оказалось ритуальным сойеровским «Слейся с Господом!». Теперь он слышал и шорох одежды, и участившееся дыхание соседей — люди в спирали застывали в напряженном ожидании. Многие зажмуривались и, казалось, впадали в транс, и Ривас понял, что если кто-нибудь из продвинутых мужчин — женщины, разумеется, никогда не доходили до такой степени распада личности — и начнет вещать, то это произойдет именно сейчас. Этакий блюз *«Севативидам»*, подумал Ривас.

Так оно и вышло. Двое мужчин, стоявшие в сле-

дующем перед ним ряду, заговорили совершенно одновременно — даже короткие вдохи между фразами следовали в унисон.

— *Гм?* — произнесли они. — *Гм!* — Теперь к ним присоединилось еще двое. — *Да, да, варево удалось на славу… Посмотрим, да, густо, густо, вкусно… Помогите же мне разогреть его, детки, ну-ка уделите мне каждый своего огня…*

Бесшумным, но решительным шагом в спираль вступили несколько пастырей. Они шли, задерживаясь перед каждым из вещателей ровно настолько, чтобы без малейшей злобы, но со всей силы врезать тому под дых.

Под конец вещал только один:

— *Новички… новички всегда желанны… о, что за стайка, как вкусно, вкусно… да, детки, посмотрим, хватит ли у вас сил встряхнуться, а? Призовите тритона, пусть приготовит горячий ужин для вашего морского царя, хо-хо…* — Тут гулкий удар оборвал и этот голос. Несмотря на эти помехи, монотонно повторявшееся «Слейся с Господом» и следовавший за ним шум падения очередного тела продолжались, как ни в чем не бывало.

Ривас пожалел, что не трезв: как раз сейчас ясность мысли была бы как нельзя кстати. Боже

мой, подумал он, да они же говорят по-английски! Это поражало еще сильнее, чем простая тарабарщина. Как все-таки им это удается: говорить с такой потрясающей синхронностью? Может, они репетируют? Да нет, это невозможно: большинство продвинутых даже есть сами не могут…

И почему пастыри начали их глушить? Раньше, когда те несли тарабарщину, они никогда не делали этого.

Уж не боятся ли они того, что те могут открыть?

— Слейся с Господом. — Взвизг, удар. Интересно, подумал Ривас, где сейчас сестра Уиндчайм? Кое-кто из новеньких плакал: для человека непривычного причастие — зрелище довольно жутковатое. Интересно, глубоко ли она загнала точившие ее сомнения и какой эффект произведут на нее сегодняшние события и разговоры? Он оглянулся настолько, насколько позволяли приличия, но ее не увидел. Ну и пусть, подумал он. В конце концов, я за нее не отвечаю. Он зажмурился, словно впав в транс, и принялся ждать, пока сойер доберется до него.

Когда он снова открыл глаза, он к удивлению своему заметил, что прошло довольно много времени. Прямо перед ним в толпе образовался

довольно большой просвет, усеянный телами — как безжизненными, так и дергающимися, будто им снился дурной сон. Несколько человек даже сумели уже подняться на ноги и остолбенело оглядывались по сторонам. Сойер находился совсем близко: от Риваса его отделяли всего два человека, — и тот пожалел, что не остался в трансе или в чем он там находился, чтобы не видеть приближающегося причастия.

— Слейся с Господом. — Юноша метнулся вперед и с таким стуком врезался лбом в утоптанную до каменной твердости землю, что Ривас не удивился бы, если бы тот убился. Он постарался сконцентрироваться на том, как предпочитает упасть сам: подогнув колени, чтобы сначала сесть, или попробовать охватить голову руками. Однако женщина за его спиной плакала так громко, что он никак не мог заставить свою одурманенную алкоголем голову работать.

Сойер перешел к пареньку, стоявшему рядом с Ривасом.

— Слейся с Господом, — произнесла фигура в белом балахоне и протянула руку. Парень зашипел, когда рука коснулась его лба, сделал попытку остаться на ногах, потом из носа его хлынула кровь, и он рухнул на землю словно оброненная

вязанка дров. Красные брызги попали сойеру на рясу; впрочем, на ней и без того хватало кровавых пятен.

— Нет, — хныкала женщина за спиной у Ривас. — Я не хочу в Священный Город. Не так скоро.

Что-то в ее голосе показалось Ривасу знакомым, и он повернулся посмотреть на нее. Ей было около тридцати, чуть полновата, спутанные черные волосы свисали на покрасневшие от слез глаза.

Он услышал, как сойер остановился перед ним, и в то же мгновение узнал в этой женщине Уранию Бёрроуз и открыл было рот, чтобы заговорить с ней, и тут холодные, костлявые пальцы сойера коснулись его загривка.

Он не был пьян, хотя смутно догадывался, что только что был и что скоро снова будет — как только вернется назад, в свое тело. Пока что он наслаждался возможностью видеть в темноте и двигаться, не напрягая мускулов… впрочем, он остерегался перемещаться слишком быстро или слишком далеко, ибо знал, что запросто может улететь в небо и не найти дороги обратно.

Большой шатер находился далеко внизу под ним. Он поравнялся с вершиной холма, где совсем давно стоял с девушкой, и продолжал подниматься — должно быть, сильно ударился о землю там,

внизу, и его отбросило сюда, — но так медленно, что знал: повода беспокоиться нет. Было так славно парить здесь в одиночестве, смутно помня об остальных, направлявшихся на юго-восток. Все они были связаны теперь с холодным, разумным предметом, который до него не мог дотянуться; каждые несколько секунд он ощущал, как еще один из них уходил туда… нет, не уходил, скорее, *оказывался* там, переставая существовать в шатре… А еще дальше, в темноте на севере и на востоке, ощущалось несколько независимых друг от друга встревоженных сознаний… одно из них, кстати, слегка подозрительное…

Вдруг он ощутил, что что-то в этой темноте знает о нем, наблюдает за ним. И он понимал, что может увидеть *это*, если захочет, ибо смотрел сейчас не глазами…

Но он испугался и захотел обратно, вниз, пытаясь отгородиться холмами от того, в темноте; одного желания было достаточно, чтобы двигаться, и ему пришло на ум, что страх в чистом виде, очищенный от гормонов и рефлексов физического тела, оказывает парализующее действие и что, если бы он не находился в своем теле совсем еще недавно, он, возможно, вообще не смог бы двинуться с места.

Эта тварь в темноте знала, что он отступает, и он чувствовал, какое удовольствие это ей доставляет.

Скоро, произнесла она без слов. *Ты всегда любил меня больше всех. Только меня.*

Он не пытался разглядеть ее, но понял, что это ничего не меняет, ибо и так прекрасно знал, на что она похожа. На него самого.

И за мгновение до того, как вершина холма заслонила ночное небо, он уловил слабую… нет, не мысль, а скорее эмоцию: лежавшее под ним, в шатре, физическое тело медленно, но верно изнашивалось, разлагалось, тогда как физическое тело там, в холмах, крепло. Неужели кровь, переданная одним другому, являлась символом связи, перехода? Неужели эта тварь превращалась в него? Неужели настанет день, когда она сложится окончательно и уйдет, оставив его, Риваса, лежать бездумным полиэтиленовым пакетом или кататься по ветру с шарами перекати-поля?

Уже почти нырнув обратно под оболочку шатра, который приближался, вырастая в размерах, он сообразил, что уловил еще одну полумысль-полуэмоцию этой твари: та была довольна, что он выбрал алкогольную блокаду, а не болевую. Потому что ей не хотелось… чего? Ущерба свое-

му… своему двойнику? Мы теперь вроде братьев, решил он, оказавшись внутри дымного шатра и позволяя себе вернуться в свое тело. Или соперников.

Звук обрушился на него так резко, что он подпрыгнул перепуганным котом, и его пропитанные алкоголем органы пищеварения возмущенно отозвались на это движение. Стиснув зубы, он поднялся на ноги, шатаясь, ни на кого не глядя, выбежал из шатра и там, на дороге, избавился от большей части бренди и неожиданно большой дозы дикого аниса. По счастью, подобная реакция на причастие не была редкостью.

Чуть позже он вернулся обратно и прислонился спиной к стенке шатра, упершись пятками в пыль. Брезент прогнулся под его весом, и он отдохнул так немного в полулежачем положении, повернувшись лицом к востоку. Что ж, подумал он, по крайней мере на этот раз я не стоял на карачках, тявкая как бродячая шавка. Он зажмурился и набрал полную грудь свежего предрассветного воздуха.

Вдруг до него дошло: рассвет? И впрямь, небо за черным холмом начинало светлеть. Боже, подумал он во внезапной панике, неужели я

вырубался на всю ночь? Значит, группа Ури уже выехала?

Он выпрямился и огляделся по сторонам. Несколько фигур в капюшонах еще суетились на поляне перед выходом из шатра, и он, шатаясь, устремился к одной из них и схватил ее за плечо.

— Послушайте, — пролепетал он. — Я… Мне полагалось быть… Понимаете, я из той группы, что должна была отправиться в Священный Город, но я только сейчас оправился от чертова причастия. Они ведь еще не отправились, нет ведь?

Фигура — в темноте Ривас не определил, мужчина это был или женщина, — вырвала плечо.

— Я… я не знаю, — всхлипнул голос. — Спроси кого-нибудь у входа. — Фигура отшатнулась от него и тут же растворилась на фоне темного холма.

Ничуть не ободренный таким ответом Ривас повернулся ко входу, до сих пор ярко освещенному изнутри.

— Скажите, группа, направляющаяся в Священный Город, еще не отправлялась? — хрипло спросил он у полудюжины людей, столпившихся там. — Я… э… должен быть… ну, типа с ними, ясно? — Он умоляюще оглядывался по сторонам.

Темные капюшоны повернулись в его сторону,

но лиц против света он не видел.

— Они выехали несколько часов назад, брат, — произнес не самый дружелюбный мужской голос. — И их пастырь лично присмотрел за посадкой в фургон и убедился, что не забыли никого, даже тех, что не пришли еще в сознание. — Мужчина шагнул ближе. — Как тебя зовут, брат? Пытаться с помощью лжи попасть в город нашего Господа — грех, и весьма серьезный.

Еще одна фигура в рясе с капюшоном выступила из толпы.

— Его зовут брат Боуз, — сказала сестра Сью. — Хватайте его, он…

Ривас повернулся и бросился в темноту по тропе, ведущей вверх по холму. Он не слышал ничего, кроме топота тяжелых башмаков за спиной и стука собственного сердца в ушах. Он успел пожалеть, что за годы спокойной жизни в Эллее не заботился должным образом о физической форме, а потом чья-то рука толкнула его меж лопаток, и он, потеряв равновесие, полетел вперед, проскользил на пузе по земле и застыл в облаке пыли, отплевываясь и пытаясь вздохнуть.

Сильные руки рывком вздернули его обратно на ноги; он бы упал, если бы двое мужчин не подхватили его и не развернули лицом к шатру.

Сестра Сью приблизилась к их задыхающейся троице, и в неверном рассветном освещении Ривас увидел на ее лице широкую, хищную улыбку.

— Он избавитель, — объявила она своим спутникам. — Тот самый, что убил нашего пастыря на стадионе в Серритос. Ему известен способ сопротивляться причастию. — Она остановилась перед ним, и ее полный свирепой радости взгляд заставил его зажмуриться. — Но и он у нас… *уязвим*, верно, ведь, братец? Его тоже можно заставить забыть кое-что — вроде того, кому принадлежит музыкальный инструмент или сколько ему лет. Да, — она негромко рассмеялась, протянула руку и провела пальцами по его исцарапанной, окровавленной щеке. — Да, я полагаю, после пары причастий в крепко связанном виде и последующего семидесятидвухчасового бодрствования под песнопения ты станешь значительно податливее — тебе не кажется? — и с радостью поведаешь нам все свои грехи в мельчайших подробностях.

Ривас подумал, что до сих пор ни разу еще не боялся по-настоящему.

— Послушайте, — залепетал он, изо всех сил стараясь при этом не разреветься или намочить штаны. — Послушайте, не нужно ничего такого. Я и так все скажу, все. Господи, обещаю вам, по-

жалуйста…

Сестра Сью снова рассмеялась, на этот раз почти ласково.

— Нет, нет, братец. Мы сделаем это по-нашему — как велит Господь. — Она повернулась к стоявшим за ней четырем фигурам. — Страх придаст ему сил. Держите его все четверо, свяжите его покрепче… только на шею веревку не надевайте. Очень скоро он будет счастлив слиться с Господом, но пока что наверняка предпочел бы покончить с собой.

Крепкими кожаными ремнями его привязали к двум перекрещенным деревянным брусьям. Сплоченные болтами друг с другом, они образовывали поставленную вертикально Х-образную фигуру, поверх которой была нахлобучена в качестве своего рода крыши бамбуковая циновка. Буква Х стояла рядом с шатром со стороны моря, рядом с помойными и выгребными ямами. Обыкновенно сюда избегали заглядывать без нужды, однако вид кого-то, подвергнутого наказанию, возбуждает любопытство даже у Соек, так что пастырям пришлось огородить это место веревками, чтобы удерживать толпу на некотором расстоянии. Ясный рассвет сменился пасмурным днем; время от времени тучи разрождались мелким

дождичком, оставлявшим в сухой пыли круглые темные оспины.

Стоять с растопыренными ногами и руками было неудобно с самого начала, однако с течением времени это особенно болезненно отдавалось в спине и плечах. Руки онемели бы совсем, если бы он не сгибал и не разгибал их, насколько это позволяли ремни, и не шевелил пальцами… хотя ближе к полудню ему пришлось вытягивать шею, чтобы удостовериться в том, что они и, правда, слушаются его. Более всего его донимал зуд, с которым он ничего не мог поделать, а еще свербящий нос, он то и дело собирался вроде бы чихнуть, но так и не смог. Ну и конечно, жажда с похмелья. Кровь и пот медленно стекали с него на землю или впитывались в дерево, и он никак не мог отделаться от мысли, что с каждой капли крови, которую он теряет, хемогоблин где-то там, в глуши, набирается сил и становится материальнее и что с каждым часом его, Риваса, способность разумно мыслить все уменьшается, тогда, как эта тварь делается все разумнее.

В полдень дождь пошел, наконец, как следует, и вскоре заряды его уже разлетались брызгами на грязной земле и барабанили по брезенту шатра, по склону холма и циновке у Риваса над головой.

Мокрые волосы лезли в глаза, одежда прилипла к телу, а дыхание казалось обжигающе горячим, так он замерз. Толпа Соек неохотно рассеялась, и вскоре все до одного попрятались в шатер.

К этому времени Ривас почти успокоился. Он знал, что не так силен — и духовно, и физически, — как в двадцать один год, так что, если снова станет Сойкой, он вряд ли сумеет вновь бежать от этой жуткой веры. Но знал он и то, как недолог век продвинутого — а у него имелись все основания подозревать, что он продвинется, и еще как далеко — в рекордно короткий срок. Сестра Сью верно угадала этим утром, когда говорила, что он с радостью убьет себя, только бы не сдохнуть здесь безмозглым человеческим обломком… хотя теперь он не видел особой разницы. И потом, ему казалось, что глупо умирать, не использовав до конца все, что тебе отпущено… это все равно, что выкидывать недопитый стакан. Где-то он слышал насчет испытания на разрушение: чтобы узнать, какую пытку может человек вынести, не сломавшись, надо сломаться…

…Черт, сколько классных рифм можно придумать к слову «сломаться»…

По крайней мере, думал он в полубреду, я не сдохну дряхлым стариком.

— Я никогда *не хотел* сдохнуть дряхлым стариком, — хрипло выкрикнул он в дождь.

И тут он испугался еще больше, хотя сам попытался убедить себя в том, что это бред, ибо ему показалось, он услышал далекий голос хемогоблина: «Что ж, тогда это сделаю за тебя я».

Он вздрогнул и тряхнул головой, пытаясь избавиться от этой гадкой жалости к себе. Опять ты думаешь об одном Ривасе, сказал он себе. Да ты просто балдеешь от истории Грегорио Риваса, скажешь, нет? Особенно от финала…

А что с Уранией Бёрроуз? Ну конечно, она не последняя актриса в твоей драме, но что с ее собственной историей? Или, кроме твоей, не существует больше ничего, и люди существуют, только пока ты на них смотришь, а в остальное время исчезают или убираются в сундук, как театральные костюмы в промежутки между спектаклями? Что ж, ты нашел себе интересную роль, Ривас: может, если тебе каким-то образом удастся выбраться из этой переделки, ты заделаешься главным творческим наследником Ноа Олмондина по части вырезания бумажных кукол.

Сквозь шум дождя он не слышал приближающихся шагов, но ощутил их через глубоко врытые в землю деревяшки, к которым был привязан.

Он зажмурился: вдруг они поверят, что он без сознания… Конечно, сойер может дотронуться до него и так, но попытаться все же стоило.

— Брат Томас! — послышался громкий шепот. Ривас открыл глаза. Перед ним стояла фигура в капюшоне, с ножом в руках.

— Сестра Уиндчайм? — поперхнулся он.

— Да. Не хочу, чтобы волосы промокли, а то они поймут, что это сделала я. — Она ловко сунула нож между его правой рукой и деревяшкой и, пока он стряхивал липкие от воды и крови обрезки ремня, проделала то же самое с его левой рукой. Правда, ей сразу же пришлось поддержать его свободной рукой, потому что он начал бессильно заваливаться вперед. Наклонившись, она освободила его ноги, и Ривас механически отметил про себя, какая она сильная.

— А теперь беги, — сказала она. — Никого нельзя *принуждать* силой принимать причастие.

— Спасибо, — прохрипел Ривас. — Я…

— Да *беги* же, черт бы тебя подрал!

— Ладно, ладно.

Шатаясь, Ривас сначала поплелся, а потом побежал в сторону прибрежных холмов. Ноги скользили по жидкой грязи, и, добежав до начала подъема, он съежился за кустом и полежал там

немного, восстанавливая дыхание и способность видеть мир не в радужном мареве.

Отдохнув несколько минут, он перебрался за следующий куст, потом за валун, потом перебежал к небольшой промоине… Через полчаса ему показалось, что ветер донес до него крики, но это могло и послышаться, и к этому времени он уже обошел шатер кругом и находился довольно далеко от моря.

На всякий случай он остановился и оглянулся назад. Шатер Переформирования казался отсюда серым грибом, почти неотличимым за пеленой дождя от окружавших его холмов.

Он ухмыльнулся. Избавитель, занимающийся собственным избавлением. Что ж, прощай, сестра Сью.

Через пару часов он наткнулся на дом — когда-то в нем, судя по всему, размещался офис — и решил, что дым на фоне серого неба не будет представлять особого риска, поэтому развел костер из обломков деревянных стеллажей и древних счетов, согрелся и высушил одежду. О еде и спиртном он старался не думать, хотя жажду утолил дождевой водой. Наконец, обогревшись, просохнув и уж, по крайней мере, не ухудшив своего самочувствия по сравнению с минувшим

утром, он признался сам себе в том, что ничего больше пока сделать не может, разве что без особой радости (и без капли спиртного) оценить свое положение.

Итак, сказал он себе, Ури потеряна, но все, что ты мог сделать, ты сделал. Ты не просто получил пять тысяч бёрроузовых полтин, ты их честно отработал: ты дважды принимал причастие, в тебя стреляли — по-настоящему, без дураков, хотя в это никто не поверит. Дважды к тебе присасывался хемогоблин; тебе пришлось убить четверых людей, и если бы не невероятное вмешательство этой девочки, сестры Уиндчайм, ты бы уже сейчас превратился в ухмыляющегося, бормочущего вздор идиота. Ну да, и еще тот козел здорово двинул тебя сегодня утром. Чертовски здорово. И еще ты к чертовой матери порезал палец. И одному Богу известно, сохранил ли ты работу у Спинка.

Он окинул взглядом ржавые, покрытые толстым слоем пыли стеллажи с папками у стен, и у него мелькнула мысль, не имелось ли случайно у кого-нибудь из умерших много поколений назад людей, которые здесь работали, привычки прятать где-нибудь здесь спиртное. Такое случается иногда.

Внезапно его оглушило сознание самой боль-

шой муки, которую он испытал за время этого последнего, неудачного избавления: потери самой Ури! Тринадцать лет он все собирался отыскать ее сразу же, как накопит приличную сумму, чтобы обеспечить ей такую жизнь, какую она заслуживает, а последние три дня буквально рисковал жизнью, чтобы найти ее… а теперь она потеряна, выдернута у него из-под носа в самый последний момент — надо же, каков сюжетец, — в тот самый момент, когда его трехдневные поиски… нет, тринадцатилетнее паломничество отделяли от успешного завершения какие-то вшивые несколько секунд и дюймов!

Он не сомневался, что из всего этого выйдет отменная баллада.

И тут ему с нежелательной отчетливостью (вот бы память работала так, когда это действительно нужно) вспомнились слова Бёрроуза, произнесенные тем каких-то четыре ночи назад: «Дошлая, ненасытная насекомая тварь». И хотя тогда он только посмеялся над ними, сейчас его поразило, как точно понял Бёрроуз его сущность. Боже мой, думал теперь Ривас, и ты собираешься делать песню из *этого*, да? Может, сестра Уиндчайм и оцыплячилась, но даже так она в два раза человечнее тебя, парень.

Ну и что, отвечал он сам себе обиженно, я же профессиональный песенник — что же мне еще делать, притворяться, будто я не черпаю материал для своих песен из того, что со мной случается?

Нет, шут гороховый, тебе надо сделать то, что от тебя требовалось вчера. Иди и ищи Ури.

Но ее же увезли в Священный Город.

Ну и что?

А то, что из Священного Города никто еще не выходил — сойеры и пастыри не в счет. Даже самого Нортона Сойера не видели уже лет десять. Всем известно, что попытка избавления кончается, как только цель ее оказывается там. И, ясное дело, что-то сомневаюсь я, чтобы такая неслыханная попытка оправдывалась неслыханной ценой, какую я выбил из старика Бёрроуза (хотя как, черт подери, я вообще мог торговаться из-за души Ури?).

Память сразу же услужливо напомнила ему слова, которые говорил он Бёрроузу в тот вечер: «для вас она стоит пять тысяч, но никак не десять». А что ты скажешь себе, а, парень? Ну, уж конечно, она стоит порезанного пальца плюс несколько минут страха, но уж никак не того, чтобы добровольно ложиться в гроб, верно?

В противовес этому вопросу ему невольно вспомнились совсем другие образы: его квартирка на Первой у Северных ворот, дождливая ночь за окном, уютный свет, трубка, выпивка и любимая книга; долгие летние вечера, когда он сидел закинув ноги на перила балкона, друзья, холодное пиво, стоящее как раз так, чтобы до него было удобно дотянуться; приятная уверенность в том, что всегда найдется хорошенькая девица, чтобы вешать ей лапшу на уши, вертеть перед ней хвостом и, возможно, затащить в постель, и не менее приятная уверенность в уютном одиночестве в этой же постели, но позже.

И, подумав, он признался в том, что всего этого маловато, чтобы положить на весы. Во всяком случае, не тогда, когда на другой чаше этих весов лежит жизнь Ури. Придется ему идти в Ирвайн, пробраться в Священный Город и вытаскивать Ури оттуда.

Чтоб ей, с чувством подумал он, за то, что втянула нас во все это.

Книга 2
Выход через ворота Догтауна

Глава 6

Фрейк МакЭн свирепо нахмурился на безобидную парочку девиц-Соек, ошивавшихся на противоположной стороне улицы, и не без удовольствия наблюдал, как те испуганно встрепенулись и нырнули в дверь зала для молитв. Такая реакция подтвердила, что его наряд пастыря убедителен — по крайней мере для рядовых Соек. А ему осталось идти всего два квартала до площади отправки, и похоже, у него имелся еще неплохой шанс попасть туда без новых приключений, прежде чем просохнет роса на фургоне, который ему был нужен. Только бы ему не напороться на настоящего пастыря! Он подозревал, что у тех наверняка есть пароли, или условные знаки, или еще какие-нибудь чертовы штучки, которые сразу же выдадут в нем самозванца. Вот ведь гад Ривас: какое несправедливое преимущество давало ему то, что он сам несколько лет провел в Сойках!

МакЭн боялся. За все свои предыдущие избавления он старался на пушечный выстрел не приближаться к Ирвайну, а теперь вот при желании мог камнем добросить до высоких, за-

валенных чуть внутрь стен самого Священного Города.

Он ощупал рукоять спрятанного в левом рукаве ножа, но и это не придало ему обычной уверенности. Собственно, уверенность его пошатнулась еще тогда, когда родители похищенного Сойками юноши неохотно сообщили ему, что первый нанятый ими избавитель приковылял обратно в Эллей с пулей в ноге и рассказами о том, как его подстрелили пастыри, вооруженные настоящими, боеспособными ружьями.

МакЭн заломил за избавление цену в пятьсот полтин с пятидесятипроцентной предоплатой — так много за работу он не просил ни разу — и сразу оговорил, что южнее пустоши Сил-Бич он искать не будет. Поначалу они противились этому; впрочем, клиенты всегда бухтят сначала. Однако он привел им свой стандартный аргумент: остаточная радиация *(впечатляющий термин, однако)* в этих отдаленных районах так велика, что ни один здравомыслящий человек не рискнет провести там время, необходимое даже для самого простенького избавления, и что даже если Сойку и удастся отыскать и похитить на этой стадии, он (или она), а возможно, и сам избавитель, умрут как венецианский рыбоед, не

успев вернуться в Эллей.

Сам МакЭн всегда знал, что это не совсем соответствует истине, однако до позавчерашнего дня ему и в голову не приходило задумываться, насколько велико это преувеличение.

Он шел за караваном из нескольких почти не связанных друг с другом стай Соек, который двигался на юг от Флиртинских холмов. Когда с ним кто-нибудь заговаривал, МакЭн выдавал себя за оцыпляченного дебила, а сам выжидал момента, пока они остановятся на привал и встанут в спираль для причастия — так ему будет проще увидеть, находится ли среди них кто-нибудь, подпадающий под описание отпрыска своих клиентов.

В конце концов, когда он готов был уже откололоться от них и свернуть обратно, на север, они все-таки остановились для причастия на автостоянке Анахайн-Конвеншн-Центра. Дело было позавчера около полудня.

Пастыри вскарабкались на старые фонарные столбы, и неестественный, на два тона рев встретил старика в белом, когда тот двинулся вдоль спирали, с каждым кругом приближаясь к центру. МакЭн созерцал это зрелище, удобно устроившись на крыше грузовика, не забывая

время от времени болезненно морщиться и, постанывая, баюкать руку, перевязанную тряпкой с очень реалистичными красными пятнами — он всегда брал ее с собой, отправляясь на избавление. Людей, терзаемых острой болью, как он выяснил, к причастию не допускают.

За время церемонии он приглядел двоих, подпадающих под описание, и когда причастие вырубило обоих, он запомнил, где лежат их безжизненные тела, чтобы позже, когда они придут в сознание, подойти к каждому по очереди и задать им вопросы, которыми снабдили его родители.

Хотя его запас везения, как знал он теперь, и подошел к концу, он еще не иссяк окончательно. Второй паренек, еще не оправившийся от причастия, тем не менее не только узнал названную МакЭном кличку домашней собаки: «Люси всю себя изгрызла, и вся шерсть повылезла, так что нам с ней делать?» — но и дал правильный ответ на вопрос: «Давать чеснок с едой, как мы прошлым летом делали».

МакЭн осматривал соседние изгороди, стены и подворотни в поисках укромного местечка, где бы он мог оглушить парня и потом незаметно утащить, когда услышал металлический лязг и странное уханье. Поскольку он и так оглядывался

по сторонам, он одним из первых увидел несколько дюжин Y-образных велосипедов, несущихся по мостовой к толпе Соек. Он схватил своего подопечного и потащил его сквозь объятую смятением толпу прочь от ухарей. Сквозь вопли за их спиной послышались необычно громкие хлопки, но только вырвавшись из толпы и бросившись бегом по тенистому тротуару, волоча за собой полуоглушенного паренька, МакЭн понял, что этот шум означает ружейный огонь.

В момент нападения Сойки оказались в невыгодном положении, и на то имелись две причины: большая часть их лежала без сознания или не отошла от причастия; к тому же уверенные в том, что ухари никогда не осмелятся напасть на крупные стаи Соек, пастыри устроили причастие на открытой, мощеной площади.

МакЭн не мог заставить паренька бежать дольше минуты, так что спасающиеся бегством Сойки очень скоро догнали их и начали обгонять. В результате МакЭн и его подопечный превратились в еще две фигуры, бегущие в толпе, которую угрюмые верховые пастыри гнали как стадо на юг. Пастыри с заряженными пистолетами в руках то и дело привставали на стременах, оглядываясь, и при каждой возможности гнали свою паству

по пологим склонам или сквозь узкие проходы в бесконечных алюминиевых заборах — совершенно очевидно, они ожидали новых нападений изголодавшихся ухарей. МакЭн решил, что фургоны с так и не очухавшимися причащенными двинутся на юг другой дорогой, но не видел ничего: куда ни кинь взгляд, виднелись только головы Соек, молча топавших трусцой рядом с ним. Все, что ему оставалось делать, — это бежать вместе с ними, стараясь не выпускать руки незадачливого клиентского дитяти.

Они пересекли широкую улицу — судя по всему, Чапмен-авеню. Теперь они находились уже на пустоши Сил-Бич, но хода не сбавляли.

МакЭн все еще не беспокоился. Уж, наверное, отсюда и до Ирвайна найдется возможность схватить парня и смыться.

Дойдя до переулка, примеченного им еще вчера ночью, МакЭн задержался. Он помнил, что тот сворачивает на площадь, где стояли фургоны, поэтому лишний раз неодобрительно осмотрелся по сторонам, прежде чем нырнуть с освещенной улицы в темную дыру переулка.

Ясное дело, подумал он, никакой такой возможности так и не подвернулось, и вот мы в этом самом Богом проклятом Ирвайне. Ну, дважды

удача мне все-таки хоть немного, но улыбнулась: мне повезло, что я оказался достаточно крепок на вид, чтобы меня отрядили сопровождать фургоны с теми, кто не мог больше идти — включая моего подопечного. И еще раз — когда удалось позаимствовать рясу убитого вчера, при втором нападении ухарей пастыря. Однако теперь удача зависит исключительно от меня самого. Моя маскировка неплоха: эти чертовы балахоны никогда не гладят, так что ни одна сволочь не распознает, что эта пролежала двенадцать часов скомканной у меня в мешке, а капюшон скрывает проплешины в шевелюре — пришлось выстричь, чтобы соорудить себе фальшивую бороду.

Ладно, подумай лучше об остающихся двухсот пятидесяти полтинах! И о невероятных историях, которые ты сможешь рассказать, вернувшись с этим парнем из этого дурацкого города на краю света…

Что больше всего наводит страх в этом городе, думал он, бесшумно пробираясь по захламленному переулку, так это то, что во всем этом чертовом селении нет ни одного человека, не оцыпляченного до полного идиотизма. Настоящим пастырям приходилось метаться из стороны в сторону, чтобы глушить бедолаг, подключившихся к этому их

вещательному каналу, и штабелями грузить их в фургоны, отправляющиеся в Священный Город. Пожалуй, придется и мне врезать кому-нибудь — для поддержания образа. Интересно, должны же у этого чертова города иметься какие-нибудь задние ворота, откуда они вывозят пустые фургоны? Наверняка есть, иначе груды старых фургонов давно выросли бы выше стен, хи-хи. Если только они не…

Он застыл, ибо в палисаднике у самого выхода на площадь притаилась оборванная фигура, явно наблюдавшая за тем самым фургоном, который был нужен МакЭну. Что ж, подумал МакЭн, сжав и разжав на пробу правый кулак и осторожно скользнув вперед, вот и начнем поддерживать образ…

Однако, когда до фигуры оставалось еще несколько ярдов, фигура с несвойственной Сойкам ловкостью развернулась лицом к МакЭну и, без промедления выхватив из рукава нож, бросилась на него. МакЭну удалось блокировать руку с ножом, но тот с размаху сшибся с ним, и оба покатились на грязную мостовую. Фальшивая борода МакЭна повисла на одном ухе, но он все же сумел оттолкнуть соперника, перекатился в сидячее положение, выхватил нож и сделал ложный выпад,

нащупывая слабые места в обороне…

— Фрейк! — ахнул его соперник, и МакЭн застыл. Он всмотрелся в исхудавшее лицо.

— Ты кто? — задыхающимся шепотом спросил МакЭн, не опуская ножа.

— Ривас.

— А ну говори, кто ты, а то… — МакЭн вгляделся пристальнее. — Правда?

Ривас кивнул, прислонился спиной к стене и вытер пот со лба.

— Господи, что с тобой, Ривас? А я-то думал, ты завязал с этим промыслом.

— Верно думал. — Он несколько раз глубоко вздохнул. — Это… особые обстоятельства.

МакЭн, морщась, поднялся на ноги.

— Быстро это ты с ножом. Я-то тебя только оглушить собирался.

Ривас наконец отдышался и тоже встал.

— Вот потому-то ты всегда был и останешься второсортным избавителем.

МакЭн холодно улыбнулся и тщательно поправил бороду на своем моложавом лице.

— Ну да. Думаешь, я буду завидовать тому, что сделало пребывание на первом месте с тобой?

К удивлению МакЭна, Ривас на самом деле покраснел. Ба, да что это с тобой, Грег, подумал

он, — уж не сбрил ли ты вместе со своей дурацкой козлиной бородкой свою обыкновенную броню цинизма?

— Насколько я понимаю, ты на работе, — тихо сказал Ривас. — Кто-нибудь в этом фургоне?

— Верно. Тощий парень у самого края, у заднего правого колеса. Я сам положил его туда вчера ночью. А твой кто?

— Моя уже в городе. Послушай, как тебе такое предложение: ты устроишь на улице какую-нибудь заваруху, чтобы отвлечь всех, кто может ошиваться здесь, я вынесу твоего мальчишку в этот переулок, а потом сам займу его место.

МакЭн уставился на него с неподдельном ужасом.

— Ты собираешься за своей — *туда?*

Ривас только беспомощно кивнул.

А я-то считал, дальше меня никто еще не заходил, подумал МакЭн. Повинуясь неожиданному импульсу, он сунул нож обратно в рукав и протянул правую руку Ривасу.

— Знаешь, Ривас, я всегда считал тебя хвастливым, скользким сукиным сыном, но Бог свидетель, я скажу всякому, кто согласится меня выслушать, что ты, чтоб тебя, самый лучший избавитель из всех, что были когда-либо.

Ривас ответил ему неловкой улыбкой и пожал руку.

— Спасибо, Фрейк. — Он тоже спрятал нож. — Давай-ка двигаться, пока они не привели сюда тех, кто способен передвигаться самостоятельно.

Ривас так и не узнал, как это удалось МакЭну, но не прошло и полминуты с момента, как тот скрылся в переулке, как со стороны улицы послышался жуткий треск, сопровождаемый истошным визгом; он даже различил в хоре голосов один, явно принадлежащий продвинутому: тот забормотал что-то насчет того, как это вкусно, когда все помогают кипятить тяжелую воду.

Спасибо, Фрейк, подумал Ривас. Он бегом ринулся к фургону, перевалил паренька — по счастью, так и не вышедшего из забытья, — через борт, взвалил его на плечи и, стиснув зубы, чтобы не потерять сознания и самому, потащил его в переулок. В последний момент он передумал и вместо того, чтобы просто сбросить парня с плеч словно мешок гравия, нагнулся и почти нежно опустил его на мостовую.

Одежда на бедолаге мало отличалась от той, что была на нем, поэтому Ривас просто добежал до фургона, забрался внутрь и лег на дно примерно в той же позе, в какой лежал паренек, — спрятав

лицо под чьим-то вялым плечом и стараясь унять сердцебиение. Немного погодя до него донесся шорох со стороны переулка и (возможно, это ему только показалось) шепот: «Спасибо, Грег. Удачи».

Утро начинало пригревать, и Ривас услышал скрип и стук других фургонов, прибывающих на площадь. Время от времени до него доносились чьи-то разговоры, хотя слов он не разбирал. Он даже вздремнул ненадолго, но живо проснулся, когда по мостовой застучали, приближаясь, чьи-то башмаки и подковы, а потом фургон покачнулся, когда кто-то залез на козлы. Вскоре туда же забрался второй.

— Как они там, все в отключке? — спросил мужской голос.

Звякнула конская сбруя.

— Угу, похоже на то. Что, запрягли? Ладно, тогда едем. Остальные идите рядом.

Фургон дернулся, оси заскрипели, и они тронулись с места. Ривас слышал шарканье ног дееспособных Соек, плетущихся за фургоном; судя по доносившимся всхлипам и прерывистому дыханию, по меньшей мере один из них негромко плакал.

Он ощутил несколько медленных поворотов, а

потом стук колес по булыжнику сменился мягким шипением, и он понял, что мостовая кончилась, и они пересекают стоядовую песчаную полосу, окружавшую Священный Город наподобие рва; возможно, это кольцо смыкалось с настоящим песчаным пляжем на морском берегу. Ему подумалось, что нет ничего проще, чем сорваться на высокий, жалобный вой, не прерывающийся даже на вдохе… и как только он подумал так, ему стоило больших усилий удержаться от этого.

Один из бредущих рядом, должно быть, чувствовал что-то в этом роде, поскольку тишину прорезало гортанное бормотание.

Ривас не слишком удивился тому, что его никто не заглушил, — он и так уже пришел к выводу, что пастыри делали это, чтобы не позволить вещателям выболтать что-то… но кого тревожит, узнают ли что-нибудь люди, которые вот-вот вступят в Священный Город?

— *Помехи!* — каркал продвинутый. — *Мне-то какое дело? Разбирайтесь с этим сами, болваны, меня нельзя отрывать от готовки… Севативидам не обязан вникать в эти провинциальные проблемы… в далеких местах, давным-давно, я глядел дольше…Что, если это был ваш наводящий ужас Грегорио Ривас? Он не должен вмешиваться*

в мои дела…

Ривас окаменел от ужаса; он решил, что им известно, кто он, и что все это представление устроено намеренно, с целью дать ему понять, что он пойман; он решил, что фургон сейчас остановится, валяющиеся вокруг него безжизненные тела повскакивают на ноги, и он окажется в кольце торжествующих пастырей, целящихся в него из рогаток. Однако фургон катил дальше как ни в чем не бывало, ноги вокруг продолжали шаркать, а вещатель — нести галиматью дальше: «Эта вонючая лодка, вы пытаетесь меня убить, осторожнее, ох…»

Медленно, мускул за мускулом, напряжение оставляло Риваса. Может, это было просто совпадение? И все-таки кто или что говорило? Ясно, что не Сойки сами по себе. Может, сам Нортон Сойер? Но *как?* И почему теперь по-английски, если несколько лет назад это был просто клекот? Хотя, впрочем, имя — *Севативидам* — мелькало уже тогда…

— *Оставьте меня в покое, я сейчас дам причастие в Уиттьере,* — продолжал бормотать бедолага. — *О, посмотри на них на всех, да повернись же, скелет проклятый, я хочу видеть их всех… Севативидам благословляет вас, дети*

мои… а ну-ка давайте, детки, поделитесь со мной вашей далекой силой… сами-то вы все равно ею не пользуетесь, так что вам она не нужна… жаль, что я не могу взять ее, не расходуя вас так быстро… но уж раз она накрепко привязана к вашему рассудку, может, она вам все-таки и нужна для чего-то… не повезло… О, да тут и новички… как вкусно… — Тут речь сделалась такой, какой Ривас ее помнил по своим дням у Соек: бурчанием, клекотом и гортанными руладами.

Пот, который прошиб его в первую секунду паники, остудил его, и он почти было успокоился, но снова напрягся от страха, ибо свет померк, воздух сделался градуса на два холоднее, и он понял, что они проезжают под высокой каменной аркой… а когда свет снова стал ярче и холодок прошел, он не испытал облегчения — скорее наоборот, так как знал, что они уже внутри городских стен. В подтверждение этого позади с лязгом захлопнулись ворота.

Фургон ехал теперь без толчков, а шум колес напоминал звук воды, которую медленно льют в железную кастрюлю. Лежавшего среди безжизненных тел Риваса пробрала дрожь, ибо один запах здешнего воздуха — этакая помойная сладковатость с чем-то горелым, мешавшаяся с вонью

морской рыбы, — уже говорил о том, что он находится на совершенно неизведанной территории. Он неплохо имитировал Сойку в лагерях, на стадионах и прочих гнездовьях, хотя в последнее время и это удавалось ему хуже. Однако теперь он находился дома у Нортона Сойера, человека — если он вообще человек, — милостью которого Сойки обладали такой силой и бесстрашием. Здесь его могло ждать что угодно.

Что ж, подумал он, по меньшей мере две вещи я найду здесь почти наверняка: Ури и собственную смерть.

Фургон замедлил движение, мужской голос произнес: «Вы, все — туда», — и звуки пеших сопровождающих — бормотание продвинутого, всхлипы и шмыганье, шарканье подошв — удалились куда-то вправо, тогда как фургон продолжал ехать прямо в тишине, от которой нервы Риваса натянулись еще сильнее.

Через некоторое время вожжи хлопнули, и фургон остановился. При этом его чуть занесло, из-за чего у Риваса возникло впечатление, будто они ехали по огромному листу стекла.

— Дюжина, как и обещали, мистер Хлам… сэр, — произнес сидевший на козлах пастырь. Ривас услышал, как его спутник нервно усмехнулся.

И тут вдруг послышался звук, от которого Ривас невольно открыл глаза: словно целый ураган вырывался из отверстия размером с человеческий рот, а обладатель этого рта много лет экспериментировал с различными неорганическими, но гибкими инструментами, подбирая этому урагану разные тональности, интонации и прочие нюансы, добавляя то басов, то свиста, — и так до тех пор, пока у него не начало выходить подобие человеческой речи.

— Да, — выдохнул этот невоспроизводимый голос. — А теперь бегом отсюда, пастыри. Рентгены и бэры в считанные минуты лишат вас волос.

— Тоже верно, — согласился кучер, явно бодрясь. — Баре они завсегда так… хотя, с другой стороны, чего им лысеть, барам-то? Поможешь ему вытащить спящих из фургона, а, Берни?

— Нет проблем, — напряженным голосом откликнулся Берни.

Фургон покачнулся, когда Берни, звякнув подбойками, спрыгнул на землю. Первым он потащил из фургона тело, лежавшее с противоположной от Риваса стороны, но секундой спустя послышался звук, словно кто-то изо всей силы скреб по плиточному полу сухими ветками, а потом Ривас почувствовал, как что-то просунулось

между ним и полом фургона. Его перекатили на спину, и он невольно чуть приоткрыл глаза.

Несколько секунд ошеломленного созерцания убедили его в том, что штука, тащившая его из фургона, была вовсе не высоким, толстым человеком с корзинкой на голове и прикрепленными ко всему телу кусками картона и ржавого металла: сквозь щели в шее и груди этой штуковины просвечивало ясное небо. Теперь Ривас видел, что вместо глаз у нее стекляшки, внутри ободранной детской коляски, служившей ей грудной клеткой, красуется причудливое нагромождение ржавых жестянок и дырявых медных трубок, а голова состоит преимущественно из огромного шейкера для коктейлей, и в этой жуткой тишине Ривас слышал, как там что-то плещется.

Почему-то Ривас никак не связывал это существо с ураганным голосом, да и вообще не считал его живым — до тех пор, пока оно не заговорило снова:

— Этот очнулся, — просвистело оно. — Или сейчас очнется.

Затем — без всякого перехода, хотя времени прошло явно немало, — Ривас оказался, весь в холодном поту, на холодной, жесткой кровати. Вокруг было темно.

Голова его гудела как котел, и его мучила жуткая жажда, но каждый раз, как он вставал, шел на кухню, наливал себе воды из бака и припадал к чашке губами, он вдруг понимал, что все это ему только приснилось и что он так и лежит в этой неудобной кровати. В конце концов он и правда сел — сразу же поняв, что до сих пор не делал этого потому, что это отдавалось чудовищной болью в затылке, — и, морщась, осмотрелся по сторонам. Он находился в длинном, темном помещении, уставленном вдоль стен кроватями. Воздух в помещении стоял затхлый, воняло рыбой и помоями.

Некоторое время он не имел абсолютно никакого представления о том, что это за место. Потом он вспомнил, как боялся потерять место у Спинка, и напряг память, пытаясь вспомнить, не это ли и произошло. Очень уж все это смахивает на одну из дешевых ночлежек в Догтауне, подумал он, а судя по головной боли, я, должно быть, выпил какого-то особо чудовищного дерьма.

Он провел рукой по лицу и к неудовольствию своему обнаружил на подбородке щетину — судя по длине, четырех— или пятидневную. Вон оно что, с горечью подумал он. Тебе хана, Грег. Пьян, небрит и валяешься в помоях. Что ж, все к

тому шло. Увидь тебя сейчас Ури, она бы тебя не пожалела! Свежий, румяный паренек, которого твой папаша турнул прочь тринадцать лет назад, превратился теперь в…

На этой патетической фразе он запнулся, ибо упоминание Ури напомнило ему кое-что. Ну конечно! Как он мог забыть все это? Она оцыплячилась, и он рисковал жизнью, чтобы спасти ее, но ее увезли в Священный Город. Это делало историю еще жалостнее: как же, юные любовники, разлученные бездушным миром, — хотя еще круче было бы, если бы об этом узнал хоть кто-нибудь, а еще лучше — подготовленная публика… может, он и сам оцыплячится, на этот раз добровольно, только бы оказаться наконец хоть немного ближе к ней… Надо же, как трогательно!

Кто-то на соседней кровати покряхтел, пошмыгал носом, потом пару раз всхлипнул.

— Заткнись, — раздраженно буркнул Ривас. Достали своим шумом, подумал он.

Он услышал, как там сели.

— Ты проснулся? — послышался шепот.

— Уснешь тут, в этой дыре, как же. — Судя по голосу, соседом его оказалась девица. Если бы она только знала, кто я, подумал он с горечью.

Возможно, она выросла, слушая мои песни.

К еще большему его раздражению она встала и проковыляла к его кровати. Бог мой, подумал он, она не только плакса, но и мутант. Лысая как коленка.

— Я не знала, оправишься ли ты, — сказала она. — Когда тебя принесли, вид у тебя был хуже некуда. Что случилось — один из хлам-людей тебя ударил?

Выходит, я опустился до того, что дерусь с хлам-людьми, подумал Ривас с чем-то, похожим на удовлетворение.

— Не удивлюсь, если так, — ответил он, ощупывая затылок. Волосы слиплись и топорщились от засохшей крови, а под ними прощупывалась большая шишка.

— Ты, наверное, пытался бежать.

— Да, правда? — обиженно удивился Ривас. — Этот ублюдок, похоже, стукнул меня сзади.

— Стукнул сзади, — повторила она вежливо, но явно не веря ни одному его слову. — Конечно. — Он раскрыл было рот, чтобы возразить, но не успел. — Я тоже скоро стану такой, — продолжала она грустным голосом. — Волосы у меня уже давно выпали, а теперь и лихорадка началась. Возможно, меня сунут в одного из тех, что я сама

помогала собирать.

— Возможно, — согласился Ривас, не особенно задумываясь над тем, что она говорит. — А теперь, с твоего позволения, я бы… — Он осекся, ибо посмотрел в окно на противоположной стене и не увидел за ним ничего, кроме звездного неба… а во всем Эллее не найти места, с которого открывался бы ничем не нарушаемый вид на небо. Ну, разве что с самых высоких башен. Он встал, сделал несколько глубоких вдохов, подождал, пока голова перестанет кружиться, потом подошел к окну и выглянул.

В стеклянной равнине, испещренной там и здесь недлинными, в несколько ярдов, трещинами, отражались яркие звезды; в некотором отдалении стекло отделялось от неба прямой белой линией стены. Только тут он вспомнил о своем решении следовать за Ури дальше, в город, о своей встрече с Фрейком МакЭном, о штуковине, сооруженной из старого хлама, которая, однако, двигалась и говорила… Ничего из произошедшего после этого он не помнил, но девчонка явно угадала верно: он, должно быть, пытался бежать, но его догнали…

Пожалуй, даже и к лучшему, что он ничего не помнил.

В конце концов, он отвернулся от окна и посмотрел на фигуру у своей кровати, на эту девчонку.

— Извини, — сказал он. — Я, наверное, не совсем еще пришел в себя. Я… я забыл, где мы находимся.

— Я бы тоже с радостью забыла это, — сказала она.

— Что ты… то есть мы… делаем здесь?

— Ну, — она развела руками, — работаем. Тут много машин, за которыми нужен уход, а гелиевые шары вечно приходится латать…

— *Гелиевые* шары?

— Ну да, такие здоровенные древние штуки, с которых наблюдают за побережьем. Мне эта работа не нравится, я всегда обжигаюсь паяльником, а от клея тошнит.

— А… — Она, конечно, имеет в виду шары на горячем воздухе, подумал он.

— А еще мы делаем хлам-людей, чтоб те выполняли самую тяжелую работу, хотя, мне кажется, мы делаем их не так хорошо, как полагалось бы. Говорят, Господь утомился от всего и уже не так следит за тем, чтобы все делали на совесть. И еще там, на пляже, чинят старые лодки и строят новые. Тебя, наверное, туда и пошлют.

Что-то двигалось вдали, на стеклянной рав-

нине, и Ривас повернулся к окну. За ним, ярдах в двухстах от дома, устало ковыляло существо. Больше всего оно напоминало огромную бракованную куклу, сделанную из натянутого на проволочный каркас папье-маше, которую потом слегка опалили на огне, и оно тащилось на ногах разной длины — медленно, словно ему поручили работу, на выполнение которой уйдет несколько столетий.

Ривас повернулся к девушке, ощущая себя ребенком, заблудившимся в странном, холодном доме.

— Ты говорила… — начал он, но голос его сорвался, и ему пришлось начать сначала. — Ты говорила, тебя вставят в одного из тех, кого ты сама собирала. Что ты имела в виду?

— Что хорошо Господу, худо для простых людей, — сказала она. — Мы здесь болеем — здесь, и, я слышала, в его храме, что в городе-побратиме, тоже. Волосы выпадают, и начинаются… ну, типа, язвы по всем ногам… и еще, кто беременный, то скоро выкидыш… и вот когда мы делаемся совсем уж плохие, что вот-вот помрем, он — Сойер то есть — вставляет нас… в хлам-людей. — Она снова заплакала. — Их зовут хлам-людьми, даже если внутри девушка. Да и разницы никакой уже…

Ривас тяжело дышал.

— Какого черта, вы что… даже *убить* себя не можете, на худой конец? Боже, ведь вам разрешают пользоваться инструментами, так ведь?

— Угу, — всхлипнула девчонка. — Но… это ведь грех — самоубийство. Хотя почему-то тут, в городе, не очень-то заботятся, что грех, а что нет… ну и потом, они… хлам-люди то есть… ну, живут-то они, типа, вечно.

— Что ж, хоть это хорошо, — пробормотал Ривас. — Слушай, сюда не попадала пару дней назад одна девушка? Стройная, темноволосая, с… то есть, я хотел сказать, темноволосая женщина… — Он попробовал вспомнить, какой успел на мгновение увидеть Ури позапрошлой ночью в Шатре Переформирования. — Немного тяжеловата, — добавил он неуверенно.

— Все фургоны до твоего — неделю, наверное, — сюда не заезжали. Их всех заворачивали на юг — мужчин строить лодки, а женщин переправляли прямиком в город-побратим, в храм… туда, где сейчас сам Господь… ну, продвинутых, конечно, сразу в истекальные избы.

— А где этот город-побратим?

— Не знаю. Давай лучше обратно по кроватям. Они не любят, когда мы разговариваем друг с

другом.

— Но хоть на севере или на юге? Город-побратим? — добавил он, не особенно надеясь получить ответ, поскольку видел ее пустой взгляд.

— Ох, да не знаю же. — Она зевнула и полезла обратно к себе в кровать.

Ривас выглянул в окно. Хромоногая штуковина превратилась в небольшую, двигающуюся рывками по стеклянной равнине точку.

— А что происходит в этих… как ты их назвала — истекальных избах?

Доски под ее матрасом скрипнули, когда она повернулась набок.

— Ох, — она снова зевнула. — Там истекают.

— Чем?

— Кровью, наверно.

Ну да, подумал Ривас, не спеша лечь в свою кровать. И чего это я спрашивал?

— Наверно, завтра, — сонно пробормотала девушка. — Тебя отведут в поселок на берегу, — добавила она, когда он уже оставил надежду услышать от нее что-нибудь еще. Потом она снова помолчала с минуту. — И закуют ноги в цепи.

Вот, значит, как, подумал Ривас. В цепи, говорите. Но, конечно же, Грег, это всего до тех пор, пока ты не исхудаешь настолько, чтобы сунуть тебя

в хлам-человека. Боже мой. Ладно, сматываюсь сегодня же вечером.

— Ну конечно, — сказала девушка так сонно, что Ривас понял: это заявление на сегодня последнее, — если тебя сделают доверенным, тогда только одну ногу.

Вряд ли это изменит мое решение, детка, подумал он. Он вернулся в постель и лежал до тех пор, пока не исполнился абсолютной уверенности в том, что лысая девчонка уснула. Тогда он тихо встал и на цыпочках прокрался по проходу. Дверь была заперта, но отжать язычок замка острием ножа оказалось минутным делом. Местные власти явно не ожидали, что у обитателей палаты найдутся инструменты… или хотя бы инициатива.

Он осторожно выглянул из-за косяка — сначала одним глазом, потом высунул голову. На улице было светлее, чем внутри: ярко светили звезды, и ему показалось, что из-под стекла тоже исходит слабое свечение. Ни одного хлам-человека в поле зрения не обнаружилось.

Справа виднелся все тот же ровный, неземной пейзаж, который он видел из окна, зато вид слева, то есть с южной от него стороны, был немного привычнее. Множество похожих на казарму хи-

бар, явно совершенно идентичных той, из дверей которой он сейчас выглядывал, длинными рядами уходили в темноту.

Он заметил, что каждый барак отбрасывает тень, но эта тень слабо светится, словно тень от дома на фотографическом негативе. Приглядевшись, он понял, что «тени» эти представляют собой ровные борозды чуть шероховатого стекла, в котором тоже отражались звезды и из-под которого льется слабый, рассеянный свет. Выходит, бараки стояли на стекле без фундаментов и постепенно сползали, подгоняемые ветром, к морю словно армада старых, неповоротливых кораблей.

Ривас бесшумно перебежал к следующему ряду бараков и по храпению, доносившемуся из ближнего, заключил, что это точная копия того, из которого он только что ушел. Осторожными перебежками, застывая и осматриваясь по сторонам, миновал он десять рядов длинных строений, однако за исключением того, в который его поместили, и одного в следующем ряду, все они, похоже, были пусты.

Один раз откуда-то издали, со стеклянной равнины, донесся жалобный, похожий на ветер вой. Он выхватил нож и застыл, но звук не повторял-

ся, нигде и ничего не шелохнулось, и он, выждав еще немного, двинулся дальше.

Десятый ряд бараков оказался последним; южнее его находилось только некоторое количество небольших круглых хибар на сваях. В отличие от бараков эти группировались произвольными кучками, напоминая большие грибы или термитники, так что определить их количество на глаз Ривасу не удалось. Истекальные избы, подумал он, и по спине пробежал неприятный холодок.

Береговая линия находилась где-то за ними, так что, удостоверившись, что нож его надежно спрятан в ножны, но вынимается без труда, он пустился вперёд особой трусцой, позволявшей ему при необходимости резко остановиться, свернуть в сторону или удвоить скорость.

За следующие десять минут он миновал с дюжину россыпей маленьких, приподнятых над землей домишек, но у последней, за которой не было ничего, кроме стеклянной пустоши, он сбавил ход, а потом и вовсе остановился.

Что это, недовольно спросил он сам себя, простое *любопытство*?

Но черт побери, ответил он сам себе, неужели нельзя хотя бы краешком глаза заглянуть в нечто, называемое истекальной избой?

Бесшумно как тень скользнул он к четырехфутовой лестнице в сооружение, затаил дыхание… и тут в наступившей относительной тишине уже яснее услышал нечто, что ему почудилось еще несколько секунд назад.

Негромкое, ровное дыхание, иногда на грани храпа — вот что доносилось из этих домов на ножках, — и каждая пауза между вдохом и выдохом, каждый вздох и редкое кряхтение звучали в каждой избушке абсолютно в унисон — этаким безупречным хором, тихо исполняемым на этом стеклянном озере для одного-единственного, если не считать далеких звезд, слушателя — Грегорио Риваса.

Будь я проклят, подумал он, подходя и берясь рукой за перекладину лестницы, — вот-вот я стану первым известным мне человеком, лично слышавшим, как вещают храпом!

Лестницу явно сооружали на скорую руку, связав проволокой и старыми веревками, и она заскрипела, стоило ему налечь на нее всем своим весом, но он не сомневался в том, что ничто и никто в этой хибаре не услышит его, как бы он ни шумел; он плохо представлял себе, чего надо бояться на этом стеклянном пустыре, но он нутром чуял, что ничего опасного поблизости нет…

уж во всяком случае, не в этой крайней избушке.

Дверь тихо отворилась при его прикосновении — на ней не было даже простейшего крючка или задвижки. Внутри он разглядел пять коек, под небольшим наклоном прислоненных к стенам; когда глаза привыкли к полумраку, он разглядел, что каждое спящее тело привязано ремнями к раме, а подойдя ближе к одному из них, он увидел тонкую темную трубочку, прикрепленную с внутренней стороны локтя. Трубочка спускалась на пол и исчезала в просверленном в досках отверстии.

При виде этого зрелища Ривас испытал легкую тошноту. Ты хотел истекальную избу, подумал он, вот ты ее получил. Но зачем выкачивать кровь из продвинутых Соек?

Он вернулся к лестнице и спустился на стекло, потом нагнулся и заглянул под дом. Все пять трубок присоединялись к большому баку, а тот, в свою очередь, металлическими трубами к двум бакам поменьше. Спереди к основному баку крепилось нечто, похожее на древний кондиционер, из которого торчал металлический штуцер. Ривас сунул палец в штуцер и нащупал внутри резьбу…

Когда он вынул палец, на нем остался какой-то

темный порошок.

Он осторожно понюхал его… и ему вдруг вспомнились дни, когда он работал жалким кухонным мальчиком в Венеции. Порошок был, несомненно, Кровью.

Он оглянулся на сотню других истекальных изб, безмолвно торчащих на столбах в лунном свете. Сомнений не оставалось: в каждой из них спали продвинутые, кровь которых медленно стекала в баки и каким-то образом перерабатывалась в смертоносный венецианский наркотик.

Ривас поежился от страха, но на этот раз не за себя. Вот это круто, невесело подумал он, такое и в страшном сне не приснится. Интересно, знают ли об этом даже пастыри.

Кровь производится в Священном Городе.

Лысая девчонка сказала, что все вновь прибывшие женщины — предположительно и Ури в их числе — отправлены морем в город-побратим. И мне кажется, я знаю, что это за город.

И Боже сохрани меня и спаси, боюсь, я знаю, что за место там служит Сойеру храмом.

Он нерешительно постоял на месте, пытаясь свыкнуться с тем, что узнал. Ему вспомнилось, как он гадал, кто или что стоял за вещанием продвинутых, что было источником сигнала, пас-

сивными приемниками которого они являлись. Он предполагал, что им служил голос самого Нортона Сойера, который, съев, так сказать, их души с помощью своего чертова причастия, не мог до конца выдернуть свои невидимые зубы из части телесных оболочек, так что те откликались, когда он говорил. Впрочем, теперь Ривасу пришло на ум, что вещатели бездумно передают не столько *слова* Нортона Сойера, сколько его *мысли*. Стоило ли удивляться тому, что пастыри глушили их — теперь, когда тот начал думать по-английски…

Тогда на каком языке он думал раньше? На каком-то булькающем, завывающем, лающем наречии. Ривас вспомнил, как видел однажды нескольких вещателей, разом прикусивших языки в попытках воспроизвести звук, явно не рассчитанный на человеческие голосовые связки. И что это за язык такой? Как вышло, что Нортон Сойер, рожденный женщиной, смог, если верить той лысой девчонке, существовать в среде, странным образом отравлявшей человеческие тела? Возможно, даже нуждаться в такой среде? Ривас читал старые журналы, написанные еще до того, как Сандовал реорганизовал Эллей и провозгласил себя Первым Тузом; журналы, выходившие в Темный Год, когда на целых двенадцать месяцев

небо было затянуто желто-коричневой пеленой дыма и пыли, и люди даже не знали, сохранились ли еще за ней луна и солнце… и читал о симптомах, которые описала ему лысая девчонка…

Ури — и сам Сойер, по словам девчонки, тоже — находятся в городе-побратиме, рассуждал он, то есть в Венеции, в храме, который, боюсь, и есть тот жуткий ночной клуб, известный как Дворец Извращений. И если я, в конце концов, собираюсь туда за ней, мне не помешает слышать при этом мысли Сойера.

Он забрался обратно вверх и вошел внутрь. Выбрав из пятерых продвинутых самого легкого на вид, исхудавшего паренька без волос и зубов, он осторожно выдернул у него из руки иглу. Кровь свободно потекла, капая с костлявых пальцев, но унялась, когда Ривас перетянул руку выше локтя жгутом из лоскута, оторванного от своей рубахи. Потом Ривас развязал ремешки, удерживавшие безжизненное тело на кровати, и опустил его на пол.

Потом он снова спустился на землю, за руки вытянул паренька из двери, пригнулся и взвалил его себе на плечи. Выпрямился, сделал пару шагов и принял на себя весь его вес, когда ноги соскользнули с порога.

Ну что, устало подумал он, дотащишь это до берега? Впрочем, способ выяснить это имеется только один. И потом, если он окажется слишком уж тяжелым, я всегда могу просто бросить его и идти дальше налегке.

Так, шагая со своей мирно спящей, едва живой ношей, он почему-то вспомнил самое первое свое избавление, четыре года назад. Тогда он вернулся в Эллей через Южные ворота, неся спасенную им девушку именно таким образом.

Он делал это в услугу своему другу. Его тогдашний басист пожаловался ему, что его дочь уже месяц как сбежала с Сойками, вот он и попросил Риваса, не может ли тот попытаться найти ее, прикинувшись верующим. Собственно, обладая неплохой защитой в виде алкоголя, не говоря уже о «Пете и Волке», Ривас не слишком рисковал. Ему удалось отыскать девушку, когда ее стая находилась еще в окрестностях Эллея, заманить ее в сторону от остальных, оглушить и принести обратно домой.

На деле самой утомительной частью избавления оказались три следующих дня, когда девица билась в истерике, рыдала, крушила все вокруг себя и умоляла отпустить ее обратно к Сойкам, к блаженному забытью причастия. Он же в ответ

только смеялся и, пользуясь неплохим знанием веры, умело выставлял самые заметные ее логические нестыковки. Когда она начинала танцевать Просветляющий Танец, он доставал свой пеликан и подыгрывал ей в самой издевательской манере, ободряя криками, как уличную танцовщицу.

Слава Богу, в конце концов она все-таки очнулась, глаза ее утратили птичий блеск, и она даже поблагодарила его за то, что он вернул ей сознание.

Ривас просил своего полного благодарности басиста никому не рассказывать об этой услуге — в конце концов, Сойки вовсе не относились к пацифистам, а бог их отличался ревностью, — но басист теперь с особым сочувствием относился к родителям, попавшим в ту же ситуацию, что и он, и не удержался от упоминания его имени в разговоре с некоторыми из них. Некоторые предлагали ему столько бренди, только бы он повторил свой подвиг, что он не смог отказаться. В общем, к двадцати восьми годам он зарабатывал больше в качестве избавителя, чем музыканта.

Небо понемногу затягивалось облаками, и ему не обязательно было поднимать голову, чтобы знать это: хватало и взгляда на их отражение в

стекле под ногами. Холодный, сырой ветер щипал лодыжки и забирался под рваную рубаху. Интересно, кем был этот парень, подумал он, и могли ли его родители позволить себе роскошь обратиться к избавителю? Вряд ли. Бренди нынче в дефиците, и даже МакЭн, я слышал, не выходит на дело меньше, чем за сто полтин. Да и потом, этому парню уже не помочь. Поздно. Из продвинутых не возвращаются, а если бы это было и не так, голод и болезнь все равно не оставили от него почти ничего.

Он покосился на иссохшую руку, вяло хлопавшую его по боку с каждым шагом. Кем ты был, парень?

Время от времени дувший ему в спину ветер слабел, и тогда он слышал далеко впереди вздохи прибоя. Стекло под ногами казалось теперь просто изморозью, и с каждым шагом под ногами все сильнее похрустывал песок. Он вытянул шею, пытаясь заглянуть подальше вперед, и увидел, что всего в нескольких сотнях футов от него стеклянная плоскость обрывается рваной линией, а дальше бледнеет светлая полоса, судя по всему, песок, и еще ему показалось, что там маячат неясные очертания низких, ветхих строений и светятся точки неяркого желтого света.

И тут, сквозь шорох своих шагов, сквозь свое шумное дыхание и едва слышное — обреченного паренька, он услышал за спиной странные звуки. Как будто кто-то размахивал в воздухе прутом, одновременно отбивая ровный ритм на барабане, и звякал обрезком цепи. Звук быстро приближался.

Он обернулся, пригнувшись, чтобы не упасть, и увидел в сотне ярдов от себя словно сделанную из гуттаперчи, облепленной панелями старых автомобильных кузовов, фигуру одного из хлам-людей. Та с жутким изяществом скользила к нему по стеклянной поверхности с такой скоростью, что за какие-то пару секунд превратилась из маленького пятнышка в заслоняющую небосклон громаду. В самый последний момент он очнулся и отскочил в сторону.

Он потерял равновесие, кувыркнулся через голову и вскочил на ноги в нескольких ярдах от тела умирающего мальчишки. Скользивший по стеклу как на коньках хлам-человек, проскочив дальше, взмахнул своими руками-газонокосилками и со скрежетом развернулся; из-под ног его фонтаном брызнули стеклянные осколки. Когда он, изо всех сил работая ногами из алюминиевых труб, снова разогнался в направлении Риваса,

тот подпустил его поближе, сделал обманное движение вправо и нырнул влево.

Однако эта штуковина успела-таки вытянуть руку и рванула его за рукав; впрочем, инерция разгона оказалась слишком велика. Послышался омерзительный визг металла по стеклу, и когда Ривас повернулся в ту сторону, хлам-человек пошатнулся, упал и покатился дальше.

Что делать, лихорадочно размышлял Ривас, — броситься на него, пока он лежит, или бежать прочь? Вспомнив скорость, с которой тот передвигался, а также своего неподвижного спутника, он прыгнул на противника.

Штуковина с ужасным грохотом колотила своими сделанными из всякого мусора конечностями по крошившемуся стеклу, но как раз когда Ривас собрался врезать ногой по колену хлам-человека, тот все-таки извернулся, поднялся на свои ноги со ступнями из решеток для барбекю и приготовился к бою.

Ривас мгновенно затормозил и стал, затаив дыхание. Он очень надеялся, что эта штуковина не сможет одолеть разделявшие их три ярда быстрее, чем он успеет отскочить.

Он разглядывал стоявшее перед ним, отдаленно напоминавшее человеческую фигуру сооруже-

ние. Хлам-человек был по меньшей мере на фут выше его, обхват груди — больше раза в два, но ноги настолько тонки, что более всего тот напоминал диковинного двуногого жука под лупой.

Тут он заговорил, и голос его мало отличался от голоса того, что, судя по всему, оглушил Риваса вчера вечером, — такое же завывание урагана в узкой щели.

— Брат, — вздохнуло страшилище. — Возвращайся спать. Истекателя я отнесу сам.

Ривас вспомнил, как лысая девчонка говорила, что ее скоро поместят в одного из таких. Убивать хлам-человека ему не хотелось. Он заметил, что некоторые из пылесосных шлангов и пружин оторвались при падении, и вдруг пожалел, что не знает, как приладить их на место.

— Уходи, — устало сказал он чудищу. — Если ты попытаешься меня остановить, одному из нас не поздоровится. Не думаю, чтобы кому-нибудь из нас хотелось этого.

— Нет, — согласилось сооружение. — Но и пустить тебя я не могу. Я… обязан… остановить тебя. — В стеклянных глазах его отражались звезды.

— Нет, не обязан, — возразил Ривас. — Ступай спать сам. Я умру ведь, если останусь здесь. Рент-

гены и бэры, верно? Ну же, ты ведь знаешь, что от этого места лучше быть подальше.

Он расслышал, как мехи закачивают в клапан воздух для ответа.

— То… что знаю я… несущественно, — произнесло чудище. — То, что знаешь ты, несущественно. Ступай… спать.

Ривас так устал, что готов был спорить с этой штуковиной; впрочем, единственной альтернативой оставалось драться.

— И что случится, если я не послушаюсь? Если пойду дальше?

— Я… пш-ш-шш… остановлю тебя.

— Ты что, меня убьешь?

— …не обязательно.

Ривас глянул тому за спину, потом рискнул оглянуться через плечо на далекие деревянные строения на берегу. Похоже, вся их возня, шум и лязг не привлекли ничьего внимания, хотя вряд ли так могло продолжаться долго: очень уж невероятным выглядело их трио.

— Ладно, — буркнул он и шагнул к хлам-человеку. Он покосился на его ноги, пытаясь определить, которая сильнее пострадала при падении; потом решился и резко выбросил вперед левую ногу. Он врезал ему по колену и тут же откатился в

сторону по стеклу, получив удар железной рукой по плечу, от чего то сразу онемело. За спиной послышался лязг падающего железа.

Вскочив на ноги, он увидел, что хлам-человек копошится на стекле, пытаясь дотянуться своими железными руками до оторванной ноги, валявшейся в нескольких ярдах от него. Ривас подбежал к ней, отшвырнул подальше, потом бросился вслед, нагнулся и здоровой рукой ухватил ее за колено.

Чудище с шипением ползло к нему. Он выждал, пока оно окажется на расстоянии удара, взмахнул металлической ногой, как палицей, отбил в сторону тянувшуюся к нему руку-клешню и обратным движением с силой обрушил железяку на голову-корзину. Удар вышел что надо, и Ривас отшатнулся, чтобы изготовиться к новой атаке, но чудище выбросило вперед руку и схватило его за лодыжку. Ривас потерял равновесие и сел.

Хлам-человек тянул его к себе. С треском рвалась штанина, да и кожа под ней, похоже, тоже; отбитая было вторая железная рука замахивалась для удара, с лязгом сжимая и разжимая клешню, а хлам-человек все повторял скрежещущим шепотом: «Пожалуйста… пожалуйста…»

Ему удалось-таки подтащить упиравшегося

Риваса к себе настолько, чтобы тот не мог уже бить своей дубинкой с размаху, но отбить ею руку противника Ривас смог. Тогда рука дернулась к его колену, и на какое-то мгновение Ривасу показалось, что тот пытается уравнять счет, оторвав ногу ему. Хватка хлам-человека напоминала сжатые кусачки, и Ривас стиснул зубы, чтобы не закричать.

Вторая рука сомкнулась у него на колене, и хлам-человек подтащил его к себе так близко, что Ривас смог заглянуть в его глаза-стекляшки.

— Пожалуйста… — повторяло чудище.

Ривас разглядел у того под подбородком пучок проводов или трубок и сделал левой рукой замах дубинкой. Голова-корзинка вздернулась вверх, чтобы видеть, куда придется удар, — и тут Ривас правой рукой схватил пучок проводов и что было сил дернул. Провода порвались, и чудище обмякло.

Ривас лежал, пытаясь вздохнуть, и смотрел в стеклянные глаза. Ему показалось, он видит в этих осколках разум, бессильный, но продолжающий смотреть на него со скорбной укоризной.

Наконец он смог подняться, но железная рука продолжала удерживать его за колено. Он чертыхнулся, стараясь не думать, что будет, если на

горизонте покажется еще один хлам-человек, и поспешно принялся отдирать железяку. Ему удалось разжать одну руку — судя по всему, ее сделали из рифленой жести, но другая, из толстой стальной ленты, не поддавалась, и ему пришлось оторвать кисть у запястья. Некоторое время он безуспешно возился, пытаясь отодрать ее от своего колена, но потом вспомнил, что говорила лысая девчонка: только тем, кому доверяют особо, позволено носить оковы на ноге. Как символ пленения, наверное. Что ж, может, эта стальная лента и сойдет за такую штуку. Попробовать по крайней мере стоит, решил он. Может, их даже подтягивают так высоко, чтобы железяки не волочились по земле…

В конце концов он встал и, подволакивая ногу с причудливым украшением из руки хлам-человека на рваной штанине, устало подошел к пареньку, который, разумеется, проспал все представление. Он повернул его, вскинул его обратно на плечи и продолжил свой прерванный путь к берегу.

Далеко за спиной послышалось слабое шуршание, и он резко обернулся, чуть не упав, но это оказался просто надвигающийся дождь, поэтому он повернулся обратно и зашагал дальше на юг.

Шорох становился громче: дождь догонял его, потом нагнал и поспешил дальше, к морю.

Очень осторожно одолел он место, где стекло обрывалось, ибо прежде, чем окончательно смениться песком, оно на несколько ярдов превратилось в полосу препятствий из острых, скользких от дождя осколков, о последствиях падения на которых не хотелось и думать. Он миновал этот отрезок пути медленно, но и дальше шаг его убыстрился ненамного, ибо ноги теперь вязли в песке.

Нахмурившись, смахнув с бровей пот и дождевую воду, он вглядывался в хлипкие на вид хибары, пытаясь представить себе, что ждет его там. Что там говорила эта девчонка? Мужчин посылают в поселок на берегу, чтобы они там строили и чинили лодки. И на ногах у них здесь кандалы. Что ж, очень хорошо, подумал он. Похоже, работа утомительная. Будем надеяться, они все спят без задних ног.

Он увидел просвет между двумя зданиями и, подойдя ближе, понял, что это улица, а еще через несколько шагов разглядел сквозь завесу дождя оживленно движущиеся человеческие фигуры. Он остановился и попробовал определить, что они там делают… Как-то уж очень странно они

подпрыгивали и кружились под дождем…

Несмотря на усталость, Ривас почти расплылся в улыбке. Они исполняли Просветляющий Танец. Теперь, прислушавшись, он различил в шелесте дождя ритмичное хлопанье в ладоши зрителей, стоявших вокруг танцоров. Стоило ли удивляться тому, что они не слышали его битвы с хлам-человеком…

Ну что ж, подумал он, снова двинувшись вперед, это, конечно, не так удачно, как если бы они все дрыхли, но все же лучше, чем полдюжины бдительных пастырей.

Он все еще размышлял, стоит ли ему обогнуть всю эту милую сценку, хоронясь за домами — что означало бы тащить его становившуюся все тяжелее ношу, — или просто протащить ее по нахалке через толпу, нацепив на лицо птичью ухмылку и покрикивая: «Приказ пастыря!» всем, кто выкажет к нему избыточный интерес… когда до него дошло, что выбора-то у него и нету. Его заметили.

Фигура с фонарем в руках шагнула к нему, махнув рукой, и в следующее мгновение он увидел, что она одета в рясу… и да, теперь-то он разглядел и корявый посох. Пастырь. Ривас понимал, что не в состоянии убежать от кого-либо, поэтому

изобразил на лице улыбку и продолжал шагать вперед — хотя проигрывал в голове, как именно швырнет парня в пастыря при малейшем признаке угрозы, как следующим же движением выхватит нож и полоснет тому по горлу.

Впрочем, в этом, похоже, не было нужды. Мужчина улыбнулся Ривасу чуть менее подозрительно, чем обыкновенно делают пастыри, и когда они сблизились настолько, чтобы слышать друг друга сквозь шум дождя, он ткнул пальцем в неподвижного юношу.

— Беглый? — спросил он.

— Похоже на то, — не колеблясь, отозвался Ривас. Он увидел, как взгляд пастыря скользнул по лодыжкам бедолаги и как нахмурился его лоб. — И ведь еще и кандалы снял, каналья, каков! — добавил он. Выпуклость ножен в рукаве приятно успокаивала.

Пастырь махнул Ривасу, чтобы тот проходил дальше, а сам пристроился рядом. Хорошо еще, дождь прибил песок, и ноги вязли меньше.

— Не нравится мне это, — сообщил ему пастырь. — Ну, я понимаю, танцевать полезно, когда что не так, или, там, думается неправильно, но когда так поздно, это никуда не годится. А тут еще это… больной мальчишка снял кандалы и

пытался бежать. — Он покачал головой. — Тебе, — продолжал он, бросив на Риваса пристальный взгляд, который, продлись он еще хоть несколько секунд, возможно, заставил бы Риваса швырнуть парня и выхватить нож, — надлежит следить за тем, чтобы такого не случалось. Тебе и другим доверенным.

— Да, — осторожно согласился Ривас, радуясь, что его железяка на ноге, похоже, сработала. — Я знаю. Что ж, это подстегнет нашу бдительность.

Тут Ривас заметил, что идет, выворачивая ногу, чтобы не дать пастырю как следует рассмотреть эту чертову железяку; он сообразил, что это скорее только привлечет к ней внимание, поэтому постарался вспомнить, как шагал прежде.

— Неси его сразу в клетку для наказаний, — сказал пастырь. — Я пока соберу остальных доверенных. Надо обсудить, как нам исправлять сложившуюся ситуацию. Жаль, что Господь проводит здесь слишком мало времени.

— Мне тоже, — прохрипел Ривас.

Они почти поравнялись со зданиями, и теперь он разглядел, что улица между двумя рядами деревянных строений на деле представляет собой потрескавшееся, полузасыпанное песком покрытие какого-то древнего шоссе.

Пастырь поотстал, но Ривас заставил себя не сбавлять шага и — что оказалось гораздо труднее — не оглядываться, чтобы посмотреть, что тот делает. Поэтому когда пастырь окликнул его: «Да, кстати», — он почти с облегчением остановился и повернулся к нему.

— Что?

— Как думаешь, почему этот парень побежал на север?

Поглазеть на лысых как коленка девиц, подумал Ривас. Покататься на коньках с хлам-людьми.

— Не знаю, — сказал он. Пастырь задумчиво кивнул.

— Ладно, до скорого. Мы будем в оружейной.

Давай, давай, подумал Ривас, снова поворачиваясь к танцующим и двигаясь дальше. Затаи дыхание до моего прихода, идет?

Хлопки раздавались теперь громче, и Ривас мог уже хорошо разглядеть зрителей, выстроившихся по обе стороны улицы. Танцоры увлеченно извивались под дождем, несмотря на болтавшиеся у каждого на ногах по два фута железной цепи. Они размахивали руками над головой; некоторые перемещались по мостовой короткими перебежками, другие притаптывали на месте. Мокрая одежда хлопала по лодыжкам, и те, кто еще не

облысел, мотали мокрыми прядями волос и бородами. Большинство танцевали, зажмурившись, и на всех без исключения лицах застыло почти одинаковое выражение тихого блаженства.

Ривас шагал прямо по середине мостовой, стараясь только не попадаться никому под ноги, поскольку его, похоже, никто не замечал.

Отрезок шоссе кончился вскоре после того, как он миновал танцоров, и он снова шел по мокрому песку. Теперь он уже точно слышал доносившийся спереди далекий шум прибоя, поэтому вглядывался в темноту, боясь, что после всех ночных приключений ему вдруг не удастся найти лодки. Если дойдет до этого, придется бросить парня и убираться вплавь, подумал он. Интересно, где у них тут клетка для наказаний и сколько времени потребуется пастырю на то, чтобы сообразить, что я не вернусь.

Песок под его нывшими от усталости ногами снова сменился древним бетоном, а потом он к огромному своему изумлению понял, что бетон-то вовсе не древний. Почему-то умение замешивать и укладывать бетон показалось ему еще более невероятным, чем способность изготавливать боеприпасы.

Он бросил взгляд налево, то есть на юго-восток,

и увидел вдали высокие, светлые здания, которые ночь, дождь и отделявшие его от них мили превратили в абстрактные геометрические фигуры. И на ум ему пришло, что это и есть Священный Город. Ветхие постройки на песке и стекле за его спиной были всего лишь сараями для инвентаря, убранными подальше от глаз на задворки большой усадьбы…

Океан — вот парадные ворота, подумал он; те ворота, через которые привез меня тот фургон, — всего лишь черный ход, дверка для прислуги.

Ривас остановился, огляделся по сторонам — и по спине его побежали мурашки, потому что он разглядел зависший в небе над зданиями шар, должно быть, огромный, если его было видно на таком расстоянии. Под ним не мерцало ни малейших признаков огня — и вдруг Ривасу вспомнилось, как лысая девчонка говорила что-то насчет гелиевых шаров… Но где, черт побери, Нортон берет этот гелий?

Так и продолжая висеть безвольной тряпкой, паренек вдруг забормотал, напугав Риваса так, что тот едва не уронил его.

— Кто это? — выпалил мальчишка. — А, этот… Когда же этот болван научится подходить так, чтобы я его видел, — он же знает, что я не могу

повернуться…

Придя в себя, Ривас обрадовался, что это случилось не во время разговора с пастырем. Настоящее вещание не спутаешь ни с чем, и уж продвинутый мог решиться бежать не более, чем, скажем, летать.

Он заметил справа от себя тянущуюся параллельно его маршруту темную полосу, подошел к ней поближе и по шуму дождя понял, что это широкая канава, заполненная водой. Посмотрев налево, он обнаружил там еще одну, а третья, впереди, соединяла две первых под острым углом. Каналы, подумал он. Недавно построенные, не то, что в Венеции. И почему, интересно, Сойер так увлекается каналами?

Добравшись, наконец, до берега канала, он осторожно наклонился и положил юношу на бетон, потом разогнулся и несколько минут наслаждался простой возможностью стоять, ощущая на загривке холодные капли дождя. Отдохнув чуть-чуть, он полез в канал. Вода здесь была теплее, чем дождь, и он доплыл до середины — в ширину канал оказался футов сорок, — чтобы посмотреть, как там глубоко. Он обнаружил, что даже там он вполне может стоять на дне, и вода будет ему по шею. Он вернулся на берег, забрал мальчишку,

взвалил его безжизненное тело обратно на плечи так, чтобы голова того оставалась над водой, и двинулся к морю — кое-где вплавь, кое-где просто подгребая свободной рукой. Держаться на поверхности соленой воды было несложно, и Ривас даже пожалел, что канал не тянулся от самых истекальных изб.

Любой его всплеск и вздох отдавался от откосов канала громким эхом, и он не догадывался, что их ищут, до тех пор, пока не увидел полосу ослепительно яркого света, упершуюся в откос канала в дюжине ярдов перед ними, а потом скользнувшую назад, над самой его головой.

Он озадаченно смотрел ей вслед и только через несколько секунд сообразил, что это, должно быть, луч прожектора. Ривасу доводилось читать о таких штуках, и хотя он не помнил точно, работали они на электричестве или нет, одно он помнил точно: они требовали такого уровня развития техники, какой утратили еще много Тузов назад.

Дальше по каналу он со своей спящей ношей двигался уже быстрее.

Глава 7

— Поосторожнее с этим!

Ривас проснулся — он все-таки задремал немного — и огляделся по сторонам в темноте. Над головой, по настилу причала громыхали башмаки, кто-то светил фонарем, но под пирс свет почти не проникал, и только легкое свечение самой воды помогало Ривасу разглядеть, что лысый, беззубый мальчишка все еще жив, подвешенный за шиворот на весьма кстати торчавший из сваи гвоздь. Волнорез останавливал волны в полумиле от берега, а оставшуюся рябь приглаживал продолжавшийся дождь, но Ривас все же беспокоился, что даже небольшие колыхания водной поверхности могут отцепить безжизненное тело продвинутого, в каковом случае тот, несомненно, тихо утонул бы.

Ривас разжал руку и пошевелил пальцами, восстанавливая кровообращение. В темноте над самой водой чуть светлело пятно — голова бедолаги. Интересно, подумал Ривас, и что мне делать, если он начнет вещать… или хотя бы храпеть. Утопить его? Вот уж проще простого.

Впрочем, он понимал, что не сможет сделать

этого, хотя даже у собаки или кошки — да что там, у хомяка, мыши или даже жука — разума больше, чем у продвинутого. Почему-то горло, которое он вырвал у того хлам-человека, наложившись на попытку зарезать Фрейка МакЭна и убийство Найджела и двух ухарей и еще того пастыря, сломало в нем что-то. Он ощущал себя увечным, ибо жалел всех — черт, да сейчас ему сделалось бы дурно, прихлопни он даже муху.

Осознание этого напугало его сильнее, чем если бы он вдруг утратил контроль за своей левой рукой.

— Я же сказал: осторожнее, мать вашу! — снова послышался голос, разбудивший его.

— Я и стараюсь осторожно, брат, — раздраженно отвечал ему голос помоложе. — Что, опускать эти в воду или пока нет?

— Не-а, их и дождь охлаждает. Хотя можешь пока привязать их. Да вяжи узлы крепче, слышишь? Как я показывал. В прошлую поездку две корзины отвязались и утонули, и мне потом такое было…

— Будет сделано.

Медленные шаги и позвякивание цепи переместились из-за спины Риваса к концу причала, и странно обтекаемый корпус лодки погрузился чуть глубже, потом снова качнулся вверх. Поло-

гая волна пробежала по поверхности воды под причалом, плеснув Ривасу соленой водой в рот.

Некоторое время не слышалось ничего, кроме редкого позвякивания цепи, шагов на лодке и бездумного мурлыканья человека на причале. У Риваса было более чем достаточно времени помечтать о еде и сухой одежде, а также решить, что улучшающейся видимостью он обязан не столько привыканию глаз к темноте, сколько рассвету. Потом цепь заерзала по настилу причала прямо у него над головой.

— Эй, Вилли, встряхнись. Пастырь идет.

— Угу. Спасибо.

Ривас услышал цоканье копыт по бетону, потом звук изменился: лошадь ступила прямо на причал.

— Доброе утро, брат! — послышался новый голос, напряженный, хотя его обладатель явно старался не показать этого. — Ты один?

— Вон брат Вилли на лодке корзины привязывает, а больше никого.

— Никого больше сегодня не видел?

— Это… Вроде никого — с той поры, как ребята подрасстроились чуток да пошли танцевать. А что, уже кончили?

— Нет еще. Но уже замедляются. Ладно, вот

возьми это… да не тычь же ею в меня, болван! Это ракетница. Если вдруг увидишь кого-нибудь, кроме своих, выстрелишь. Нажмешь на курок… дай покажу — вот эту штуку. Ясно?

Лодка покачнулась, и Ривас предположил, что брат Вилли подошел к фальшборту посмотреть. Под причалом снова прокатилась легкая волна, и Ривас с опаской покосился на продвинутого. Надеюсь, подумал он, Нортон не просыпается — и не начинает думать — так рано.

— Куда стрелять? В кого увижу?

— Да нет. Это ракетница. Стреляет сигнальными ракетами. Выстрелишь вверх, в небо, понял?

— Угу. А кого мы можем увидеть-то?

— Не твое… а впрочем, ладно. Нам кажется, с одним из вчерашних фургонов приехал самозванец. Какой-то парень, запертый в одной из спален, вырвался оттуда, убил одного конструкта и похитил донора. Я сам видел его несколько часов назад, но у него на ноге была лента, и я решил, что он из доверенных. Поэтому у меня есть личные причины вернуть его. И если первыми увидите его именно вы… я этого не забуду, ясно?

— Конечно, брат. Мы будем начеку.

— Только поосторожнее. Наверное, не стоило говорить тебе этого, но известно наверняка, что

в Шатре Переформирования пару дней назад видели Грегорио Риваса. Его даже схватили, но он совратил одну сестру, и та его освободила. Ясное дело, она сейчас в городе-побратиме, искупает грехи — так ей и надо. С тех пор его не видели нигде, и в Эллее тоже, так что этот давешний парень, вполне возможно, это он.

Ривас зажмурился, оскалившись, при упоминании сестры Уиндчайм. Ее волосы цвета осенней листвы на холмах, ее длинные, сильные ноги, ее чуткость и тщательно скрываемое сострадание, ее явные шатания в вопросах веры… Он тряхнул головой и заставил себя выбросить ее из головы.

— Это… солнце поднимается, — встрял в разговор брат Вилли. — Нам, поди, лучше покласть Кровь в корзины и за борт, в воду, а?

Последовало молчание, в котором даже сидевший под настилом Ривас ощутил угрозу.

— Я хотел сказать — эту муку свежего помола, — боязливо поправился брат Вилли.

— Как ты ее назвал только что? — прошипел пастырь — возможно, сквозь зубы.

— Я хотел сказать, му…

— *Что?*

— Кровь, брат, — несчастным голосом признался Вилли.

— Почему ты назвал ее так?

— Не знаю! Я…

— *Почему?*

Последовала долгая пауза, потом брат Вилли шмыгнул носом.

— Ну… бывал я там в разных местах. Пробовал Кровь раз или два. Я знаю, как она выглядит.

— Ага. — Лошадь переступила с ноги на ногу и мотнула головой. — Так вот, если это вы обнаружите нарушителя, я, так и быть, закрою на это глаза. — Лошадь развернулась на месте и галопом поскакала по причалу. Стук копыт быстро потонул в ровном шелесте дождя.

— Кретин чертов!

— Это… Боже, брат, я всего-то…

— Заткнись! И говори «Сойер», когда хочешь поклясться Богом! Я продвинутых видел — и то умней тебя. Валяй клади муку в корзины и опускай их за борт. И проверь, чтоб брезент все хорошо накрывал, слышишь? Если солнце встанет и испортит хоть одну понюшку, тебя самого подцепят к шлангу в истекальной избе.

Некоторое время над головой слышались только звяканье цепи и кряхтение, потом большой, завернутый в брезент кубический предмет спустился на веревке, плюхнулся в воду и ушел в нее

на три четверти. За ним последовал другой такой же, потом еще один, и так до тех пор, пока весь повернутый к Ривасу борт лодки не ощетинился дюжиной покачивающихся на воде черных кубов на прочных тросах. Судя по доносившимся до Риваса звукам, бестактный брат Вилли проделывал теперь ту же операцию с другого борта. Интересно, что за паруса на этой лодке, подумал Ривас. Даже с такой странной формой корпуса — во всяком случае, той его части, что мог разглядеть Ривас, — ему казалось, что передвигаться со всей этой по навешенной с бортов хренью просто невозможно.

— Эй, знаешь, — крикнул брат Вилли своему старшему спутнику на причале, — вот бы старина Ривас и правда сюда заявился. Я бы из этой ракетницы ему прямо в башку пальнул.

— Э… — меланхолично отозвался старший и сплюнул. — Я так считаю, кто-то, конечно, здесь навел шороху — да только не Грегорио Ривас.

— Ты-то почем знаешь?

— Послушай, нет никакого такого Грегорио Риваса. Это просто страшилка такая. «Ривас пришел! Риваса видели там-то, берегитесь Риваса!» Это все, чтоб служба медом не казалась.

Еще одна корзина с Кровью шлепнулась в

воду.

— Не-а, — решительно возразил брат Вилли. — Не-а, я сам говорил с одним, так он сам видел Риваса! В Эллее.

Почему-то Ривасу показалось, что старший собеседник пожал плечами.

— Я знавал одного парня, который клялся, что разговаривал с Элвисом Пресли. У него бутылка такая была древняя, вроде как статуэтка Элвиса Пресли. Так он говорил, что в бутылке его дух. Я битый час слушал — ни хрена такого не услышал.

Вдруг Риваса осенило. Он снял свою спящую ношу с крюка и, придерживая его лицо над водой, бесшумно проплыл под причалом и обогнул широкий корпус лодки — судя по обводам, это все-таки было что-то вроде баржи. Усилившийся дождь заглушал любой неосторожный всплеск и, уж без всякого сомнения, лишал Вилли и его спутника особого желания глазеть по сторонам.

Выглянув из-за ближней к корме по левому борту корзины, Ривас на мгновение увидел на фоне неба силуэт — должно быть, принадлежавший Вилли, — перегнувшийся через фальшборт, чтобы опустить очередную корзину на носу. Мужчины продолжали разговаривать, но со своей

новой позиции Ривас почти ничего не слышал.

Очень осторожно он приподнял продвинутого, зацепил его рубаху за угол корзины, потом едва ли не целую минуту постепенно опускал паренька, перекладывая его вес на веревку, чтобы та не дернулась или не заскрипела. Потом, придерживая корзину одной рукой, другой он начал развязывать брезент. Когда ему наконец удалось распустить узел и отвернуть край, он увидел, что корзина представляет собой железную клетку, доверху наполненную контейнерами из матового стекла длиной примерно по футу, а высотой и шириной по шесть дюймов. Крышка корзины запиралась простой щеколдой, для надежности замотанной проволокой. Ривас принялся распутывать узел.

По мере того как небо светлело, дождь слабел, и Ривасу приходилось орудовать быстрее и тише. В конце концов, когда дождь сменился мелкой моросящей пылью, а Ривас, задрав на мгновение голову, увидел ярко освещенных солнцем чаек в вышине, задвижка поддалась, и ему удалось откинуть крышку, не отцепив при этом спящего мальчишку, а потом осторожно, по одному вынуть из корзины стеклянные контейнеры и пустить их на дно.

Повинуясь внезапному импульсу, он в последний момент успел ухватить выброшенный уже последний контейнер, открыл его и увидел внутри три стеклянных флакона с завинчивающимися крышками. Нахмурившись, он оглянулся на своего неподвижного спутника — тот время от времени похрапывал и бормотал что-то, но, к счастью, достаточно тихо, чтобы его не услышали на палубе. Может, доза этой дряни заткнет мальчишке рот?

Стоит попробовать, решил он. Все это, конечно, смахивает на замкнутый круг, все равно что продавать кому-то шнурки от его же башмаков. Впрочем, подумал он, я что-то не слыхал, чтобы кто-то был невосприимчив к этому зелью. И уж наверняка это не просто высушенная до порошкового состояния кровь — все эти баки и агрегаты под полом истекальной избы явно добавляют что-то к исходному материалу.

Он вынул один из флаконов, отправив открытый контейнер с двумя другими такими же вслед за остальными на дно. Потом отвинтил крышку, осторожно поднес бутылочку, доверху заполненную мелким бурым порошком, к ноздрям мальчишки и, дождавшись очередного вдоха, легонько дунул. В воздух взметнулось маленькое

облачко, и Ривас отвернулся, чтобы случайно не вдохнуть порошка самому, однако часть его, похоже, попала по назначению, так что Ривас закрутил крышку и сунул флакон в карман штанов.

Затем, искренне молясь о том, чтобы никто из Соек не смотрел сейчас на удерживавший корзину трос, он отцепил мальчишку и перевалил его через край корзины костлявыми ногами вперед, после чего забрался в нее и сам.

В сидячем положении вода доходила ему до груди. Ему пришлось перегнуться через край и сунуть голову в воду, чтобы нашарить откинутую крышку корзины, однако в конце концов ему удалось, одолевая сопротивление воды, закрыть ее и более-менее задвинуть щеколду, а потом натянуть брезент обратно на место в надежде на то, что развязанные ремешки никто не заметит.

Оказавшись в темноте, он позволил себе перевести дух. Его спутник, по идее, должен был еще некоторое время хранить молчание под действием Крови, и сидел в тесной корзине враспор — так, что при любом раскладе он, конечно, мог умереть от истощения или пневмонии, но никак не утонуть. И хотя позу Риваса, сидевшего на железных прутьях по грудь в соленой воде,

никак нельзя было назвать удобной, он в первый раз с той минуты, как решил следовать за Ури в Священный Город, ощутил себя в относительной безопасности.

Прислонясь ухом к стальным прутьям, прижатым к борту лодки, он расслышал неспешные шаги по палубе — брат Вилли, решил он. Похоже, тот бесцельно бродил взад-вперед, только изредка задерживаясь на корме — это Ривас понял по громкости шагов, — чтобы, возможно, посмотреть на далекие светлые здания, которые Ривас видел сквозь завесу дождя ночью. Он даже позавидовал Вилли.

Что, думал он, съежившись в темной клетке рядом с обдолбанным, умирающим парнем, что представляют собой эти дома? Жилье? Для кого? Офисы? Для какой работы?

Внезапно над головой послышался грохот, и, когда шок от неожиданности прошел, он сообразил, что это поднимается на палубу целая толпа людей. Значит, предположил он, по меньшей мере еще один фургон Соек прибыл через те ворота сегодня ночью. Разве не говорила та бедная лысая девчонка, что большую часть прибывающих девушек переправляют прямиком в город-побратим?

Эй, девочки, невесело подумал он, качая в темноте головой. Передайте привет бедной сестре Уиндчайм… ну и Ури, конечно, тоже.

Некоторое время шаги продолжали сотрясать его клетку, потом стихли. Только он начал успокаиваться, как послышался оглушительный рык, сопровождаемый такой тряской, что у него лязгнули зубы, а на прутьях клетки стало почти невозможно сидеть. Он отдернул голову от борта лодки и зажал уши мокрыми руками. Боже мой, подумал он, это же мотор! У них тут настоящее внутреннее сгорание!

В следующее же мгновение его догадка подтвердилась, ибо корпус дернулся вперед, удерживавший корзину трос натянулся и наклонил ее, а неподвижная вода вокруг нее вдруг превратилась в бурный поток. Ривас как-то сразу лишился уверенности в том, что его бесчувственный спутник никак не утонет, и пригнулся ближе к нему, чтобы убедиться, что голова его все еще находится над водой.

Что ж, подумал он, пытаясь смириться с мыслью о том, что эти рев и тряска прекратятся еще не скоро, по крайней мере это урежет время плавания.

Очень скоро баржа миновала волнорез и вы-

шла в открытое море. После первой же настоящей волны Ривас уверился в том, что корзину, в которой они сидели, бесцеремонно выдернули из воды футов как минимум на десять в воздух, уронили с этой высоты и тут же выдернули обратно, стоило ей только шмякнуться в воду. Это повторялось снова и снова, конца этому в обозримом будущем не ожидалось, и когда он смог хоть немного прийти в себя, чтобы попытаться думать, он обнаружил, что единственный способ, которым он может удержать себя от того, чтобы не откинуть крышку и не вынырнуть из этой чертовой клетки, — это с каждым зубодробительным ударом обещать себе, что он продержится еще пять таких же.

Шлеп. Еще пять, не больше, Грег — держись! *Шлеп.* Осталось пять. Еще пять ты вынесешь. *Шлеп.* Ну ладно, считаем: было шесть, теперь пять…

Настойчивый восходящий поток воздуха разогнал тучи над Священным Городом, и летящий человек уклонился к северу по кривой, пересекающей Санта-Ана-Ривер и пустынное песчаное побережье южнее Ханнингтен-тауна вместо того, чтобы лететь напрямик через стеклянную равнину Ирвайна, пусть даже большая часть

его и оставалась там, внизу. Он не знал, что его прозрачная как у мыльного пузыря кожа чешется от потока свободных нейтронов, но он ощущал, что чем ближе он к этому месту, тем хуже он себя чувствует. Он надеялся только, что материальной, плотской части его не нанесут там слишком уж большого вреда.

Хотя от роду ему шел всего шестой день, он управлял своим тяжелеющим телом все более ловко. Вот сейчас он на бреющем проскользил вверх вдоль склона холма, перевалил через вершину и спланировал вниз, сдувая пушинки с одуванчиков, вспугивая пчел и наслаждаясь тенью от холма… Точнее, он все еще оставался на солнечном свету, но холм на время заслонил его от жесткого, жгучего жара, исходящего от Священного Города.

Склон был пологий и длинный, и он мог скользить вниз быстро и без усилий, размышляя при этом, почему Ривас продолжает притворяться, будто желает эту женщину, Уранию. Раскинув свои бестелесные руки, чтобы чуть затормозить спуск, он попытался воскресить воспоминания Риваса о ней. Надо же, подумал он, невесомо приземляясь — он до сих пор не набрал еще массы, чтобы пригибать жесткую траву, — надо же, он

ведь почти ничего о ней и не помнит. Она важна ему только как предлог для… для…

Ну, этого парящий человек пока не знал. Наверное, это что-то вроде тяги алкоголика к спиртному. Каким-то образом Ривас оказался в зависимости от того, чего на самом деле ему не хотелось… нет, точнее, ему пришлось не любить нечто, что ему необходимо. Почему?

Вообще-то невесомого человека, приплясывавшего на цветочных лепестках, не слишком волновало *почему* — просто ему не хотелось, чтобы Ривас знал ответ на этот вопрос, — ибо если бы Ривас разобрался с этим, это умерило бы царящий у него в душе разброд и помешало бы танцующему человеку соблазнять его. А человеку-пушинке так хотелось — просто ужас как! — слиться с Грегорио Ривасом. А иначе как им стать единым целым?

Всю ночь ветер гнал дождь с севера, но солнце потихоньку разгоняло тучи, и озорной ветерок время от времени задувал со стороны моря. Когда следующий порыв пригнул траву, заставив человека-пузыря схватиться за какой-то росток, чтобы его не унесло обратно в глубь суши, тот задрал свою похожую на полиэтиленовый пакет голову и принюхался.

Запах Риваса донесся до него, но совсем слабый, далекий, и к нему примешивался странный аромат крови.

Человек-пушинка толкнулся прозрачной ногой и взмыл как змей в сильный ветер, не заботясь о том, что выскочит из тени на жар, ибо сверху ему было лучше видно.

В верхней точке прыжка он снова раскинул руки и ноги и завис, вглядываясь в подернутую муаром морскую синь. Некоторое время глаза его меняли форму и размер, пытаясь сфокусировать взгляд.

Тут он увидел то, что искал, и пальцы рук и ног его беспокойно зашевелились, чтобы удержать его в нужном положении.

Это оказалась большая, широкая баржа, странно ощетинившаяся выступающими за борта настилами и трапами; издали она напоминала раздавленного жука. Она двигалась так быстро, и бурун за ней кипел такой белой пеной, что даже летающий человек понял, что она приводится в движение каким-то мотором. И трюм ее, подсказывали ему до предела обострившиеся чувства, битком набит женщинами. Летающий человек недовольно нахмурился. Ну что ж, подумал он, по крайней мере Ривас этой поездкой, наверное,

наслаждается.

Вдоль бортов баржи болтались в воде какие-то закутанные в темную ткань тюки, и человек-змей вдруг понял, что Ривас находится в одном из них. Он не смог бы объяснить, откуда знает это, но при взгляде на лодку и мысли о Ривасе у него возникало ощущение холодной, струящейся воды, темноты и затхлого воздуха.

Эх, дружок, подумал летающий человек, прищелкнув языком и сокрушенно покачав полупрозрачной головой. Что-то плоховато у тебя идут дела, когда ты предоставлен самому себе. Пожалуй, самое время нам с тобой поболтать еще немного.

Хемогоблин раскинул плоские руки, поймал подходящий ветер и полетел к морю, оставив сушу позади.

Глава 8

Поначалу Ривас пытался сопротивляться теплой, эйфорической дремоте, которая накатывала на него вместе с водой. Он напоминал себе об опасности, которой подвергался, о еще большей опасности, которая грозила Ури, и пытался разжечь в себе тревогу и нетерпение.

Впрочем, все это казалось не таким уж и неотложным. В конце концов, как он мог повлиять на развитие событий сейчас, сидя в этой дурацкой клетке? Так что, возможно, самым разумным с его стороны было бы вздремнуть на этом и впрямь удобном ложе из струящейся воды. Тряска теперь, когда они удалились от берега, сделалась относительно терпимой. Ему в голову пришло, что он слышал о водяных кроватях, но такой — *морской* — и представить себе не мог.

Он от души посмеялся этой мысли.

Некоторое время ему представлялась соблазнительной мысль спеть, но сон, пожалуй, являлся более насущной задачей. Он привалился к железным прутьям со стороны корпуса, не забыв пожелать при этом спокойной ночи всем девицам по ту сторону деревянной обшивки. Что

же это у них там, кстати, выходит — сельди в бочке? Да нет, скорее ног вязанка, хи-хи, или лукошко ягодиц… Он прямо-таки заходился от смеха. Потом, успокоившись немного, закрыл глаза. Последней настороженной мыслью его было: почему морская вода имеет такой странный привкус? Соленый… да нет, не соленый, ржавый какой-то. Словно кровь.

К изрядной своей досаде ему все не удавалось уснуть по-настоящему. Дай же мне поспать, умолял он сам себя; ну конечно же, морская вода и должна иметь вкус крови. Она ведь и есть кровь. Да нет, наоборот, кровь была когда-то морской водой, заключавшейся в теле какого-то примитивного живого существа… медузы, там, или кого еще. Вот именно. А теперь, когда с этим разобрались, подумал он, пора и баиньки.

И снова какая-то часть его рассудка — та, которую что-то не на шутку встревожило, — противилась сну. С какой это стати, сонно думал он, должна морская вода отдавать ржавым вкусом крови? И почему это мой палец… да и шрам от пули на спине… перестали вдруг ныть, а? И вообще, что это такое… что мне напоминает эта обволакивающая ватой дремота?

Ответы пришли к нему почти одновременно.

Поерзав в попытке найти более удобную для сна позу, он нащупал в кармане два мешавших ему предмета: большую твердую выпуклость и плоский диск. Он раздраженно полез в карман и выудил их.

Одного прикосновения к ним было достаточно, чтобы опознать их. Это были банка Крови, судя по всему, пустая — он сам сунуть ее в карман после того, как дал понюшку умирающему мальчишке, — и крышка, которой он ее закрывал. Получалось, он сидел теперь по горло в ванне концентрированного раствора Крови. А бездумный покой, размывавший его бдительность, отдавал тем же самым ощущением того, что его *просматривают насквозь*, какое он испытал много лет назад, впервые причастившись у Соек.

Принимать Кровь, выходило, очень похоже на причастие.

Он знал, что это важно, хоть и не понимал пока почему. И вообще, разве он и раньше не догадывался об этом? Ну или почти догадывался? Именно так.

Нет, настаивала несчастная, сопротивляющаяся часть его рассудка, это и правда *важно*.

Ладно, ладно. Не так уж и важно, чтобы не соснуть прежде. Соленая, ржавая жижа, плес-

кавшаяся вокруг, была горячей, или это так ему казалось теперь, и он попытался вспомнить, где он, но не мог. Одно ясно: внутри какого-то огромного живого существа.

Он не знал точно, кто он. Само понятие личности казалось ему сейчас странным. Он попытался ощупать свое лицо и ощутил под пальцами беззубые десны, впавшие щеки, лысый череп. Внутри этой шевелящейся оболочки из мышц находился кто-то другой, больше и значительнее, сохранивший пока свои волосы, и мысль о том, что это тоже он, согрела его — или что он и тот, другой, равные члены кого-то выше, чья кровь настойчиво плескалась вокруг них в жаркой темноте… Самосознание ощущалось теперь только как досадная складка на безукоризненно гладкой ткани…

Одна из четырех рук в мотавшейся корзине выкинула пустую банку и крышку, а потом переместилась к прутьям клетки, которые то и дело терлись сквозь брезент о корпус лодки; не более осознанно, чем тянется к солнцу проклюнувшийся цветок, рука попыталась сунуть пальцы между бортом и одним из прутьев.

Стоило пальцам правой руки оказаться зажатыми между двумя массивными предметами,

как с резкостью отпущенной пружины к Ривасу вернулось сознание происходящего. Горячая, пульсирующая боль в руке сделалась якорем, и он заставлял себя цепляться за него, чтобы не потеряться в бездумном мареве, где даже делить что-нибудь с кем-то было лишено смысла, ибо в конце концов во всей вселенной существовала только одна-единственная сущность. Боль принадлежала *ему* и никому больше, усиливаясь до тех пор, пока он снова не ощутил холод воды в темной стальной клетке, в которой он был *здесь*, а продвинутый мальчишка — *там*.

Он сунул поврежденную руку под воду — в первое мгновение соль обожгла ее, но потом холод немного унял боль, — и тут понял, что при желании способен видеть.

Он все еще сидел в непроглядной черноте клетки, так что видел что-то совсем другое и сам понимал это, но образ был ярким и отчетливым, явно не из тех, что он видел прежде.

Высокая, в несколько миль каменная стена, освещенная ярким багровым сиянием, извивающаяся, неровная, вся в темных брызгах бесформенных проемов, разрезала надвое горизонт, закрывая треть свинцово-серого неба. В хаотическом нагромождении тонких каменных

выростов по верху стены виднелись паривши на прозрачных крыльях существа. Посмотрев вниз — это движение разом переместило его на довольно значительное расстояние, словно шея его в длину имела никак не меньше десятка ярдов, — он увидел существо, напоминавшее оранжевого паука… или стоконечную морскую звезду, и он протянул… Господи, что же это такое было, что-то вроде длинной высохшей кишки… и коснулся ею оранжевого существа.

Сила хлынула в него из этого оранжевого существа, а то, похоже, лишилось ее вовсе, ибо поджало ноги, как-то обесцветилось и медленно опустилось на песок. Только тут он заметил, что теней оно отбрасывало две — красную, ложившуюся позади нее, и синюю, падавшую вбок…

А он уже находился в созданном природой — возможно, вулканом, — амфитеатре, гладкое дно которого заполнила толпа паукообразных существ. Они выстроились длинной спиралью, и одно из них, стоявшее в центре, двинулось вдоль нее, задерживаясь перед каждым из неподвижных соплеменников, чтобы протянуть ногу и коснуться его… и с каждым прикосновением он ощущал, как сила льется в него, а тот, до кого дотронулись, обесцвечивался и падал… Все это,

разумеется, потому, что на это время он сам становился тем, кто шел и касался других…

Хотя Ривас откуда-то знал, что может в любую минуту остановить это видение, оно померкло само собой. Все это напоминало… воспоминание, что ли? Веселенькое, ничего не скажешь.

— *Эти, многоногие, не такие уж они были и вкусные,* — произнес в темноте мальчишка. — *Но мне повезло, что их сияние имело скорее психическую, нежели химическую природу. Жаль, что те, летуны, никогда не спускались. Разглядеть трудно, но как-то раз я видел одного, он нес что-то, похожее на орудие. Вот эти могли быть вкусные…*

Тут соткалось новое видение, и Ривас позволил себе смотреть дальше.

Он увидел как бы сверху сумеречную, в зеленом свету равнину, с которой тянулись вверх купы странных, сферической формы цветов на длинных стеблях. Он ощутил чье-то присутствие, и правда, не прошло и секунды, как мимо промчалось похожее на морскую свинью массивное, обтекаемое животное. Оно скрылось внизу, и тут же за ним пронеслись еще двое. Тела их стремительно уменьшались в размерах, удаляясь, но до цветов все равно оставалось далеко, из чего

он сделал вывод, что цветы огромны и до них гораздо дальше, чем ему показалось вначале.

Он двинулся вниз, отталкиваясь от прозрачной, но густой субстанции, в которой висел. Приблизившись, он разглядел, что верхняя часть каждой сферы окрашена в серебристый цвет, и он откуда-то знал, что этот серебряный состав внутри и тянет ее вверх, туго натягивая удерживающие ее канаты. Подплыв еще ближе, он увидел в нижней половине ближнего к нему шара какие-то ажурные конструкции, а в верхней — яркие точки, возможно, огни.

Пейзаж изменился, и он увидел спиральную цепочку существ, напоминавших сделанных из гибких пальмовых стволов моржей. И снова одно из них, сделавшееся на время им, вытянуло конечность — нечто вроде усика сома — и касалось им всех по очереди, и сила полилась в него…

И когда он снова высосал из их рассудков довольно силы, чтобы перемещать предметы на расстоянии, он вернулся в потаенный грот, который сделал своим жилищем. Он унюхал горячий уран и украсил им свою пещеру, и хотя приправы и оставляли желать лучшего, лучшей закуски он не пробовал.

Тяжелая составляющая субстанции, в которой

он плавал, была здесь, в тихих, забытых уголках, в изобилии, и, воспользовавшись малой толикой энергии, которую он заимствовал у своей паствы, он слепил шар вакуума вокруг меньшего по размеру шара здешней субстанции. Он оглядел шар, убедился в безупречности его формы и, так и не прикасаясь к нему, послал прочь от себя, в глубь пещеры. Такой способ питания всегда наносил его телу ущерб, и хотя он мог чинить его с той же легкостью, с какой заставил появиться шар вакуума, не было смысла создавать ситуацию, при которой тело вообще могло уничтожиться. Слишком много хлопот искать себе другое.

Шар оказался уже на достаточном расстоянии, в нескольких поворотах пещеры от него, и тогда, приложив к этому уже гораздо больше краденой энергии, он мысленным усилием сжал его.

Шар поддавался с трудом, но он был сильнее. Он удвоил усилие, и еще раз. Шар в съеживающейся скорлупе из вакуума уменьшился и продолжал медленно сжиматься.

Он стиснул его еще и ощутил теперь, что силы его на исходе, но он знал, что при такой концентрации тяжелого вещества и остатков позаимствованной у его паствы энергии он сможет сжать его до начала реакции, а там вволю наестся

истекающей радиации, не утратив при этом ни крупицы кристалла — в отличие от плавающего тела, в которое был на время заключен, кристалл-то и являлся его сущностью.

Когда шар тяжелой воды сжался до сотой части первоначального объема, он напрягся и мысленным усилием разом возбудил его атомы. На это ушел почти весь остаток краденой энергии — зато через секунду он купался в потоке живительной радиации, жадно пожирая энергию. Как-то разом ему стало легко поддерживать давление, и он получал физическое наслаждение, сдавливая вещество; как всегда, ему пришлось бороться с искушением добавить еще материи и сжать сильнее, ибо сил его теперь более чем хватало. Однако он подавил извращенное желание добиться неуправляемой реакции, ибо она вычерпала бы энергию из него самого. У него выходило так по случайности в нескольких других мирах — не в этом, жидком, — и хотя остававшиеся после этого сверхтяжелые, нестабильные элементы приятно пощипывали его частицами своего распада, это все-таки не стоило тех мучительных усилий, а тем более долгих лет восстановления, которые требовались ему после.

Пейзаж снова сменился, и хотя новое видение

показывало тот же самый мир, Ривас понял, что дело происходит значительно позже. Он плыл и плыл над зеленой равниной, но не находил ничего, кроме лежавших на земле пустых сфер. Серебристое вещество давно вытекло, и удерживавшие их прежде тросы, спутавшись, колыхались вокруг них. Моржеподобные существа вымерли, и единственными, кто еще встречался здесь, остались их копии-вампиры, оголодавшие из-за отсутствия подлинников, к которым можно было бы присосаться. Эти прожорливые твари возникали в случаях, когда он касался моржеподобного существа, испытывавшего в этот момент острую боль; в мгновение, когда энергия перетекала от существа к нему. Однако часть не усвоенной им энергии оставалась на свободе, иногда материализуясь и даже обретая собственную волю в случае, если им удастся присосаться к некоторому количеству настоящих, подлинных жителей планеты. Проблема заключалась в том, что теперь эти искусственные, голодные твари при возможности пытались присосаться к нему самому, и хотя та энергия, которую они могли бы получить от него, скорее всего убила бы их своей интенсивностью, ему бы это тоже не пошло на пользу. Как ни жаль, пора было уходить.

— Не надо было мне так спешить с ними, — вздохнул в темноте мальчишка. *— Я мог бы сохранять их, поддерживать поголовье… Вот они были вкусные.*

Воспоминание тем временем продолжалось. Он всплыл из теплых, сытных глубин на поверхность, и взятое напрокат тело его лопнуло от перепада давления, и тогда он вырвал из бесформенных органических останков твердый кристалл, который и был им, и, затратив на это до обидного большое количество накопленной здесь энергии, швырнул себя в звездное небо со скоростью, достаточной, чтобы вырваться из окружающего этот мир искривленного пространства.

А потом последовали тысячелетия ожидания, воспоминаний прошлых пиршеств и надежд на новые. Поначалу у него не было даже органов чувств, способных воспринимать мелькающую мимо него вселенную. Постепенно он набирал материю — пыль, осколки, лед, — и так до тех пор, пока не образовалось крошечное, но разумное ядро, этакий блуждающий космический булыжник, потенциальная комета или метеор…

И тогда, как это уже много раз бывало раньше, ожидание начало перебиваться едва заметными

смещениями, возмущениями… своими обострившимися чувствами он улавливал слабейшее изменение валентности электрона здесь, легчайшее искривление молекулярной решетки там… и знал, что близко что-то находится.

Чаще всего это проходило без следа, а иногда он ощущал пощипывание жесткой радиации, и тогда он менял курс, чтобы пролететь подальше, потому что, как ни вкусны были заряженные ядра или плотные потоки фотонов, падение на их источник уничтожило бы его. И как бывало слишком часто, следов ядерной реакции могло и не быть, а гравитационное воздействие все усиливалось, и тогда он тратил дополнительную энергию на то, чтобы подобраться поближе… и в сокрушительно подавляющем большинстве случаев сталкивался со стерильной поверхностью, начисто лишенной жизни, и ему приходилось тратить еще больше энергии на то, чтобы убраться оттуда и вернуться в безбрежное море космоса.

Но каждый раз, прежде чем он приближался к той опасной черте, за которой трата его энергии означала бы и утрату части его собственной кристаллической сущности, части воспоминаний, он находил что-то, хотя бы моря примитивной жизни, которая едва окупала посещение этого

места. Зато иногда он находил по-настоящему вкусных — тех, кого он распознавал сразу.

— *Разум,* — довольно произнес продвинутый мальчишка. — *Разум — вот что нравится Севативидаму.*

Он везде учился и рано или поздно начинал даже думать на языке хозяев планеты… хотя о себе самом всегда думал, называя себя единственным, настоящим именем, которое имел всегда и которое слышал, произнесенное, должно быть, тысячей различных акцентов, воспроизведенное колебаниями воздуха, воды, аммиака… именем, которое голоса людей, жителей этой, последней пока планеты произносили как *Севативидам*.

Это место — Ривас уловил разом несколько картин: стеклянная равнина, которую он видел прошлой ночью, скользящие мимо откосы канала под голубым небом, свечение питательного ядерного огня под водой гавани в сумерки, высокая терраса под покосившимися шпилями, — это место оказалось одним из лучших, с какими он только сталкивался.

— *Уйма людей,* — произнес мальчишка. — *Вкуснее едва ли не всех, каких я находил.* — Он вздохнул. — *Жаль, что мне не удалось продлить их недолгий золотой век, их маленький ренессанс*

хотя бы еще лет на десять: мне почти не стоило бы энергии и внимания, чтобы взрастить великих художников, врачей, политиков, и хотя это означало бы отложить на некоторое время пиршество, как легко подались бы они ко мне, упав с тех высот, на которые я их вознес, обратно в тьму отчаяния — после целого поколения уверенного оптимизма!

Продвинутый паренек снова вздохнул.

— Но, конечно, всего через четыре года кропотливого взращивания и удобрения я слишком увлекся.

Видения меркли — или скорее Ривас терял доступ к ним, — но он успел уловить образ огромной массы камней, падающих со всех сторон в ослепительно яркую точку. Он сжал всю эту груду до начала реакции, и все его тело блаженно покалывало — и тут все превратилось в белый свет, и все, что он успел сделать, это соорудить вокруг себя защитный кокон энергии, чтобы самому не испариться в пекле случайно вызванного им взрыва.

— Прежде я никогда не заходил так далеко, — заметил продвинутый голосом, в котором сожаление мешалось со страхом. *— Я никогда не собирал столько тяжелого, нестабильного веще-*

ства. Наверное, если его просто собрать вместе в таком количестве, цепная реакция начинается сама, и ее даже не надо особенно подталкивать… Несколько лет после этой ошибки в расчетах у меня едва хватало сил шевелиться, не говоря уже о том, чтобы уделять энергию и внимание на поддержание ренессанса в Эллее. Да, вымостить Священный Город стеклом стоило мне очень, очень дорого…

Некоторое время мальчишка молчал, потом негромко рассмеялся.

— Но даже после всего четырех лет они были очень даже ничего — после того, как их драгоценного Шестого Туза убили, а все их художники перегорели и сошли с ума, лишенные моей поддержки, о которой они и не догадывались, и когда все увидели, что обещания и надежды на деле ложь. Люди так вкусны, когда отчаиваются до предела… вот тут-то они и приходят к Севативидаму. Жгучего дождя они не переносят, вот и прячутся от него в две двери — религию или самоуничтожение. И угадай, кто ждет их за обеими этими дверями?

Поток морской воды вымыл остатки Крови из корзины, и эффект наркотика быстро слабел. Во всяком случае, возможности видеть воспомина-

ния Сойера Ривас лишился. Его рука онемела, и он не чувствовал ее, если только не дотрагивался ею до чего-нибудь — когда такое случалось, она взрывалась ослепительно горячей болью, от которой мутилось сознание.

Теперь Ривас знал, что от Крови боль защищает не менее эффективно, чем от причастия. Впрочем, об этом можно было и догадаться, ибо, похоже, обе эти штуки служили Сойеру соломинами, чтобы с их помощью тянуть людскую психику из их мозгов. Но хотя она защищала его от обычной потери сознания и последующего замешательства, она не отгораживала его от разума Сойера — скорее она служила ему усилителем. Шесть дней назад, на стадионе Серритос, когда он, причащаясь, порезал себе палец, он смутно ощущал присутствие ледяного внеземного разума; сегодня же доза Крови в сочетании с изувеченной правой рукой показала ему воспоминания Сойера так ясно, как если бы это были его собственные. Новое воздействие одного из двух этих средств в сочетании с новой физической травмой могло бы…

Черт его знает, что оно могло бы. Ривасу как-то не слишком хотелось выяснять это.

Рев мотора, такой ровный, что он перестал обращать на него внимание, резко стих и сме-

нился пыхтением. Корзина качнулась вперед, ударилась о борт, о следующую спереди корзину и наконец, слава Богу, остановилась. До Риваса донеслись чуть приглушенные брезентом голоса — громкие, но лишенные особых эмоций.

Какого черта, беспокойно подумал он. Мы что, швартуемся? Но это ведь невозможно: я ощутил бы, если бы мы вошли в защищенную от волн гавань.

— Начни с кормы, — крикнул чей-то голос прямо у него над головой. — Вот, — клетку Риваса тряхнуло, — я отвяжу, как только ты ее поднимешь.

Сквозь обшивку до Риваса донеслось неуверенное притаптывание девушек в трюме, и это напомнило ему еще об одном. Да, во всех воспоминаниях Сойера, даже когда тот оставался нагим кристаллом в бездонной пустоте космоса, он всегда был существом мужского пола. Выходит, пол не зависит от физических органов, гормонов и всего такого, что, по мнению Риваса, должно было бы его определять. Наверное, поэтому, подумал он, женщины могут причащаться сколько угодно, не достигая стадии продвинутых. Может, в их психике есть что-то такое особенное, женское, чего Сойер как мужчина не способен

поглотить.

Ривасу вспомнился тот метеоритный дождь, который, как утверждает легенда — и как подтверждал его отец, — осветил ночное небо за год до рождения Сойера. Интересно, подумал он, если бы кто-нибудь знал, что за паразит летит к ним в обществе межзвездного хлама, смог бы он поделать что-нибудь тогда? Правда, пожалуй, если эта кристаллическая гадина запросто выдерживает чудовищные ускорения, жар входа в плотные слои атмосферы и жесткую космическую радиацию, вряд ли его особенно потревожит удар каблуком, или молотом, или если его бросят в камин. И как, кстати, попадает он в кого-то?

Что-то металлическое лязгнуло по прутьям клетки Риваса, а потом брезент совсем рядом с его головой с треском разорвался, и он увидел светлое пятно в месте, где багор проткнул ткань. Багор поерзал немного, зацепился, и Ривас услышал — отчетливее благодаря отверстию — чей-то голос:

— Крепи его как следует. Так, теперь развязывай.

Ривас ощутил, как дернулся канат, привязывавший корзину к лодке, а потом корзина завалилась набок, разом наполнившись водой, и он понял,

что продвинутый мальчишка погрузился с головой, и он нырнул, чтобы отцепить его и выставить его голову поближе к багру, ибо все шло к тому, что именно там будет теперь верх. Правая рука его с ощутимой силой ударилась о лысую мальчишкину голову, и Ривас почувствовал, что вот-вот потеряет сознание, но все-таки усилием воли удержался на краю. Задержав дыхание и опустившись на то, что теперь сделалось дном клетки, он здоровой рукой ухватил мальчишку за пояс и толкнул туда, где, по его представлениям, должен был сохраняться еще воздух.

Самому же ему ничего не оставалось, как стиснуть зубы, задерживая дыхание, и ждать, пока багор раскачивал и дергал клетку, и утешать себя: *терпи, еще несколько секунд только… Сейчас они вытащат эту штуку из воды. Подожди, сейчас…*

Легкие разрывались в груди, пытаясь разжать перехваченное горло и набрать полную грудь морской воды; сознание снова начало уплывать от него. Боже, в отчаянии думал он, ты же сейчас отключишься, чувак, и тут-то ты утонешь, это верняк, да не сдавайся же, суй руку сквозь решетку, вот так, чтобы, даже если ты вырубишься, не остаться под водой. Ты что, хочешь помереть ради продвинутого, который не может ни видеть,

ни думать, ни даже испытывать благодарность… хочешь помереть ради этого абсолютного минимума человечности?

Он жестоко разочаровался в самом себе, когда вдруг понял, что не собирается меняться с мальчишкой местами. С ума сойти, какая работа, Грег, подумал он: тебя нанимают спасти Ури, и вот ты теряешь свою чертову жизнь, спасая безмозглого, отравленного мальчишку, которому в самом лучшем случае осталось жить несколько дней и который скорее всего умрет прямо сейчас, как только ты вырубишься и отпустишь его.

Вода вдруг забурлила, и парень разом сделался ужасно тяжелым, слишком тяжелым, и поверхность воды скользнула вниз по его лицу, и он жадно глотал воздух, а потом его левая рука подогнулась, и мальчишка упал прямо на него, и изувеченная правая рука Риваса оказалась зажатой между ними. Он взвизгнул — такой высокий звук могла, наверное, услышать только собака — и провалился в небытие.

Некоторое время он смутно осознавал, что лежит лицом вверх, что поперек живота его лежит что-то тяжелое, в спину врезаются какие-то выступы пола, но он, как это ни неудобно, даже не делал попытки встать. Он не задумывался о

том, что его разбудило, поскольку в намерения его входило поспать еще. В конце концов, было еще темно.

Впрочем, кто-то уже встал и расхаживал вокруг. Кто-то даже насвистывал.

Потом где-то над его головой сдернули в сторону мокрый брезент, и в его зажмуренные глаза ударил свет. В нос ударили запахи пива, пота и рыбы.

— Ну?

Ривас не открыл глаз и не пошевелился.

— Э… — продолжал голос. — Тута, в этой, никакой Крови.

— А что же там тогда? — раздраженно поинтересовался другой голос.

Ледяной щеки Риваса коснулся чей-то горячий палец.

— Тута… это… ну, Джо, тута пара парней мертвых.

— Мертвых парней. — Ривас услышал, как скрипнул стул. Он зажмурился еще крепче и затаил дыхание, когда гулкие шаги приблизились. Если они думают, что ты мертв, сказал он себе, побудь мертвым. — Будь я проклят, ты не ошибся. Я думаю, это Сойки пытались бежать. Вот черт! А мы уже заплатили за порошок, что здесь должен

был быть…

— Мы можем получить деньги обратно?

Последовала пауза, потом раздосадованное ругательство. Башмаки затопали обратно.

— Не так-то это просто. Я хочу сказать, стоит ли вообще возникать. Ну, допустим, покажем мы им этих двоих и скажем: гляньте, типа, эти парни утопили Кровь и залезли на ее место, да только сказать так — все равно что признать, что мы знаем, откуда ее привезли. Они ведь там, в Священном Городе, тратят лишнее горючее, волоча эти корзины за бортом, не только для того, чтобы охлаждать продукт, — главный смысл-то в том, чтобы парни вроде нас могли отцепить их побыстрее, не заглядывая в ихнюю лодку. А порошок в стекле и железе, так что ему вода нипочем. Они не хотят, чтобы хоть какие слухи ходили про связь Ирвайна с Венецией. Нет, боюсь я, придется нам проглотить эту потерю. По мне, так лучше ее проглотить, чем пулю.

— А их куда? Выбросить?

Послышался вздох.

— Пожалуй, так.

— Просто в мусор?

— А что смысла тащить их куда-то? Или ты хочешь помолиться над ними?

Вместо ответа, должно быть, последовал какой-то жест. Следующее, что понял Ривас, — это что помятую металлическую корзину с шумом волокут куда-то по неровной поверхности. Он сжался, плохо представляя себе, из чего может состоять здешний мусор.

Все оказалось чертовски просто. Корзину толкали до тех пор, пока нижний угол ее не уперся в низкий порог — тогда она просто перевернулась и вывалила двоих своих обитателей.

Ривас ощутил, что летит, кувыркаясь, в воздухе — это напомнило ему что-то, но что именно, он понять не успел, — и почти сразу же врезался в груду гниющего мусора. Скользя вниз по истлевшим деревяшкам, коробкам и пищевым отбросам, он исполнился уверенности в том, что он с мальчишкой далеко не первые, кого спустили сюда.

Испытывая дурноту от боли в руке, Ривас некоторое время просто полежал на солнышке у основания мусорной кучи. Когда боль немного унялась, он сел, осторожно пошевелил руками-ногами, проверяя, не сломал ли чего при падении — вроде ничего, — и огляделся по сторонам в поисках продвинутого мальчишки. Тот лежал на спине справа от него. Он дышал.

Ривас посмотрел на свою правую руку. Пальцы распухли и почернели, и, по меньшей мере, два из них, похоже, крепились к его руке не слишком надежно. Бедная моя рука, печально подумал он.

Он еще раз осмотрелся, не обращая внимания на любопытные взгляды двух рывшихся в мусоре мальчишек. Он находился в довольно большом дворе, окруженном высокими, заросшими поверху зеленью стенами; в одно из выходящих во двор окон его, похоже, и выкинули. Сквозь большой проем справа от него виднелся отрезок переулка, мостовую которого кто-то, явно в попытке оживить хоть как-то, расписал ярко-синими птицами. Да, определенно похоже на Венецию, подумал он.

Он встал и, хромая, подошел к продвинутому. Тот лежал, широко открыв глаза, глядя в полуденное солнце, и Ривас нагнулся, чтобы закрыть их.

— *Ба, новые девушки!* — вдруг воскликнул мальчишка. — *Ладно, порадуем их, пусть получат причастие от самого Мессии, да уж, сэр…*

— День добрый, Севативидам, — устало сказал Ривас.

— *Да чтобы я их не коснулся! Ух ты, да…* — произнес мальчишка, и контраст между полным возбуждения голосом и костлявым покойницким

лицом наводил страх.

— Я пришел увести у тебя одну из них.

— *Есть и душки, и хрюшки,* — хихикнул мальчишка.

— Знаешь, — хрипло сказал Ривас, наклоняясь вперед и упираясь здоровой рукой в стену. — Вряд ли я смогу еще убивать людей. Да и животных, наверное, тоже.

— *Хрюшек я коснусь пальцем.*

— Но, мне кажется, тебя я убить все-таки могу. Хотя, наверное, сделать это очень трудно.

Когда голос мальчишки сменился почти неразборчивым бормотанием насчет того, как это будет вкусно, Ривас сделал попытку одной рукой поднять его. Неделю назад это ему, должно быть, и удалось бы. Помучавшись минут пять, он сдался и выпрямился.

Двое мальцов вернулись к изучению мусора; их древняя тележка из супермаркета стояла рядом, наполовину наполненная.

— Эй, ребята, — окликнул их Ривас.

Они с опаской оглянулись на него; взгляды их были как у дикого зверя, готового ринуться в любую сторону.

— Вы не могли бы… присмотреть за моим приятелем несколько минут? — Он понимал, что с

таким же успехом мог бы просить об этом у пары обезьян, резвившихся в листве, однако ему нужно было хотя бы попытаться, хотя бы дать вселенной знать, что он не намерен бросать этого парня.

Дети уставились на него, и один из них изобразил нечто, похожее на кивок, прежде чем вернуться к своим раскопкам.

— Спасибо. — Ривас проковылял к проему и вышел в переулок. Высокие здания, буквально усеянные металлическими и деревянными балконами, клонились друг к другу под солнцем, а справа от него переулок и вовсе скрывался в тени двух домов, заваливавшихся каждый вперед до тех пор, пока не соприкоснулись карнизами — ни дать ни взять две старые оборванки, сплетничающие шепотом.

Он сообразил, где находится: в одном-двух кварталах к югу от Имперского канала… нет, так далеко от моря — это уже Имперское шоссе, а еще на три-четыре квартала севернее шоссе располагался ресторан, в котором он получил первую здесь работу судомойки. А где, кстати, жил тот доктор? В подвале в нескольких домах от того ресторана, сообразил он. Помнится, стандарты чистоты на тамошней кухне гарантировали чуваку кучу клиентов. Да и позже, уже играя в

«Бомбежище», Ривас наведывался туда несколько раз: один раз подлечить триппер, и еще пару раз зашивать раны, полученные на дуэлях.

Туда Ривас и двинулся, машинально отмечая про себя по дороге дома, в которых жили его приятели, чьи имена он давно позабыл, летние бары, куда он сто лет назад водил вечерами молоденьких девиц выпить и поболтать, каналы, в которые падал по пьяной лавочке… Многое изменилось с тех пор — там, где, как он помнил, стояли дома, виднелись обгорелые руины, место тогдашних антикварных магазинчиков заняли новые бары, а в мостовой зияла огромная дыра в месте, где обвалились несколько древних канализационных коллекторов, так что через нее пришлось перебросить весело разукрашенный, но чертовски шаткий мостик. Однако кое-что не изменилось — так много всякого… ему показалось даже, что призрак юного Грегорио Риваса все еще бродит по этим улицам, переулкам и крышам: весьма самонадеянный, циничный призрак, чрезвычайно гордый своим умением управляться со шпагой и пеликаном, своими заработками и всем, что мог себе позволить в этой связи. Это все еще была та Венеция, где прошла его юность, где все еще теснились старые здания,

гниющие под слоем свежей краски, где воздух звенел от криков уличных торговцев, попугаев и нищих психов, где пахло морской гнилью и острыми приправами.

Хотя ресторан, слава Богу, сгорел, дом, в котором жил врач, никуда не делся. Однако, спускаясь по ступенькам в подвал, Ривас засомневался, найдет ли он его на этом месте. Как-никак с тех пор прошло… сколько? Шесть лет? Он постучал в дверь.

После нескольких секунд ожидания дверь отворилась, и он испытал слабость от облегчения, увидев перед собой доктора.

— Доктор Дендро! — сказал Ривас. — Я рад, что вы еще живете здесь. У вас еще сохранилась штука, которую вы называли носилками-каталкой? Там…

Седой мужчина нахмурился.

— Кто вы такой? — перебил он.

— Вы меня не помните? Я Грег Ривас. Я был у вас несколько раз, лечил…

— Ривас. — Доктор посмотрел на потолок. — У вас был триппер.

— Да, — кивнул Ривас, невольно покраснев. — Был. Один раз. Но теперь я был бы вам очень благодарен, если вы…

Взгляд доктора мгновенно задержался на руке Риваса.

— Господи, дружок, что вы сделали со своей рукой? Заходите быстро, я…

— Доктор, — громко, настойчиво произнес Ривас. — Я буду очень рад, если вы посмотрите мою руку. — Он чуть понизил голос. — Но сперва мне хотелось бы, чтобы вы взяли свои носилки и сходили со мной посмотреть одного моего знакомого.

— Он что, в еще худшем виде, чем вы?

— Да.

— Хорошо. — Доктор жестом пригласил его войти, и когда глаза Риваса привыкли немного к царившему здесь полумраку, тот улыбнулся, ибо место это на вид совершенно не изменилось со времени его последнего посещения. Все осталось на прежних местах: и старый, топившийся дровами автоклав, и загораживавшие окно террариумы с зеленью, и астрологические таблицы, и даже несколько живых двухголовых змей-мутантов, на консультации с которыми настаивали многие пациенты, прежде чем согласиться на какое-либо лечение. И, конечно, шкафы, доверху забитые древними и в большинстве своем явно бесполезными лекарствами.

Доктор Дендро надел свой антикварный белый халат с вышитой на нем надписью «ДОКТОР, ДОКТОР, ЧТО СО МНОЙ?» и выкатил из кладовки длинные носилки на колесиках, так запомнившиеся Ривасу.

— Вашему знакомому очень больно? — спросил он у Риваса.

— Он без сознания.

— Раз так, не буду рисковать шприцем. Один уже сломался с тех пор, как вы были здесь в последний раз. Теперь только семь штук осталось.

Он выкатил свою штуковину за дверь, и Ривас пошел следом.

— Я смогу заплатить вам сегодня же, — сказал Ривас. — Вот только вернусь в…

— Я возьму по минимуму. — Они двинулись вверх по ступенькам, и доктор принюхался. — Или нет? Кровь — жуткая гадость, Ривас. Раньше у вас хватало ума держаться от нее подальше.

— Это случайная доза, доктор. Я дал немного этому своему знакомому в качестве… гм… успокоительного, но случайно вдохнул и сам.

— Это успокаивает только тех людей, кто хочет такого успокоения.

Они поднялись на мостовую, и Ривас пошатнулся, так ударил в глаза солнечный свет.

— Вы уверены, что не хотите сами прокатиться в этой штуке? — с сомнением в голосе спросил Дендро.

— Нет, спасибо… я наверняка засну, и тогда уж точно часов на двенадцать, не меньше.

Он отвел доктора в переулок, сквозь проем в стене, и когда он, шатаясь, ввалился обратно во двор, детей там не было, но продвинутый, разумеется, лежал там, где он его оставил, у подножия груды мусора. Ривас ткнул в ту сторону пальцем, потом прислонился к стене и сполз по ней на землю.

Доктор подкатил свою каталку к мальчишке и наклонился посмотреть на него. Он взял его за костлявое, как у скелета, запястье, потом отпустил и приподнял веко. Потом оглянулся на Риваса и встал.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Парень мертв.

Ривас кивнул и пожал плечами, но только когда ярко освещенный двор расплылся у него перед глазами, он к ужасу своему понял, что плачет — в первый раз за все годы, что он себя помнил. Он попытался остановиться и обнаружил, что не может. Он хрипло дышал, слезы катились по его небритым щекам, и он даже не расслышал, как

приблизился доктор.

Дендро положил руку на плечо Ривасу.

— Он был вам близким другом?

Ривас мотнул головой.

— Так… Просто знакомый. Не знаю, что, черт подери, со мной. — Он поднял взгляд. Доктор укладывал бесполезный труп на носилки.

— Я отвезу его к траншее для захоронений, — сказал Дендро. — Но сначала разберусь с вашей рукой. А теперь пошли отсюда.

Ривас с усилием поднялся на ноги и поплелся за доктором.

Через полтора часа с забинтованной, блаженно онемевшей рукой на перевязи Ривас брел по тротуару Леннокс-стрит, раздумывая, кто из его старых здешних знакомых мог бы ссудить ему немного денег, а также предложить ему стол и ночлег. Он вспомнил довольно много всякого народа, но как-то плохо представлял себе, чтобы они слишком уж обрадовались встрече с ним — особенно после стольких лет шумного успеха в Эллее. И уж совершенно исключалась возможность повидаться с кем-нибудь из его бывших подружек. Сам он никогда не понимал, как это некоторые ухитряются сохранять дружеские отношения с бывшими любовниками; собствен-

ные его романы всегда заканчивались так, что, по меньшей мере, одна сторона не ощущала к другой ничего, кроме ненависти.

Уличный оркестрик на углу наяривал мелодию на самодельных инструментах из кухонной утвари и автомобильных деталей, и Ривас остановился, пытаясь определить мотив. С некоторым удивлением он вдруг понял, что этот блюз написал он сам много лет назад. Он попытался вспомнить слова, прежде чем вступит вокалист, и в конце концов это ему удалось, и он беззвучно зашевелил губами, опережая оркестр на полтакта:

Я три недели подряд не бухал, блин,

И сил нету больше бухать…

Гадом буду, три недели подряд не бухал, блин,

Ведь сил нету больше бухать.

Слыхал я, Сойер скоро накроет весь мир медным тазом —

Вот тогда набухаюсь опять.

Он обнаружил, что стоит перед музыкантами, и вокалист подтолкнул к нему ногой шапку, лежавшую на мостовой. Опустив взгляд, Ривас увидел

в ней несколько мятых талонов. Он встретился взглядом с певцом, виновато пожал плечами, и тот закатил глаза в недвусмысленном жесте: *«Тогда проваливай, бомж несчастный».*

Ривас побрел дальше, но не прошло и нескольких секунд, как музыка резко оборвалась. Он оглянулся и увидел, что музыканты поспешно собирают свои инструменты. Посмотрев чуть дальше по улице, он понял почему.

С полдюжины юродивых женщин, известных в этих краях как *покалокас*[5], грозно шагали по улице, размахивая руками и подметая мостовую драными подолами своих балахонов. Музыка всегда приводила *покалокас* в злобное исступление, которое прекращалось только тогда, когда музыка смолкала; *покалокас* славились тем, что выцарапывали музыкантам глаза и кусались, как бешеные собаки.

Музыканты спрятались в ближайшем баре, недовольно ругаясь, поскольку ясно было, что владелец его наверняка стребует с них деньги за убежище. Ривас шагнул в сторону, пропуская женщин с безумными глазами мимо. Две-три из них смерили его свирепыми взглядами, и

---

[5] Примечания: 5
от испанского poca loca, *зд.* "прибабахнутые".

при том, что за годы жизни в Венеции он не раз встречался с такими, до него в первый раз дошло, что выражение глаз-то у них — абсолютно оцыпляченное.

Впрочем, дальше размышлять на эту тему он не стал, ибо вид их напомнил ему о кое-ком, кто мог бы ему и помочь.

Кажется, ему шел тогда двадцать четвертый год, и он возвращался домой после закрытия «Бомбежища» — значит, час был утренний, предрассветный. Из темного переулка до него донеслись шум возни и пара ударов. Пока он раздумывал, вмешаться или нет, оттуда послышался сдавленный женский голос, звавший на помощь. Он выхватил нож и ринулся в темноту.

Стая *покалокас* избивала молодую женщину, и ему удалось, не порезав ножом никого из них — ему хватило и рукояти в качестве кастета, — рассеять их и прогнать прочь. Он помог жертве встать и проводил ее до дому, а она настояла на том, чтобы он присел и выпил, пока она смывала кровь с лица, переодевалась и ощупывала ребра на предмет переломов.

Когда она вернулась, весьма довольная тем, что отделалась подбитым глазом и парой синяков, они поболтали час-другой, и Ривас узнал, что она

работает проституткой. Он не стал спрашивать, но и без того не сомневался, что этим и объяснялось нападение *покалокас*: эти сумасшедшие тетки реагировали на прилюдные проявления страсти едва ли не также, как на музыку, и если там, в переулке, они наткнулись на исполнение ею своих профессиональных обязанностей, этого было более чем достаточно, чтобы спровоцировать катавасию, которую прервал своим вмешательством Ривас. Клиент же, судя по всему, успел вовремя улизнуть.

Когда он на заре уходил от нее, она заявила, что в долгу перед ним, так что на протяжении нескольких следующих лет он принимал этот долг по частям, заглядывая к ней, когда ему хотелось чего-нибудь этакого, а никакой доступной девицы под рукой не имелось. Возможно, потому, что ни он, ни она не ждали от этой связи ничего особенного, да и испытывали друг к другу разве что легкую, чуть покровительственную симпатию, их отношения не оборвались ссорой, как это обычно бывало.

Интересно, подумал он, пытаясь вспомнить, где она живет, застану ли я ее на старом месте? И, кстати, осталось ли еще что-нибудь от этого ее большого долга?

Дом, когда он, несколько раз свернув не в ту сторону, наконец нашел его, выглядел как-то непривычно, однако спустя пару секунд Ривас понял, что изменения здесь ни при чем: просто прежде он ни разу не видел его при дневном свете. Вот свинья, подумал он про себя. Поэтому он с осторожным оптимизмом поднялся на крыльцо и постучал. Дверь ему отворил мужчина, и обстановка, по крайней мере та, что Ривас смог разглядеть за его спиной, тоже была другой.

Мужчина подозрительно нахмурился, и Ривас представил себе, на что похож со стороны — в бинтах, небритый, изможденный и грязный.

— Прошу прощения, сэр, — начал он, стараясь говорить как можно почтительнее. — Я пытаюсь найти молодую даму, которая жила здесь… гм… восемь лет назад.

— Я здесь всего третий год, — заявил мужчина, так и продолжая хмуриться. — А как ее зовут?

Ривас почувствовал, что краснеет.

— Я… я не помню… Симпатичная такая, худощавая, волосы темные…

Мужчина презрительно выругался и захлопнул дверь.

Ощущая себя предельно униженным, Ривас спустился с крыльца и свернул за угол. Навер-

ное, стоило бы заглянуть в старое «Бомбежище», подумал он — если оно, конечно, никуда не делось, — вот только когда Стив Спинк нанял меня играть у него в Эллее, я ведь просто слинял, даже не предупредив старину Хэнкера о своем уходе.

Впрочем, мысль о «Бомбежище» напомнила ему о том, что эта женщина — как бы ее ни звали — любила посиживать в заведении... как там его?.. *«El Famoso Volcan»*[6], на берегу канала Божьей Коровки. Обеденное время в те ранние годы правления Седьмого Туза, как правило, заставало ее за одним из столиков в тенистом, выходящем на берег канала дворике. Он посмотрел на солнце, прикидывая время, и решил, что попытаться стоит.

Однако, добравшись туда, он обнаружил, что старую вывеску сняли и заменили на совсем уже древнюю — БАЛАНСЫ И УЧЕТ — явно выбранную не за содержание (и слов-то таких сейчас мало кто помнил), но за размер и красоту букв. Впрочем, внутри, как и прежде, размещался ресторан, так что он решил заглянуть — снова начисто забыв, на что похож со стороны.

Он толкнул ногой дверь и успел еще сделать

---

[6] Примечания: 6
"Великолепный Вулкан" (*ист.*)

пару шагов в прохладу интерьера, когда на плечо его опустилась чья-то тяжелая рука.

— Мусорные баки на заднем дворе, Чако, — произнес скучающий, не слишком чтобы дружелюбный голос.

— Извините, — сказал Ривас. — Я знаю, что одет не самым подходящим образом, но мне просто нужно узнать…

— Вот и узнавай в другом месте, Чако. А теперь проваливай.

— Я Грегорио Ривас, — возмутился он, — и я звезда-исполнитель у Спинка в Эллее — даже вы вряд ли могли не слышать об этом. Так вот все, что мне нужно, — это…

Его с неожиданной силой развернули и толкнули к двери. Импульс оказался так велик, что он всем телом распахнул дверь, слетел с крыльца и несколько раз кувыркнулся по пыльной мостовой. Пока он оглушено пытался встать, что-то стукнуло о мостовую рядом с ним.

— Ничего личного, Чако, — бросил мужчина, прежде чем закрыть дверь.

Наполовину оглушенный, но все-таки сумевший хотя бы сесть Ривас тупо оглядывался по сторонам, пока не увидел, что бросил тот ему вслед. Это оказалась недопитая бутылка самого

дешевого местного виски. В жидкости плавало несколько хлебных крошек. Ривас дотянулся до нее, зубами (поредевшими за время последней экспедиции) выдернул пробку и припал к горлышку, проливая виски на грязную бороду. По впавшим щекам, оставляя борозды на покрывшем их слое пыли, катились слезы.

— Хорошо выглядишь, Грег, — послышался откуда-то из-за спины хрипловатый женский голос.

Он застыл, потом медленно опустил бутылку. Голос воскресил в памяти и имя.

— Привет, Лиза, — сказал он.

Она обошла его, чтобы он мог ее видеть. Что ж, она выглядит вовсе не плохо, подумал он. В волосах ее мелькала, конечно, седина, а у глаз и губ прибавилось морщин… но по крайней мере она не растолстела.

— Я слышала, ты неплохо устроился в Эллее, — заметила она. По голосу ее он не понял, издевается она над ним или правда жалеет.

— Разве этого не видно? — спросил он. — По одежде, по прическе, по старому, доброму виски, что я пью?

— Ну да, и по тому, как хлопочут вокруг тебя рестораторы, — согласилась она.

— Чтобы скормить меня уличным псам. Слушай, Лиза, — сказал он, сильно жалея, что поторопился хлебнуть спиртного, которое крепко ударило по его усталым мозгам, — не осталось ли чего от того долга?

Она смерила его взглядом.

— Немного. Боюсь, меньше, чем тебе может казаться.

— Все, что мне нужно, это ночлег — угол на кухне и одеяло более чем сойдут — на сегодня и, возможно, на завтра, не дольше, и чуток еды, и еще несколько мерзавчиков, купить питья и одежды.

— Я бы посоветовала еще ванну, — заметила она.

— Разве я этого не сказал? Значит, держал в уме.

Похоже, она немного успокоилась.

— Ладно, Грег. Но это все, ясно? На сдачу не рассчитывай.

— Разумеется. — Он, шатаясь, встал. — Спасибо.

— Зачем ты вернулся? Да еще в таком помойном виде? Нам туда, полмили вдоль канала. Идти можешь?

— Ну, полмили дотащусь как-нибудь. Я… — Он

оказал бы ей плохую услугу, посвятив в связь между Ирвайном и Венецией. — Я ищу одного человека.

— Такое впечатление, будто ищешь по сточным канавам. Что ты сделал со своей рукой?

— Раздавил. Я был уже сегодня у доктора. Он наложил на два пальца гипс, а еще два пришлось ампутировать.

Она застыла как вкопанная.

— Господи, Грег! Ты играть-то сможешь на своем… что там у тебя? На пеликане?

— Верно замечено. Не знаю. Ну, смычок держать я и так смогу, а насчет перебора струн… Теми двумя пальцами я не слишком и пользовался. Я думаю, все зависит от того, как заживут два оставшихся.

— Ох. То, как ты ее раздавил, связано с твоими поисками?

— Да.

— Тебя могут искать? С недобрыми намерениями?

— Нет. Это, — он качнул забинтованной рукой, — несчастный случай. Никто *специально* этого со мной не делал.

— Ладно. — Некоторое время они шли молча. — Знаешь, — произнесла она наконец, — для меня

было потрясением через столько лет услышать твое имя. Я была там, в «Лансе», с одним парнем, и услышала шум у дверей, вроде как бомж какой-то пытался войти, а потом услышала, как бомж сказал, что он — это ты. Ну, тогда я быстренько отделалась от своего парня и вышла, а ты сидишь в пыли и поливаешь бороду дешевым виски! Тебе повезло, что я тебя все-таки узнала.

— Я тебя все равно узнал, — буркнул Ривас, не особенно желая развивать эту тему.

— Скажи, ты… маскируешься так или правда тебе несладко приходится?

— Да маскируюсь, черт возьми. Хватит, ладно?

— Вот обидчивый ты как прежде, это уж точно.

— Я просто остался без двух пальцев, ты забыла? Я редко бываю обаятельным после ампутаций.

— Ни капли сдачи, Ривас. Даже на кружку пива, — говорила она не самым чтобы приятельским тоном, но явно искренне.

Она жила в небольшом одноэтажном доме, выходившем на канал, со своим собственным причалом и стаей уток, плававших рядом на случай, если кто-нибудь выбросит в воду объедки. Похоже, дела у нее шли неплохо, ибо на крыше он увидел аккуратный бак с водой и ветряк на длинном шесте. Она завела его в дом, показала,

где находится ванная, а когда он минут через двадцать вышел оттуда, его уже ждала мужская одежда вполне подходящего на него размера. Пока он отмокал в ванне, она пожарила ему яичницу с креветками, луком и чесноком, и он расплылся в блаженной ухмылке, унюхав ее аромат.

Он уселся за стол, схватил здоровой рукой вилку и следующие пятнадцать минут не говорил ни слова.

— Боже, — вздохнул он наконец, проглотив последний кусок. — Спасибо. Я боялся, умру с голодухи.

— Всегда рада помочь. Выпить хочешь?

— Ох, нет. Не стоит, пожалуй… хотя… может, это помогло бы мне уснуть.

— Смотри на это как на лекарство, — сухо кивнула она. — Так чего — пива, виски, текилы? Валюты у меня нет.

— К черту валюту. Гм… текилы.

— Сейчас принесу.

Она принесла ему добрую порцию с пивом, солью и четвертью лимонной дольки, надетой на край стакана. Не обращая внимания на лимон и соль, он опрокинул текилу в горло и запил ее пивом.

Он посидел немного и беспомощно покосился на нее.

— Чего-то сон не идет.

Ее улыбка сделалась чуть натянутой, но она все же снова наполнила стаканы.

После третьей порции ему пришлось признать: при том, что ему полагалось бы спать как полену, спиртное, напротив, сообщило ему совершенно нежелательные энергию и неугомонность.

— Может, сходить прогуляться? — предположил он, и хотя речь давалась ему с некоторым трудом, он ощущал себя абсолютно трезвым. — Надеюсь, это успокоит меня немного.

— Хорошо, Грег. Обратную дорогу найдешь?

— Конечно. Ничего, если я одолжу у тебя пару мерзавчиков? Карманную мелочь, не больше?

— Разумеется. Меня может не быть, когда ты вернешься, но если ты подергаешь за мох у косяка — он пластиковый… я имею в виду мох — это отодвинет задвижку. Запомнил?

— Подергать за мох? Ясно.

— И я оставлю тебе чего-нибудь на случай, если ты захочешь. Полтину чего-нибудь и закуски, идет?

— Замечательно. Текила была бы в самый раз.

Она склонила голову набок и внимательно

посмотрела на него.

— Мне точно не надо за тебя беспокоиться, Грег?

Даже потрясения последних суток, усталость и спиртное не помешали ему понять, что она беспокоится вовсе не за сохранность своего имущества.

— Да нет, Лиза, — пробормотал он, тронутый. — Я в порядке. Просто пойду загляну в старое «Бомбежище».

— Поосторожнее там. Вот тебе полпинты — этого хватит, даже, пожалуй, с лихвой. И если потребуется, завтра получишь еще.

— Спасибо, Лиза. Я верну сразу, как…

— *Нет,* — остановила его она. — Нет. Верни ты мне эти деньги, и это снова собьет весы. Сделай все по-моему, и мы будем с тобой в расчете; мы сможем даже не узнавать друг друга при встрече. — Улыбка ее не померкла.

Он даже не стал пытаться понять ее, поэтому и не притворился ни обиженным, ни рассерженным.

— Идет. — Он встал, сунул в карман талон на полпинты и почти уверенным шагом подошел к двери и отворил ее. Небо на востоке за высокими пальмами начинало уже темнеть, и длинные

тени окрасились в багровый цвет. Он обернулся к ней. — И все-таки спасибо.

Она махнула в ответ.

— *Por nada.*[7]

Воздух на улице уже остыл, и хотя днем здесь пахло только пылью и раскаленной мостовой, сейчас к этому добавились слабые ароматы жасмина, гардений и близкого моря. Он задумчиво брел по дорожке вдоль канала, время от времени сталкивая ногой в воду подвернувшийся камешек. Его изрядно занимал тот факт, что он стал совсем другим человеком с тех пор, как пять или шесть лет назад покинул Венецию… Э нет, Грег, подумал он, не лукавь: с тех пор, как пять дней назад покинул Эллей. Интересно, в положительную ли сторону ты изменился? Не факт, не факт.

Запахи стали другие, когда он свернул к морю: теперь пахло дымом из сотен расположенных в подвалах мексиканских и китайских кухонь, и хотя он понимал, что это ему скорее всего мерещится, ему показалось, что он различает ароматы табака, марихуаны и духов, а также далекую музыку. Ему вспомнились сегодняшние мысли о призраке молодого Риваса, который, быть может,

---

[7] Примечания: 7
Не за что. (*исп.*)

все еще шатается по здешним барам, каналам и мостам. Что ж, подумал он, посмотрим, не удастся ли мне увидеть его краешком глаза.

Свернув за последний угол, он почти горько улыбнулся, увидев в так и не застроенном мощеном дворике дюжину вставленных в древний бетон кусков разноцветного плексигласа. Они напомнили ему о самых первых днях работы здесь, когда он мыл чашки и рюмки в желтом свете, сочившемся сквозь плексигласовый потолок. Торчавший из земли, напоминавший куст павильон, в котором располагался вход на лестницу, заметно обветшал, а буквы на вывеске над входом по меньшей мере один раз подмалевывали, не особо заботясь об аккуратности, зато появилось множество новых шестов, вкопанных в землю или прибитых к павильону, и на протянутых между ними бечевках трепыхались разноцветные тряпки, куски пластика и фольги. Ривасу показалось, что сквозь подошвы башмаков до него доходит басовая вибрация игравшей глубоко под землей музыки. Он смахнул растрепавшиеся волосы со лба, оправил взятый напрокат пиджак и зашагал через двор ко входу.

Музыканты играли шумно и не слишком профессионально, но в этом заведении имелось

столько туннелей и ниш, что Ривас без особого труда нашел себе столик, за которым музыка слышалась далеким треском. Свечи за цветным стеклом отбрасывали причудливые тени, напомнившие ему один из миров, который он видел в воспоминаниях Сойера, — тот, где от паукообразных существ падало две тени, красная и синяя.

Подошла официантка. Он никогда не видел ее прежде, а ее явно не интересовало, кто он. Он заказал текилу и воду, и она ушла выполнять заказ.

Вдруг до него дошло, что именно напомнило ему падение сегодняшним утром, когда торговцы Кровью вывалили его и продвинутого мальчишку в мусор: на мгновение он испытал те же ощущения, что во время бесконечных перелетов в невесомости от планеты к планете. Черт, но это ведь не из его памяти, а Сойера. Его как-то мало грела мысль, что теперь и он обладает воспоминаниями Мессии.

Он приканчивал третью порцию текилы и собирался уже возвращаться на канал Божьей Коровки, когда к нему не очень уверенно подошел улыбающийся долговязый тип средних лет. Лица его Ривас не помнил.

— Грег? — спросил мужчина. — Ведь Грег же?

Ривас!

Наверное, ему не стоило бы сознаваться, но вышибала в БАЛАНСАХ И УЧЕТЕ обозвал его Чако, не узнав, да и текила ослабила его бдительность, поэтому он улыбнулся и кивнул в ответ.

— Я так и знал! Ты ведь меня тоже помнишь, правда? — Мужчина переставил стул от соседнего столика и подсел к нему.

В другое время Ривас возражал бы против непрошеного общества, но сегодня ему недоставало ободрения… восхищения — пусть даже от этого дурацкого типа.

— Напомните-ка.

— Джек Картошка Фри. Я здесь сто лет уже работаю. Помнишь? Я помогал тебе обрабатывать кой-какие из твоих ранних песен. Подправлял их, так сказать.

Черта с два подправлял, подумал Ривас, однако вслух буркнул только: «Конечно, помню. И как дела в старом заведении?»

— Лучше некуда, Грег. Старина Хэнкер помер два года назад — он здорово на тебя злился, но я всегда говорил ему: «Эй, Грег ведь гений, а гении в голову не берут такой мелочи, как предупредить об уходе». Ведь правда? Ха! Ну, меня, конечно, хотели сделать здесь главным, когда он помер, да

только я сказал, что лучше останусь *метрдотом*, чтоб с людьми общаться. Ну, люблю я общаться с людьми, да ты и сам, верно, знаешь. Такой уж я человек.

— Конечно, Джек. — Чувак начинал раздражать Риваса, но прежде, чем Ривас допил свою текилу и собрался идти, тот заказал ему еще.

— Знаешь, кто этот парень, Дорис? — спросил Картошка Фри у официантки. — Это Грег Ривас, он играет у Спинка в Эллее. Мы с ним старые друзья. Забегает навестить меня при каждом удобном случае, верно, Грег?

— Конечно, — кивнул Ривас и тут же пожалел об этом, так закружилась голова.

— Вы на него не похожи, — буркнула официантка. — И потом, кому сейчас нужен старый Ривас?

— Не знаю, — признался Ривас, тряхнув головой.

— Ты просто принеси ему выпить, ладно, Дорис? — Что-то в интонации, с какой это было произнесено, подсказало Ривасу, что особой властью над этой девицей тот не обладает. — Будь здесь новый босс, Грег, он настоял бы на том, чтобы это было за счет заведения. Ты уж извини. Ты ведь и сам знаешь, каково это — иметь дело с этими чертовыми клерками и кассирами…

У Риваса похолодело в груди, и он порылся в кармане посмотреть, хватит ли ему заплатить за эту незапланированную порцию. Оказалось, хватало, но в обрез — так что это наверняка оскорбило бы официантку до глубины души. Да, вот *этим* я точно произведу на нее впечатление, подумал Ривас.

— Ага, я тоже, типа, работаю здесь неполный день, — пояснил Картошка Фри. — Типа, консультантом. Ну, в общем, я тоже уволился отсюда. Этот их новый босс взял манеру кричать на меня то из-за одной ерунды, то из-за другой, вот я и сделал ему ручкой. Кому они, понимаешь, нужны, а? — Он с заговорщическим видом подался к Ривасу и больно толкнул его в грудь. — А знаешь что?

Перед носом у Риваса звякнул о стол поставленный стакан, и он толкнул все оставшиеся талоны по столу к девице, не глядя на нее. Она взяла их и отошла — по крайней мере без комментариев.

— А знаешь что? — повторил Картошка Фри.

— Что? — тупо переспросил Ривас.

— Ты и я, Грег, — мы с тобой одного поля ягоды.

— Господи. — Ривас оттолкнул стул и встал. Зачем он приперся сюда?

— Эй, Грег, куда же ты? — Картошка Фри тоже

начал подниматься. — А, знаю, ты хочешь найти место получше, верно? С девочками, если я тебя хорошо помню? Слушай, есть тут одно место неподалеку, так у них там такие девочки, они…

— *Ты* остаешься здесь, — произнес Ривас, боясь, что сорвется и ударит этого типа, а может, снова расплачется. — *Я* ухожу.

— Ну ладно, ладно, Грег, я же не хотел, это… того… прямо сейчас, — пробормотал Картошка Фри, до которого, похоже, начало доходить, что что-то не так. — Я… это… просто не мог разменять бумажку в сто полтин, что они мне заплатили, вот я и думал…

— Так вот тебе, — сказал Ривас, ткнув пальцем в нетронутый стакан. — Это все деньги, что у меня оставались. — Дыхание почему-то давалось ему с трудом. — Но слышишь, угощайся, чувак. *Mi tequila es su tequila.*[8]

Ощущая на себе взгляды остальных посетителей, он побрел к выходу. Официантка явно рассказала им, за кого он себя выдает. Некоторые, похоже, верили ему, а некоторые — нет, но ни те, ни другие не выказывали особого интереса.

Выйдя в ночь, он зашагал как мог быстро, слов-

---

[8] Примечания: 8
Моя текила - твоя текила. (*исп.*)

но пытаясь убежать от воспоминаний. *«Ты и я, Грег — мы с тобой одного поля ягоды».* Боже мой, подумал он. И ведь все там считают, что так оно и есть! И кому какое дело? Нет, мне есть дело: ведь ты таков, каким тебя считают люди, потому-то и важно, чтобы они считали тебя… Считали кем-то, с кем стоит… считаться. Тьфу.

Когда он дошел до канала, ночной ветер, похоже, выветрил из него худшую часть текилы и воспоминаний, и он постоял на берегу, глядя на отражение луны в черной воде, и как светлая дорожка вдруг раздвоилась, будто прямо к нему кто-то плыл. Крыса? Нет, слишком много ряби. Собака, наверное.

Вода успокоилась, когда пловец застыл в темноте совсем недалеко от Риваса, чуть левее.

— Грег, — послышался шепот из темноты.

— Кто?.. — начал было Ривас и тут же сообразил, что может и не спрашивать. Он попытался сказать этой твари, чтобы она убиралась, но у него не хватило сил.

— Я могу восстановить тебя, — продолжал шепот. Послышался легкий плеск, словно тварь поерзала в темной воде.

— Что ты хочешь сказать? — злобно спросил Ривас, стараясь, однако, не повышать голоса. —

Ты ведь и камешка не поднимешь.

— Верно. Но я часть тебя. Может, самая важная часть — та, что делает… делала тебя тобой. Знаешь, когда я… когда я родился?

— Нет.

— Тогда, на стадионе Серритос, когда ты порезал палец, чтобы не сливаться с Сойером. Конечно, это действует — сильная боль блокирует причастие, но она же и отщепляет часть тебя, что-то вроде духа. Это я. И ведь ты заметил, что каких-то твоих качеств недостает, верно? Слабость там, где всегда была сила, колебания и неуверенность в том, в чем ты всегда полагался на решимость?

— Да… — прошептал Ривас.

— Слейся со мной и позволь мне восстановить тебя, снова сделать единым целым. И слияние со мной не должно пугать тебя — я ведь не кто иной, как ты.

— Но… разве я не стану…

— Помнишь, когда в нашу первую встречу ты швырялся в меня камнями? Помнишь, они рвали меня, но я снова срастался? Посмотри, видишь ли ты на мне хоть один шрам? — Тварь хихикнула. — Слейся со мной, и я заново отращу для тебя твои два пальца.

Ривас охнул как от удара и, не успев даже по-

думать, сделал пару шагов вперед, так что стоял теперь на покрытом грязью откосе канала. Вода снова плеснула о берег, и тварь выплыла из тени в лунный свет, и Ривас увидел, что она куда материальнее, чем была в их прошлую встречу.

— Как ты попал сюда? — спросил он, вспомнив, сколько миль плотно заселенной земли окружает их.

— Следовал за твоей лодкой, — отвечала тварь, чуть захлебываясь от нетерпеливого возбуждения. — Я поймал новорожденного духа, возникшего, когда ты снова сделал себе больно, борясь с действием Крови, так что ты можешь не беспокоиться о том, куда делась эта часть тебя. Я ее поглотил. Она во мне. А потом я весь день плавал по каналам в поисках тебя. Почти догнал тебя, но не успел из-за этой чертовой шлюхи. Она ведь тебе не нужна, правда?

— Нужна мне? Ну, не знаю, я…

— Тебе… то есть *нам*… не нужен никто. Вспомни, что ты делал такого, что раскололо нас надвое, а? И уж тебя это едва не убило.

Тварь подплыла ближе, и Ривасу хватало шепота, чтобы она слышала его:

— Я не уверен, что…

— Сегодня утром я здорово разозлился, — про-

должала тварь, подбираясь все ближе, — когда я понял, что ты в лодке, полной женщин. Я надеялся только, что тебе хватит ума не… путаться с кем-нибудь из этих *vacas*[9] в твоем тогдашнем состоянии.

Ривас начал наклоняться, потом вздрогнул, отступил на шаг и выпрямился.

— А почему бы и нет?

— Это бы тебя уменьшило. Так происходит каждый раз, но в твоем нынешнем, ущербном состоянии ты мог бы из-за этого забыть…

По мере того как Ривас пятился от воды, тварь по-рыбьи подплывала все ближе, и теперь он мог уже разглядеть ее пальцы, которыми та цеплялась за камни. В лунном свете пальцы блестели диковинными морскими тварями.

— Что забыть?

— Кто ты такой, чувак. Если мы забудем, что мы — Ривас, что от нас останется?

Ривас отступил еще на пару шагов.

— Только я. Вот, что осталось.

Тварь дрожала так сильно, что по воде от нее пошли круги. От воды в канале пахло резаной листвой.

---

[9] Примечания: 9
Vacas - коровы (*исп.*)

— Иди ко мне, — прохрипела тварь в воде.

Ривас вдруг с уверенностью понял, что шагнуть вперед означало бы отказ от всего того, что так дорого ему обошлось. От горечи в глазах разломанного на куски хлам-человека там, в Ирвайне. Он дикой боли в руке, которой он выталкивал умирающего мальчишку в тот угол корзины из-под Крови, где оставался еще воздух. От стыда за свое поведение базарного торговца во время сделки за спасение жизни Ури. От ворчливого уважения Фрейка МакЭна…

Он пятился до тех пор, пока не вернулся на тротуар.

— Нет, спасибо, — вежливо сказал он.

— Твои пальцы! Я могу восстановить твои…

— Убирайся прочь от меня, — хрипло произнес Ривас, вдруг ощутивший, как ему страшно. — Ступай и лови рыбу, если тебе не хватает крови насосаться.

— Я тебе нужен больше, чем ты мне, Ривас. Я могу…

— Раз так, обойдешься без меня.

Он повернулся на каблуках и зашагал в сторону Лизиного дома, который сразу показался ему ужасно далеким. Почти сразу же он сорвался на бег, потому что услышал за спиной плеск

и шлепанье мокрых ног по утоптанной земле. Впрочем, еще через пару секунд шаги стихли, и Ривас позволил себе сбавить ход, решив, что хемогоблин отказался от преследования, — он и не догадывался, что тот просто взлетел и несется за ним по воздуху, до тех пор, пока эта тварь не врезалась ему промеж лопаток с такой силой, что он покатился вниз по откосу и упал в воду.

А потом она уже навалилась на него сверху, как уличный пес в потасовке за кость. Они катались по отмели в холодной соленой воде, и Ривас колотил по ней левым кулаком, ощущая, как медузообразная плоть рвется и выплескивается наружу, но тут же стягивается обратно, а уже совершенно отвердевшие зубы жадно впиваются то в его руки, то в грудь. Оба всхлипывали от злости и страха, и каждый раз, когда одному удавалось встать на ноги, второй снова сшибал его в воду.

Наконец Ривасу удалось стиснуть хемогоблину грудь коленями, а обеими руками крепко схватиться за нижнюю челюсть, и он, стараясь не бередить больные пальцы правой руки, начал отворачивать его лицо от себя.

Изо рта у того вырвался фонтан воды пополам с кровью, и большие мутно-молочные глаза все смотрели на Риваса, когда он прошептал: «Пожа-

луйста, Грег…»

Сжав его ногами изо всех сил, Ривас принялся откручивать ему голову.

Тварь негромко, придавлено завизжала, но звук этот резко оборвался, когда Ривас повернул голову на полный оборот. Руки ее царапали его грудь и руки, а иногда и лицо, но когтей она, похоже, отрастить еще не успела, и пальцы скользили по его телу липкими слизняками, что было еще хуже, чем если бы они царапали его кожу.

Каждый раз, когда Ривасу удавалось глотнуть свежего воздуха, он погружал голову в воду, и это движение позволяло ему перехватить скользкую башку твари. Однако после третьего полного оборота голова хемогоблина начала отделяться от тела, и в воду потекла из шеи какая-то жидкость, так что Ривасу пришлось держать лицо подальше от воды. Хемогоблин бился под ним с такой силой, что он боялся свалиться, и ему не верилось, чтобы поднятый ими плеск никто не услышал. Каждый новый оборот требовал все больших усилий — так ключ, взводящий часовую пружину, сопротивляется все сильнее, — и когда после восьмого или девятого оборота голова наконец оторвалась, он не удержал равновесия и упал-таки в омерзительно пахнущую воду.

Тело хемогоблина обмякло и, выпустив цепочку зловонных пузырей, ушло на дно. Шатаясь, Ривас встал и отшвырнул все еще хлопавшую глазами голову как мог дальше в сторону, противоположную Лизиному дому. Спустя две-три секунды до него донесся из темноты всплеск. Тогда, бросив тело лежать как лежало, он отплыл подальше от берега, подальше от останков этой твари, чтобы прополоскать рот и волосы в относительно чистой — по крайней мере по сравнению с той, в которой только что барахтался, — воде.

Через некоторое время ему начало мерещиться, будто в воде за ним что-то негромко плещется, так что он выбрался на берег и прошел остаток пути до Лизиного дома пешком. Дома ее не оказалось, так что он принял еще ванну, исчерпав ее запас чистой воды, и плюхнулся в приготовленную для него кровать.

А в темной воде канала тем временем суетились частицы органической материи — частицы из маленького округлого предмета спешили на запад, а из большого, с четырьмя конечностями, — на восток. Где-то на полпути они встретились, слились, сгустились — и принялись медленно подтягивать две части друг к другу.

На следующее утро Ривас проснулся около семи.

Голова трещала с похмелья, мышцы свело, и все же он ощущал себя здоровее, чем когда-либо за несколько последних дней. Лизы не было видно, поэтому он смешал несколько яиц с *tacos*[10] из холодильного ящика, вылил эту смесь в сковородку, поставил ее на плиту, раздул почти угасшие угли, потом разложил готовый омлет по корочкам от *tacos*, от души полил сальсой и сел завтракать. Запив все это прохладным пивом, он почувствовал себя по крайней мере относительно готовым к тому, что запланировал на это утро.

Помыв за собой посуду, он вышел, запер за собой дверь и зашагал на север. Чуть не доходя Сентури, он свернул налево, в сторону глубоких каналов и морской набережной. Котомка с лежавшей в ней бутылкой хлопала его по боку. По узким, залитым солнцем улицам кралась кошки, крыши кишели обезьянами, а небо — попугаями, хотя людская часть населения была представлена только несколькими оборванцами, да еще ароматами кофе и жареного бекона из маленьких, расположенных у самой земли окон.

Почти все товары, выставлявшиеся на продажу в магазинах Венеции или подававшиеся в

---

[10] Примечания: 10
Tacos - кукурузные лепешки (*исп.*)

тамошних ресторанах, были или местного происхождения, или привозились сушей с севера, из Санта-Моники, или с востока, из Эллея. Поэтому тянувшиеся на милю полусгнившие пирсы и причалы морского порта служили только самому темному бизнесу, и горожане, селившиеся у моря, делали так единственно потому, что торговали Кровью или оцыпляченными девицами, или паразитировали на тех, кто это делал, или просто потому, что предпочитали плавание по водным путям хождению на своих двух.

Прибрежные кварталы были выстроены больше века назад, в правление Первого Туза, когда все строилось на славу, в расчете на долгую службу, и когда архитекторы не скупились на детали, задуманные единственно с целью украшения: причудливые башенки, ажурные мостики, слишком выгнутые и хлипкие для настоящего уличного движения, даже развлекательный водный парк для детей. Однако в годы правления Второго Туза строительство прекратилось, а при Третьем Тузе и построенные уже объекты забросили, так что теперь они потрескались, а кое-где и обвалились, подмытые морем, словно забытые игрушки давным-давно девшегося куда-то ребенка.

Зато здесь в изобилии произрастали теперь

пальмы, лианы и гибискус, и злые языки говорили, что куда проще перебираться с места на место по веткам, нежели пытаться сориентироваться в невообразимом лабиринте переулков, каналов и мостов, и что змеи, ядовитые насекомые и обезьяны в древесных кронах и вполовину не так опасны, как местные жители под ними.

Будь у Риваса обе руки здоровыми, он всерьез задумался бы над возможностью пробраться к морю по деревьям. В это утро он решил подобраться поближе к Дворцу Извращений, чтобы проверить свою жуткую догадку насчет того, что баржи с девушками-Сойками, сгрузив корзины с Кровью, прибывают именно сюда. Не исключалось, конечно, что баржа, на которой он бежал из Ирвайна, была последняя на эту неделю; в таком случае ему пришлось бы пытаться проникнуть во Дворец Извращений, не имея подтверждения своей теории. Однако ничего из того, что он слышал в Священном Городе или от вещавшего за Севативидама мальчишки, не намекало на то, что поставки девиц из Ирвайна могут в ближайшем будущем прекратиться.

По мере того как солнце медленно поднималось над зданиями за его спиной, улицы становились все уже, поскольку ряды маленьких домишек и

лавок строились прямо посередине старых, широких улиц, а в некоторых местах получившиеся в результате этого узкие переулки делились в длину рядами палаток, поставленных торговцами, прорицателями и стриптизерами, так что не пропускали теперь не то что фургон, а и толстого пешехода. Некоторые из торгующих снедью и спиртным палаток уже работали, но большая часть Венеции отправилась на боковую всего пару часов назад.

Ближе к морю дорога стала вдобавок извилистой: переулки то вихляли, делая безумные зигзаги, огибая рухнувшие здания, то взмывали вверх и снова опускались в местах, где построенные на скорую руку мостики перекидывались через провалы в мостовой. Идти на запад становилось все труднее, словно сам город пытался не пропустить его к океану. Наконец, уже к полудню, Ривас с опаской поднялся по шаткой, скрипучей пожарной лестнице и, пригнувшись, чтобы заглянуть под обломок древнего карниза, который, сорвавшись со своего места, застрял между двумя крышами, увидел темную, покрытую мелкой рябью поверхность моря. Стараясь не выпускать море из вида, он прошел мостками еще немного и нырнул в узкий проход под арку.

Стоило ему оглядеться по сторонам, как он понял, что забрел в логово местных старьевщиков. Он стоял на пологом скате крыши, огороженном со стороны моря вычурным чугунным парапетом, хотя ничто не помешало бы желающему свалиться ни с северного, ни с южного края крыши. Несколько стоявших на крыше человек повернулись к проему, из которого он появился, и лица их выражали у кого тревогу, у кого злость, у кого любопытство, а у кого откровенную скуку. Ближний к Ривасу, судя по всему, собирался запускать змея, хвостом которому служила рыболовная сеть; большинство из тех, что стояли у парапета, держали удилища или бинокли. Двое-трое просто спали на солнышке, а какой-то седовласый тип при появлении Риваса подобрался к северному краю крыши, пригнулся, перевалился через край и скрылся — предположительно спустился по лестнице.

— Чего нужно, *hombre*[11]? — поинтересовался у Риваса высокий старикан с рыжеватой бородой, как бы невзначай кладя руку на рукоять висевшего на поясе ножа.

В ответ Ривас ухмыльнулся.

---

[11] Примечания: 11
мужик (*исп.*)

— Просто хочу посмотреть на океан… Ну, может, еще найти кого, кто помог бы мне разделаться вот с этим. — Он достал из котомки бутылку текилы.

Воцарившееся напряжение несколько спало. Старикан убрал руку с ножа, шагнул к нему и, нахмурившись, взял у него бутылку. Он выдернул пробку зубами и, держа ее во рту, как толстый сигарный окурок, понюхал горлышко. Похоже, результаты анализа его устроили, поскольку он выплюнул пробку за парапет.

— О'кей, — буркнул он. — Но если ты приторговываешь Кровью…

— Или цыплятками, — добавил юнец с красивыми золотыми кудряшками.

— Тогда ты сделал большую ошибку, придя сюда, — договорил старикан.

— Ни за что, — заверил всех Ривас. — Я вовсе… орнитолог.

— Чего? — удивился тип со змеем.

— Это он дурачится, Джереми, — пояснил старикан с рыжеватой бородой. Он прижался губами к горлышку и некоторое время булькал. — Ладно, — выдохнул он, оторвавшись от бутылки. — Ваши документы в порядке, сэр. — Он передал бутылку дальше по кругу.

Ривас спустился к парапету, но основание того

настолько проржавело, что облокачиваться он остерегся. Оглядевшись по сторонам, он понял, почему эти люди выбрали такое место: футах в ста под ним плескалась вода, на вид достаточно чистая, чтобы ловить рыбу, а поскольку большинство окружающих построек уступали этой по высоте, отсюда открывалась замечательная морская панорама. Осторожно взявшись за перила и посмотрев направо, Ривас понял вдруг, испытав прилив леденящего ужаса, что белое сооружение с той стороны, напоминавшее формой отрезанный кусок морской раковины с торчащими из нее там и тут грибами на тонких ножках, не что иное, как Дворец Извращений. Он поспешно отвернулся, не желая показывать окружающим, какое именно место его интересует.

Постепенно все находившиеся на крыше вернулись к прерванным занятиям, а по мере того, как совершала свой круг по рукам бутылка, и взгляды на него делались все менее подозрительными. Человек с рыболовным змеем запустил-таки его в воздух и теперь расхаживал по крыше взад-вперед, насвистывая какую-то странную мелодию. Другой следил за перемещениями шлюпки, занося результаты наблюдений в маленькую записную книжку; третий — с биноклем

— обнаружил в одном из соседних окон нечто, поглотившее все его внимание. Кудрявый юнец продолжал беспокойно оглядываться по сторонам, словно никак не мог дождаться кого-то. Ривас просто смотрел на море.

Он видел довольно много всяких судов: три широких, с высокими надстройками, перестроенный паром, судя по всему, служивший плавучим кафе, и множество рыбацких лодок, сгрудившихся на темно-синем клочке морской поверхности, известном как подлодочная яма или Бывшая Эллейская База. Все они забросили туда сети на фосфоресцирующих рыб-мутантов, за которых в некоторых кругах платили бешеные деньги. Однако ни одно из этих суденышек не походило на то, ради которого он сюда пришел; к тому же на ум ему пришло, что он ведь так толком и не рассмотрел ту посудину, что привезла его сюда из Ирвайна.

Беспокойный кудрявый юнец сунул голову в проем, через который попал сюда Ривас, потом подошел к северному краю крыши и заглянул вниз.

— Эй! — окликнул он остальных, распрямившись и повернувшись к ним. — Никто не слышал, не говорил ли тот старик, с которым я был, куда

он ушел?

— Нет, сынок, — заплетающимся языком отозвался тип с рыжеватой бородой. — Я вообще от него слова не слышал.

Далеко слева, у самого горизонта, Ривас разглядел еще одно приближающееся судно. Солнце только-только начало сползать с зенита, так что ему пришлось сощуриться от слепящих бликов.

Корабль напоминал баржу, ощетинившуюся странными выступами и плавниками. У него имелась в наличии вся парусная оснастка, но Ривас не сомневался в том, что это та самая баржа, которую он ждал здесь. Теперь все, что ему оставалось, — это проследить, где она ошвартуется.

Парень снова перегнулся вниз.

— Эй! — крикнул он.

Ривас как раз собирался попросить у одного из соседей на минуту бинокль, когда тот добавил: «Леденец!»

Глава 9

Огромным усилием воли Ривас позволил себе всего только посмотреть на юнца, который продолжал беспокойно оглядываться по сторонам. Он попытался вспомнить, как выглядел тот старик, что ушел при его, Риваса, появлении. Боже мой, подумал он. Не слишком высокий, волосы седые — очень даже может быть, тот самый. И ведь он не позволил мне разглядеть его лицо, хотя мое, должно быть, видел. И парень предупреждал меня, чтобы я не охотился за оцыпляченными девицами!

Лучше исходить из того, что это тот самый, — и быстро делать ноги. Прямо сейчас.

Пока он как бы невзначай пятился от парапета, в поле его зрения снова попала та баржа в море, и ему показалось, что он видит свешивающиеся за борт тросы.

И тут что-то ударило его по голове с такой силой, что он всем весом опрокинулся на парапет, один конец которого сорвался с крепления. Вся чугунная конструкция развернулась подобно открывающейся наружу двери и со страшным скрежетом наклонилась вниз.

Цепляясь не столько руками, сколько ногами, Ривас почти вниз головой висел на том, что всего секунду назад было парапетом, а теперь превратилось в раскачивающуюся над бездной лестницу-стремянку. Он услышал вопли по меньшей мере еще двоих, падающих вниз, в море, в паре ярдов над его головой цеплялся за парапет третий, а за его брыкающимися ногами виднелось искаженное яростью лицо старого Леденца собственной персоной, возбужденно подпрыгивавшего на краю крыши и выжидавшего удобный момент для нового выстрела по Ривасу из рогатки, которую он, без сомнения, приобрел в память о дорогом покойном Найджеле.

Рогатка хлопнула, человек над Ривасом взвизгнул и задергался. Не дожидаясь нового выстрела, Ривас отцепился от чугунного переплета и полетел в море, пытаясь развернуться в воздухе так, чтобы врезаться в воду ногами вперед. На лету он услышал свист камня, пролетевшего совсем близко от его головы.

Вода показалась ему при столкновении крепче бетона. Удар вытряхнул из легких весь воздух, и он вяло замахал руками в облаке пузырьков. Бог его знает, как глубоко он погрузился. Он даже не знал, где верх, а где низ, до тех пор, пока взбала-

мученные пузырьки не успокоились немного и не потянулись в одном направлении. Тогда он замолотил руками и ногами, устремляясь вслед за ними.

Первое, что он сделал, вынырнув на поверхность и смахнув с глаз мокрые волосы, — это задрал голову, чтобы посмотреть вверх. Глаза его тут же расширились от ужаса, ибо оттуда летел, вращаясь на лету и увеличиваясь с каждым мгновением, Леденец. Казалось, он падает прямо на Риваса.

Собрав остаток сил, Ривас лихорадочно поплыл к берегу. Поднятый им плеск тут же заглушил увесистый шлепок — Леденец врезался в воду в паре футов за его спиной, и поднятая его падением волна накрыла Риваса с головой, снова выбив то немногое количество воздуха, которое он успел набрать в свои контуженные легкие.

Пробежав над ним, волна разбилась о массивные бетонные колонны, судя по всему, поддерживавшие все это вывешенное над водой здание. Между колоннами были натянуты старые сети и гамаки; с дюжину раскачивавшихся в них ребятишек смотрели на Риваса с неподдельным ужасом. Даже полуоглушенный Ривас обратил внимание на то, что все они были лысые, а подплыв ближе,

заметил на их шеях характерные складки, а между пальцами ног — полупрозрачные перепонки. С громким плеском, гулко отдававшимся эхом в колоннах, он поплыл к ближайшей незанятой сети, врезался в нее и тут же развернулся лицом к продолжавшим разбегаться кругам воды. Левой рукой он выхватил нож и расслабился, позволяя сжавшимся от напряжения легким расправиться.

Смогу ли я убить его? Придется, подумал он. Вопрос только в том, способен ли я еще на такое.

До него дошло, что лицо его мокро не только от воды, и он, не выпуская ножа из здоровой руки, ощупал ею голову. На макушке обнаружилась длинная глубокая ссадина, словно он пытался расчесать волосы на прямой пробор, пользуясь для этого ножовкой. Он вздрогнул при мысли о том, что скорее всего не ощущал бы уже ничего, придись попадание на дюйм-другой ниже. Опуская руку, он заметил, что нож испачкался в крови. Ограничится ли все только этой кровью?

Наконец ему удалось сделать глубокий вдох. Что ж, хоть дышать ты можешь, подумал он. Вот только долго ли это продлится? С ясностью, которой он даже не ожидал от своего воображения, он увидел, как его рука делает выпад ножом, целясь

старику в горло, ощутил, как лезвие вспарывает сопротивляющуюся плоть, увидел, как безжизненное тело опрокидывается обратно в воду и вокруг него расплывается темное пятно, увидел круглые глаза ребятишек…

Медленно-медленно, почти машинально он сунул нож обратно в ножны и опустил рукав.

Взгляд его оставался прикованным к тому месту, где вода продолжала кипеть всплывающими пузырьками. Он ощущал себя совершенно спокойным — и не только от усталости. Он вспомнил свое нападение на Найджела со спины пять дней назад и то встревоженное выражение, которое появилось у Найджела на лице за мгновение до того, как дубинка Риваса размозжила ему лоб.

Пузыри почти исчезли, и на их месте снова катились длинные, ленивые волны… и Ривас вдруг с облегчением понял, что старый Леденец больше не всплывет. Что ж, подумал он, это был прыжок так прыжок, а он все-таки старик… как знать, может, он и плавать-то не умел. Может, он просто хотел размозжить мне башку своим башмаком, прежде чем утонуть…

И все из-за Найджела. Тьфу.

Вдруг он вспомнил про баржу, которую видел несколько минут назад. Боже мой, подумал он,

отцепляясь от сети, мне же надо увидеть, куда она причалит! Убедиться, правда ли Сойеров «храм в городе-побратиме» и есть Дворец Извращений. Он огляделся по сторонам, увидел в тени за колоннами лестницу и поплыл к ней.

На бетонных обломках у стены сидели несколько человек, а рядом покачивалась на волнах узкая лодка. Совершенно очевидно, они промышляли спасательными работами, и если бы сверху свалились еще несколько человек, они наверняка выгребли бы за ними. Однако, скользнув лишенными выражения взглядами по Ривасу, они явно решили, что он не стоит хлопот, так что, когда он начал подниматься по скользким каменным ступенькам, единственным препятствием ему была его собственная слабость. Остановиться и перевести дух он себе не дал.

Одолев три или четыре длинных лестничных марша, он увидел свет, пробивающийся в щели каменной кладки, и задержался, чтобы выглянуть в те, что, по его представлению, смотрели на море, но каждый раз вид в ту сторону загораживался какой-нибудь каменной или деревянной поверхностью.

Добравшись до первой же нормальной лестничной площадки, он выбежал на просторную

бетонную террасу, на которой дюжина людей хлопотала у большого крана, вытянувшего металлическую стрелу над водой футов на тридцать. Ривас застыл, лихорадочно оглядываясь в попытках сориентироваться. Через пару секунд он увидел высоко наверху, чуть левее места, где он находился сейчас, свисающий чугунный парапет. За него больше никто не цеплялся. Он посмотрел на северо-запад, однако половину панорамы океана — ту половину, которая включала в себя баржу и Дворец Извращений, — закрывала от него махина соседнего склада. Какое-то мгновение он всерьез раздумывал, не залезть ли ему на конец стрелы крана, но рабочие как раз тянули из моря мокрый трос, так что стрела дергалась и раскачивалась.

Работяги удивленно косились на него, и он сообразил, что из раны на голове, должно быть, продолжает идти кровь.

— Эй, — прохрипел Ривас. — Как мне быстрее подняться туда, откуда свисает эта железяка?

Один из рабочих нахмурился.

— Несколько минут назад оттуда свалились трое-четверо.

— Знаю, — устало отмахнулся Ривас. — Одним из них был я. Так как мне вернуться туда?

Подумав немного, тот дал ему довольно подробные инструкции, включавшие в себя один «рисковый прыжок».

— Только они тебя снова сбросят, — закончил рабочий.

— Не удивлюсь, — согласился Ривас и поспешил дальше.

Пять минут спустя он уже одолевал лестницу, по которой смылся Леденец при его, Риваса, предыдущем появлении. Когда до крыши оставался какой-то фут, он задержался. Что лучше, размышлял он, осторожно выглянуть? Или вылезти сразу?

Полезу-ка я сразу наверх, решил он. Он поставил ногу на пару перекладин выше, потом взялся левой рукой за край крыши и резким броском перевалился через край. Он вскочил, как только восстановил равновесие на покатой крыше.

Старикан с рыжеватой бородой уставился на него в неподдельном изумлении.

— Эй, а второй бутылки ты не захватил?

Ривас мотнул головой и, с опаской оглядевшись по сторонам, шагнул к лишившемуся парапета западному обрезу крыши.

— Раз так, — скорбно вздохнул старик, — твои документы больше недействительны. Эй, сынок!

Вот тот парень, за которым сиганул твой старый дружок!

Ривас оглянулся и похолодел при виде кудрявого юнца, стоявшего, смахивая слезы, у входа с уличной лестницы.

— Послушай, парень, — устало произнес Ривас. — Это же не моих рук дело. Не забывай, он сам стрелял в меня, а потом прыгнул.

— Он, — всхлипнул юнец, доставая из-за пояса длинный нож, — он как раз начал… забывать про… про Найджела. А ты ему напомнил… а теперь он мертв.

Ривас достал нож, перекинул его в левую руку и взмахнул им, удерживая мальчишку на некотором расстоянии. Тот все приближался. Ривас чертыхнулся и оглянулся на северо-восток.

Странная баржа стояла, как и ожидалось, у одного из растопыренных пятерней пирсов напротив Дворца Извращений.

Он поспешно повернулся назад и увидел, что, если у него и имелся шанс без боя попасть на лестницу, он его упустил. Молодой Леденцов приятель находился уже в нескольких шагах от него; теперь он стоял, ожидая, пока Ривас отойдет от края крыши.

Интересно, подумал Ривас, как справлялся бы

с этим Ривас недельной давности? Опора для ног здесь неважная — возможно, он попытался бы ногой выбить нож у мальчишки из руки и почти одновременно нанести вслепую удар куда-нибудь между лбом и глоткой.

Вместо этого он улыбнулся, сунул нож обратно в ножны и шагнул с крыши.

На этот раз падение было контролируемым — он с самого начала старался сохранять вертикальное положение и держать ноги вместе. Набирая полную грудь воздуха и задерживая дыхание, он успел подумать: видит ли его сейчас тот рабочий у крана? Он ушел в воду и развел руки, тормозя погружение. Он был очень горд тем, как нырнул — почти без всплеска, — до тех пор, пока не вспомнил, что старина Леденец дрейфует где-то здесь, в темной воде. Может, тот сейчас прямо над ним, ухмыляется и протягивает к нему свои холодные руки… Ривас дернулся в сторону, сделал несколько лихорадочных гребков, потом сорвался и отчаянно замолотил руками и ногами, всплывая. На этот раз, всплыв и стряхнув с лица мокрые волосы, он напряженно вглядывался вниз. Немного поспешнее, чем можно было бы, он подплыл к колоннам и, оказавшись в тени, обратил внимание на странный трескучий звук.

Он задержался, задрал голову, оглянулся, и до него дошло, что дети-мутанты в гамаках хлопают в свои перепончатые ладошки в надежде, что он проделает это еще раз.

* * *

Когда Ривас вернулся по дорожке вдоль канала, Лиза стояла на маленьком причале перед своим домом. С него больше не капало, да и волосы уже подсохли и перестали топорщиться, но в башмаках при ходьбе продолжало хлюпать.

— Добрый день, Грег. Я так поняла, ночью ты падал в канал; что, сегодня повторил это еще раз?

— В море, — сказал он. — Дважды.

Он решил не пытаться попасть во Дворец Извращений со стороны моря — по крайней мере в первый заход, — но обследовать это место, войдя в него с парадного входа. Что будет дальше, он пока не знал. Заказать выпить? Если молва не врет, это заведение — такой же бар, как и любое другое. Попроситься на работу? Он вздрогнул.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Мне показалось, я слышала в канале какое-то раненое животное. Я в третий раз выхожу посмотреть. — Она пожала плечами и двинулась к дому. — Ладно, ну его. — Она оглянулась на него и нахмурилась. — Судя по твоему виду, ты не

нашел того, кого ищешь.

— Нет. — Вспомнив про ее ковры, он на крыльце стряхнул свои грязные башмаки и стянул носки.

Похоже, его внимательность удивила ее, но она промолчала.

— Ладно, — сказала она. — Пока ты кого-то там искал, тебя здесь тоже искали. Он оставил… — Она замолчала и вопросительно посмотрела на него.

Он застыл, так и держа в руках второй мокрый носок.

— Раненое животное, — произнес он.

Она кивнула:

— В канале. Ты что-нибудь про него знаешь?

— Возможно. — Боже, подумал он, что же такого надо сделать, чтобы убить одну из этих тварей? И это ведь я привел ее сюда. — Тебе приходилось когда-нибудь слышать о… гм… хемогоблинах?

— Ага, — кивнула она. — Такие призраки-кровососы из южных холмов, да? Значит, это одного из таких я получила теперь к себе в канал?

Он выпрямился и беспомощно развел руками.

— Ну… я… если тебя интересует мое мнение — да. Я думал, я убил его сегодня ночью. Бог мой, я ведь оторвал ему голову! — Он сел на перила рядом с висевшими на них мокрыми носками и в

отчаянии уставился в пол. — Прости меня, Лиза. Я не собирался приводить его сюда. Эта тварь преследовала меня несколько дней… какие гадости она мне говорила! Я думаю, когда я уйду отсюда, она последует за мной, но на всякий случай, если бы ты закрывала окна ставнями… хотя бы пару дней… Я бы…

Он осекся, потому что посмотрел наконец на нее и увидел в ее глазах странную смесь сочувствия и жалости, и это потрясло его. До него вдруг дошло, что он говорил только что, и вдруг, на мгновение рассердившись на себя, он рассмеялся — а еще через пару секунд хохотал так, что едва мог удержаться на перилах, он опустился на дощатый настил крыльца и сидел там, охая и раскачиваясь из стороны в сторону, а слезы стекали ему в бороду, и Лиза, прислонившись к перилам напротив, прикусила губу, чтобы тоже не рассмеяться; впрочем, надолго ее стараний не хватило, и скоро она хохотала так же громко, как он.

Когда смех унялся немного, Лиза оттолкнулась от перил, отбросила со лба прядь волос и вздохнула.

— Ставни, — повторила она. — И еще фыркалку от насекомых. Фыркалка нужна?

Ривас щелкнул пальцами.

— И как это я раньше об этом не подумал? Посадим эту тварь на цепочку и продадим кому-нибудь как цепную собаку.

Она хихикнула.

— А порода? Как там, чистокровная овчарка? Боюсь, не пройдет. Но шуточка ничего. — Улыбка ее померкла. — В старые времена тебе бы и в голову не пришло, что может быть смешно, когда тебя считают психом.

— Да и сегодня с утра не пришло бы.

— Но ты ведь не псих, нет?

— Боюсь, что нет.

— Ты правда оторвал голову вампиру сегодня ночью?

Он кивнул.

— С трудом — с такой рукой-то.

— Ну и дела. — Она отворила дверь. — Ставни в кладовке. Пожалуй, повешу. Да, я ведь начала говорить: приходил один парень, искал тебя и оставил записку.

— Только не Джек Картошка Фри, — застонал Ривас, поднимаясь на ноги. — Среднего возраста, худощавый, улыбка сальная?

— Нет, — отозвалась Лиза уже из дома. — Куда я их засунула… а, вот они. — Следом за ней он прошел на кухню, и она протянула ему конверт. — У

этого парня была борода, и на вид ему было не больше двадцати пяти лет.

Устало тряхнув головой, Ривас вскрыл конверт и вынул сложенную вдвое открытку.

— Славная бумажка, а? — заметил он.

На лицевой стороне было красивыми буквами написано: *«Мистеру Грегорио Ривасу»*. Он развернул открытку. *«Вы приглашаетесь,* — значилось тем же почерком, — *на ужин, имеющий состояться в восемь часов в Венецианской резиденции Вашего бывшего духовного отца… если Вам известно, где она находится, в чем лично я совершенно не сомневаюсь»*. Открытка была подписана другим, корявым почерком: *«СЕВА»*.

Лиза заглядывала ему через плечо.

— Этот Сева случайно не тот, кого ты ищешь, а, Грег?

— А? — откликнулся Ривас, ругавший себя последними словами за то, что позволил себя опознать вчера вечером. — Нет. Но он знает, где она. — Сердце его колотилось как бешеное, во рту пересохло. Рука начала дрожать, и он положил приглашение на стол.

— Что случилось, Грег? — Он не ответил, поэтому Лиза отвернулась к шкафчику со спиртным. — Так ты примешь приглашение? — как бы

невзначай спросила она.

Не осознавая, что делает, Ривас взял у нее стакан виски и сделал большой глоток.

— Ох, — тихо вздохнул он. Лицо его было бледно. — Может, и приму, — ответил он, сам удивляясь своему ответу. — Храни меня Господи, может, другого пути просто нет…

Она неуверенно переводила взгляд с приглашения на Риваса и обратно.

— А где это место?

Он сделал не слишком удачную попытку улыбнуться.

— Обещаешь мне ничего не предпринимать по этому поводу?

— Ну… ладно.

Он вздохнул.

— Дворец Извращений.

Лиза села и сделала большой глоток прямо из горлышка.

Значительная часть составлявшего его вещества сгинула в канале — это отбросило его на несколько дней назад. Оно ожидало от Риваса сопротивления, но уж никак не ожидало предательства, ибо тот сделал два шага навстречу ему, явно намереваясь сотрудничать, а потом вдруг попятился и бросил эту дурацкую фразу насчет

рыбы… и уж никак не ожидало оно внезапного, бессмысленного насилия.

Оно снова всплыло на поверхность и увидело, что солнце уже село. Оно обратило свои мутно-молочные глаза в сторону дома и оскалилось в недоброй ухмылке. Он вернулся! Должно быть, он вернулся, пока оно приходило в себя на дне канала. С усилием значительно меньшим, чем потребовалось ему вчера, существо выбросило свое тело в воздух, с досадой оглянувшись на канал. Столько с таким трудом накопленной крови пропало впустую, пролившись в воду! И столько его самого — столько разума, призналось оно самому себе, — вместе с ним! Что ж, пообещало оно себе, я настигну его, и на этот раз это будет не соблазнение. Это будет изнасилование.

Вдруг существо застыло в воздухе, по-рыбьи извиваясь, чтобы не двигаться с места. Вон он! Ривас выходил из дома! Существо растопырило конечности, ловя ветер, и полетело за ним.

Ты еще можешь вернуться, успокаивал себя Ривас, шагая от Лизиного дома. Уж теперь-то ты еще вернее, чем когда-либо, заработал эти пять тысяч полтин Бёрроуза. Ты забрался вон куда, это едва тебя не угробило, а теперь даже врагу известно, кто ты и где ты!

Однако ведь и я знаю, кто он и где он. Боюсь, зайдя так далеко, я просто не могу идти на попятную. Мне кажется, теперь это даже не ради Ури. Ради меня самого. Слишком много с таким трудом завоеванных вещей потеряют смысл, если я не дочитаю последней страницы. Слишком много людей, включая значительную часть Грегорио Риваса, получится, погибли зря.

Он понимал, что, не будь он настолько опустошен событиями последней недели, ему бы и в голову не пришло поступать так, как сейчас, но понимание это не замедлило его шага. Возможно, подумал он, камень катится вниз по склону только потому, что сам выбирает это…

Он переложил нож в самодельный карман в воротнике рубахи. Возможно, при поверхностном обыске его и не найдут, и если уж дойдет до этого, один удар по груди перережет ему сонную артерию.

На небосклоне еще виднелись оранжевые полосы заката, но в окружающих его темных строениях уже начали загораться желтые точки, и он улыбнулся всему этому пестрому, вульгарному, крикливому городу. Не уверен, что я слишком любил это место, когда жил здесь, подумал он. Мои взгляды всегда отличались некоторой узо-

стью.

Где-то в темноте на балконе второго этажа скрипнул стул, и в вечерней тишине послышался звон бутылочного горлышка о край стакана, потом негромкое бульканье.

— Привет, чувак, — услышал он оклик сверху.

— Добрый вечер, — вежливо отозвался Ривас, помахав в ответ.

На Инглвуд-стрит он свернул на север и, поскольку плохо представлял себе, чем могут кормить на ужине у Сойера, на всякий случай заглянул в фургон торговца куши. Две порции горячей говядины-терияки с зеленым луком и стаканом пива обошлись ему всего в три мерзавчика, но вкусно было — пальчики оближешь, так что дальше путь на север Ривас продолжал с приятной тяжестью в желудке.

Он миновал пару освещенных факелами мостов и порадовался тому, что вовремя вспомнил про пищу, ибо в ресторанах и кафе этой части города есть бы остерегся. То, что варилось, изрядно сдобренное перцем, в здешних котлах, часто не имело никакого отношения ни к мясу, ни к дичи, ни к рыбе, а если и имело, похоже, повара использовали какой-то неизвестный вид животных. Ривас всегда следовал совету не обедать в

тех заведениях, у двери на кухню которых не ошиваются бродячие собаки; правда, он так и не понял, означало ли это предупреждение то, что запахи тамошней стряпни отпугивают даже собак или что все собаки давно уже переловлены и скормлены клиентам. Так или иначе, собак у этих заведений он не видел.

Женщины и мужчины, одетые как женщины, зазывающе улыбались ему из открытых дверей, подростки с ножами предлагали побрить за пару мерзавчиков, а несколько дряхлых, пристрастившихся к Крови уродов, совершенно очевидно, не снимавших одежды несколько последних месяцев, шамкая, просили у него немного мелочи. Ривасу удалось, по возможности не нагрубив никому, отделаться от них всех.

Здания в этих кварталах были высокие и стояли близко друг к другу, разделенные только узкими переулками, и Ривас знал, что солнечный свет сюда почти не проникает. Мостовая под ногами сделалась неровной — то ли брусчатка, то ли раскрошившийся асфальт, — а вечная грязь между камнями слегка светилась, так что казалось, будто он шагает по призрачной паутине. Время от времени стены сотрясались словно от подземного барабанного боя, а один раз ему показалось,

будто он слышит нестройный хор голосов, и ни на минуту не смолкало жужжание огромных мух, гнездившихся под крышами.

Теперь Ривас достал нож и то и дело постукивал лезвием по стенам, вдоль которых шел, чтобы обитатели этих домов слышали, что он вооружен. Однако, свернув на запад у Арбо-Вита и оказавшись в лабиринте переулков, лестниц и мостков, он перестал делать это, поскольку само собой разумелось, что всякий, попавший сюда, либо вооружен, либо болен настолько, что представляет собой еще большую опасность.

Мостовая сделалась еще грязнее, а когда одна из ног завязла в грязи по лодыжку, он понял, что мостовая кончилась совсем, хотя дома продолжали тесниться с обеих сторон улицы. На редких перекрестках он останавливался и заглядывал в обе стороны, но те редкие огни, что ему удавалось разглядеть, находились совсем далеко. Он и не заметил, как миновал точку, за которой частью городского пейзажа были людские разговоры. Теперь все, что он слышал изредка, — это вскрики, визг, ругательства и безумный смех, и еще он так и не понял, идет ли за ним по пятам кто-то, то и дело останавливающийся проблеваться, или просто в этот вечер множество венецианцев

страдали расстройством пищеварения.

Наконец он добрался до места, где грязь сделалась неприятно теплой, а стены покрывала мягкая, липнувшая к пальцам дрянь и из трещин в кирпичной кладке с противным бульканьем сочилась какая-то жидкость. По стенам и под ногами копошились сотни маленьких тварей в раковинах, которые больно жалили при прикосновении. Весь туннель — ибо переулки здесь перекрывались эластичной, пористой пленкой — освещался призрачным светом, а влажный ветер менял направление с регулярными интервалами, на несколько секунд задувая Ривасу в лицо, а потом вороша волосы на затылке.

В воздухе стоял сложный букет запахов — раскаленного металла, плесени, гнилых зубов, — а потом туннель сузился до маленького, неровного отверстия, к которому ему пришлось карабкаться по склону вверх, а когда он продрался сквозь него и скатился вниз, он встал на ноги уже на холодной, твердой, нормальной мостовой.

Какое-то мгновение ему хотелось осенить себя крестным знамением, как научила его мать два с половиной десятилетия назад, ибо перед ним, отделенный от него всего одним круто выгнутым мостом через канал, высился Дворец Извраще-

ний.

Глава 10

Перед входом били высоко в воздух красиво подсвеченные фонтаны, да и само здание освещалось самым что ни на есть настоящим электрическим светом, отражавшимся в водах канала разноцветными бликами. Огромная ярко-оранжевая вывеска красовалась над высоким крыльцом, и, ошеломленно читая ее, Ривас заподозрил, что ее повесили туда исключительно ради него одного, ибо надпись на ней была сделана на архаичном языке:

ДВОРЕЦ ИЗВРАЩЕНИЙ.

Стейки, нетрадиционные морепродукты!

Прогрессивные коктейли! Часовня для медитаций! Экзотический зверинец!

Сувениры!

ДЕВУШКИ! ДЕВУШКИ! ДЕВУШКИ! Откровенные зрелища и Оскорбительные звуки.

Миллионы больших жуков бились о светящиеся стеклянные трубки.

То, что он слышал об этом заведении, подготовило его к размерам здания — оно и правда оказалось огромным, в отдельных местах достигавшим шести или семи этажей, — но не к его

безумной архитектуре. Все казалось изогнутым или торчало острыми выступами; Ривас не обнаружил ни одной ровной плоскости, ни одного прямого угла, а щедро наляпанная штукатурка неровностью своей напоминала шкуру животного. Множество неправильной формы окон и дверей располагались настолько хаотически, что казалось, будто их проделали, паля по стенам изнутри из пушки. Правда, каждое окно закрывалось решеткой с изысканным узором. Обилие проемов придавало зданию некоторое сходство со скелетом, усиливавшееся сотнями флагов, огромных вертушек и флюгеров. Из большинства окон струился свет самых разных оттенков, а большая парадная дверь была распахнута настежь, и из нее слышалось громкое пение, весьма напоминавшее гипнотизирующее гудение Соек.

Дрожащей рукой Ривас пригладил волосы и достал из кармана приглашение. Что ж, вот я и пришел, подумал он и двинулся вперед. Он шел медленно, потому что каждый шаг требовал от него нелегкого выбора между необходимостью идти дальше и желанием бежать.

В верхней точке моста он задержался и огляделся по сторонам. Дворец Извращений, как он увидел отсюда, стоял на пересечении нескольких

каналов, втекавших в него сквозь высокие арки. Он спустился с моста и подошел к крыльцу.

Из какого-то неприметного проема вышла и заступила ему дорогу полная фигура в капюшоне. На груди балахона светилась надпись: Я ПРИТАЩИЛ СВОЙ ПРАХ ВО ДВОРЕЦ ИЗВРАЩЕНИЙ.

— Прошу прощения, сэр, сегодня только по приглашениям, — пропел лишенный половых признаков голос.

Ривас протянул ему открытку.

Фигура под капюшоном повернулась к яркому электрическому свету и поднесла приглашение к глазам.

— О, простите! Вы почетный гость! Ступайте прямо: вас ждут.

Вся ситуация и без того уже напоминала сцену из страшного сна, но эта гротескная церемонность окончательно сбила Риваса с толку.

— Спасибо, — сказал он и, поднимаясь по ступенькам, поймал себя на мысли, что переживает за свой небритый вид.

Откуда-то сверху до него донеслось завывающее как ветер пение, и, задрав голову, он увидел деревянные химеры-горгульи, описание которых слышал как-то раз. Они извивались, размахивали суставчатыми деревянными руками и вертели

головами. Ривасу говорили, что эти штуки кричат человеческими голосами, но сегодня он слышал только приглушенный рев, напоминавший голоса хлам-людей в Ирвайне.

Сквозь распахнутые двери он увидел устеленный ковром вестибюль. Он пожал плечами и шагнул внутрь.

В изгибе канала, в нескольких сотнях футов от Дворца, по поверхности воды разбежались круги от всплывшего обескровленного трупа.

Вот так-то лучше, подумало существо под водой. Теперь я хоть думать могу немного яснее. Значит, он считает, он сможет отделаться от меня, зайдя в это место, да? Простачок Грегорио.

Оно подплыло ближе, невольно корчась от жжения и зуда, несмотря на защищавший его слой воды. Он *знает*, как я ненавижу такие места, подумало оно. Вот потому он все время и ходит в них. Ничего, как только я доберусь до него, мы будем ходить туда, куда хочу *я*.

Оно оглянулось назад и вверх на покачивающийся в воде труп. Жаль, что в этом старом алкаше было так мало жизненных сил. Вот чего мне нужно сейчас, подумало оно. Если бы мне удалось высосать кого-нибудь сильного, я сделался бы сильным сам, сильным и твердым, — вот

тогда я запросто заставил бы Риваса покориться.

Мысль эта была так приятна, что существо пробрала дрожь.

Ладно, сказало оно себе, пора двигаться. Нельзя же позволить Ривасу умереть прежде, чем ты до него доберешься. Оно взбрыкнуло лягушачьими лапами и поплыло к одной из арок в стене Дворца Извращений.

Еще одна фигура под капюшоном приблизилась к Ривасу, как только он вошел в низкий зал.

— Вот мы и встретились снова, мистер Ривас, — послышался из-под капюшона женский голос. — Господь будет доволен, что вы сочли возможным так быстро откликнуться на его приглашение. — Капюшон откинулся, и сестра Сью одарила его безумной улыбкой. — Можете считать себя польщенным, — сообщила она. — Он почти никогда не утруждает себя, приглашая кого-либо. По большей части он просто предоставляет им самим *уплывать* на запад.

Ривасу все-таки удалось справиться с инстинктивным желанием удариться в бегство и даже, как он надеялся, скрыть это желание. В настоящий момент, строго напомнил он себе, имеется много всякого, бояться чего стоит куда больше, чем эту девицу.

— Что ж, привет, сестра Сью, — произнес он, решив, что он вполне может проникнуться духом этого вечера. — Какое… нежданное удовольствие.

Изобразив на лице (не слишком, правда, убедительно) оживление, сестра Сью взяла его за руку и повела его по вестибюлю.

— По опыту нашего недолгого знакомства, — сказала она, — я заключила, что вы питаете пристрастие к музыке и выпивке. Первое, как вы наверняка заметили, здесь уже имеется. — Она явно имела в виду двутонное мычание. — Можем ли мы побаловать вас вторым?

Вся эта угрожающая обходительность, начиная с каллиграфического почерка на приглашении и кончая весьма правдоподобной имитацией светской болтовни, изрядно действовала Ривасу на нервы.

— Да, спасибо, — устало буркнул он. — Текила вполне сойдет. — По крайней мере предложение выпить являлось свидетельством того, что они не намерены оглушить его причастием. Запах моря в доме был еще сильнее, чем на улице.

Она провела его через все помещение к лестничному пролету. Они спустились по ступенькам к красиво облицованной разноцветными плит-

ками, хоть и несколько кривобокой арке, и в руку Ривасу сунули стакан.

Он шагнул в проем и едва не выронил стакан из рук. Он стоял на некоем подобии причала в углу огромного собора… или зала, и на мгновение ему даже показалось, что он снова на улице, ибо промозглая сырость и легкий туман мешали разглядеть потолок. Свешивавшиеся на длинных цепях разноцветные фонари подсвечивали туман и отражались в просторном и, судя по всему, глубоком бассейне, занимавшем большую часть помещения. От стен выступали в воду широкие пирсы со стоявшими на них столиками; в нескольких местах через воду перекинулись мостики. Проем, через который попал сюда Ривас, был самым маленьким из дюжины окружавших зал по периметру, и Ривас испытал короткий, но острый приступ паники, сообразив, что зал и все в нем — пирсы, мосты, сходящиеся высоко над головой каменные своды — выглядит до жути хлипким. Колонн бы им раза в два побольше, подумал Ривас.

Большие многоугольные плоты свободно плавали по глади бассейна, и когда глаза Риваса свыклись немного с ошеломительными размерами помещения и обрели способность видеть

относительно небольшие предметы, он разглядел, что на каждом плоту стоят столы, стулья и свечи, а в большинстве случаев и компании посетителей. Между плотами сновали в маленьких гондолах официанты; время от времени волны, поднятые ими, раскачивали плоты, вызывая ругань обедавших.

Один плот в самом центре искусственной лагуны оставался неподвижным — возможно, его удерживали на месте якоря. Вместо стола в нем виднелось несколько отверстий, пустых за исключением среднего и самого большого, в котором бултыхалось что-то, что Ривас принял за кожаное кресло. Пахло здесь так же, как в Ирвайне, — смесью рыбы и помоев.

Сестра Сью позвонила в подвешенный у входа колокол, и, хотя звук был не такой уж и громкий, разговоры за всеми столиками разом стихли. Монотонное пение тоже прекратилось, а предмет, который Ривас принял за кожаное кресло, выпрямился и оказался выступающей из воды верхней частью человеческого туловища с лысой головой, темной кожей — настолько растолстевшего, что Ривас с трудом поверил своим глазам.

— Мистер Ривас, — послышался липкий шепот, отдавшийся эхом в многочисленных каменных

арках. — Как мило с вашей стороны посетить нас. — Тут до Ривaса дошло, что это, должно быть, и есть сам хозяин, Нортон Сойер, Властелин Ирвайна и Венеции.

Ривас вспомнил о зажатом в руке стакане и сделал большой глоток. Это оказалась самая настоящая текила, и ее горьковатый вкус стал утешительным свидетельством того, что нормальный мир все-таки еще существует где-то за пределами этого зала.

— Мистер Сойер, насколько я понимаю? — громко ответил он, но, услышав, как оглушительно возвращает эхо его собственный голос, понял, что может говорить, практически не повышая его: кто бы ни строил это помещение, про акустику он явно не забывал. — Или уместнее обращаться к вам, как к мистеру Севативидаму? Удачное время для знакомства. — Клево, похвалил он себя. Очень даже клево.

Одна из гондол стукнулась о причал рядом с ними; лодочник удерживал ее на месте шестом. Ривас с улыбкой взял сестру Сью под руку, словно помогая ей шагнуть в лодку, но она улыбнулась в ответ, и улыбка ее была полна мстительного наслаждения.

— Ты первый, братец, — произнесла она. Гондо-

льер придержал лодку, пока Ривас устраивался в ней со стаканом в руке; сестра Сью легко спрыгнула на борт следом за ним. Она ткнула ему в спину чем-то твердым.

— Господь хочет тебя живым, так что я не застрелю тебя насмерть, — ободряюще сказала она. — Но если попробуешь дурить, я с радостью оставлю тебя без локтя.

— Не сомневаюсь, это возбудит вас всех, — согласился Ривас.

Гондольер оттолкнулся шестом от борта бассейна, и маленькая лодка легко скользнула прочь от берега. Они миновали плот с посетителями, и Ривас с любопытством покосился в их сторону. Странная это была компания: некоторые — обычные, грязные любители Крови, которых какой-то шутник нарядил в шапочки из фольги и красные обезьяньи жилеты; у других холеные лица, элегантная одежда и аристократические манеры. Однако по какой-то неизвестной Ривасу причине лица тех, кто еще не сошел с ума, носили несколько встревоженное выражение.

Продолжая изображать улыбку — как он надеялся, не беспокойную, но уверенную, — он прикидывал возможные способы выбраться отсюда. Пришедшую ему первой на ум мысль

выхватить нож и использовать Сойера в качестве заложника он отмел сразу же как нереальную: этот тип был слишком толст, чтобы легко стронуть его с места, да и вообще, коснувшись его, вполне можно было схлопотать нежелательную дозу причастия. Сью, а возможно, и другие, держали наготове пистолеты, так что попытка доплыть до входа тоже исключалась. Однако высокие арки, похоже, соединяли эту лагуну с каналами на улице. Возможно, он смог бы выплыть по одному из них.

А в это время сквозь одну из арок с восточной стороны в зал вплывало, держась в нескольких футах под водой, существо, вглядывавшееся большими глазами в колыхающиеся пятна света наверху. Оно остановилось и завертело головой на длинной, тонкой шее, словно изучая плававшие наверху плоты.

Гондола приблизилась к плоту Сойера, и Ривас неохотно встретился взглядом с хозяином. Глаза у того почти спрятались в складках жира, но Ривас все же увидел в них ухмылку, словно происходящее до предела забавляло их обладателя. Ни дать ни взять папаша, наблюдающий за школьным спектаклем, подумал Ривас.

— Вы кое-что знаете, — пророкотал Сойер. —

Но советую вам быть осторожнее. Знание — яд. Скажем, то, что вы произнесли вслух мое истинное имя, означает, что некоторому количеству этих, — он широко улыбнулся и повертел своей огромной головой-тыквой, глядя на окружавшие его плоты, — людей придется сегодня умереть. — Риваса даже удивило немного то, что обедавшие на соседних плотах отреагировали на эту радостную новость максимум унылыми выражениями лиц.

Гондола стукнулась о край плота.

— Вылезай, братец, — сказала сестра Сью.

Ривас допил текилу, поставил стакан на деревянный настил плота и выбрался следом, ухитрившись не свалиться при этом в воду. Впрочем, он держался пригнувшись, не столько из боязни потерять равновесие, сколько из нежелания показать другим, как неуютно ощущает себя, находясь так близко от существа, называющего себя Сойером.

Как он увидел теперь, в воде под каждым прорезанным в плоту отверстием находилось сиденье.

— Прошу вас, садитесь, — радушно произнес хозяин.

— Э… да, конечно. Спасибо. — Ривас погрузился в одно из них, и к страху добавилось ощущение

неловкости за свой дурацкий вид. Вода оказалась холодной.

Сестра Сью ловко, без видимых усилий выбралась из гондолы и скользнула в отверстие с противоположной от Риваса стороны плота. Улыбка ее оставалась такой же безмятежной, и автоматический пистолет она держала с непринужденной уверенностью профессионала.

Сойер, покачиваясь надувным мячом в большом центральном отверстии, ласково улыбнулся Ривасу.

— Что ж, — весело возгласил Мессия, — как вы сказали, это действительно удачное время для знакомства. Если честно, я полагаю, сэр, что вы знаете меня лучше, чем кто бы то ни было другой. Многие люди пробовали и Кровь, и причастие, но вы, наверное, первый, кто разработал методы защиты от того и другого! Даже, — он хитро подмигнул Ривасу, — в *других местах* никто не смог заглянуть в мою природу, что удалось вам.

Ривас хмуро улыбнулся, поскольку только сейчас понял главную причину, по которой он принял приглашение: показать этому скользкому межзвездному угрю, что он и правда знает его тайну. Если бы он просто оставил приглашение без внимания и вернулся в Эллей, это не только

обрекло бы Ури, но и позволило бы Севативидаму считать, что Ривас недостаточно умен, чтобы понять, от кого оно пришло.

— Видите вон тех людей с винтовками на плотах по периметру бассейна? — продолжал Сойер. — Подобно тому сойеру, с которым вы познакомились на стадионе Серритос, они глухи. По другой причине, но глухи — на случай, если сегодня здесь откроются самые сокровенные тайны. Это потребует смерти всех, кто их услышит, кроме меня и, не исключено, вас, — а мне не хотелось бы оставаться без присмотра. — Он перехватил обращенный на сестру Сью взгляд Риваса. — Да, мой мальчик, — вздохнул Сойер, — даже нашей дорогой сестре Сью придется умереть, если некоторые вещи будут произнесены вслух.

Улыбка сестры Сью не померкла ни на мгновение.

Ривас обнаружил, что не испытывает никакого соблазна крикнуть, скажем: *«Это психический вампир из далекого космоса!..»* — и ему показалось, он заметил в ее взгляде некоторое подобие удивления.

— И, — продолжал Сойер, — поскольку вы узнали обо мне так беспрецедентно много, я сделаю вам беспрецедентное предложение. — Он улы-

бался — все за этим столом улыбались, — и Ривас не мог прочитать на его лице, действительно ли тот хочет предложить ему что-то, или просто забавляется. Блин, ну и толст же этот чувак! — Я хочу, чтобы вы присоединились ко мне, — сказал Сойер.

— Слился с Господом? — сухо спросил Ривас.

— Нет, не слились — связались. Не сомневаюсь, вам не раз приходилось видеть людей с присоединенными к их телам недоразвитыми близнецами. Я предлагаю вам возможность сделаться таким отростком — в психическом, конечно, смысле, а не в физическом. — Он хихикнул. — Вот и еще пятеро-шестеро наших гостей, считай, мертвы.

Кое-кто из сидевших на соседних плотах кликнул официанта и потребовал выпить, и Ривас тоже поднял руку.

— Но почему бы нам просто не отпустить остальных? — спросил он, жалея, что не додумался до этого раньше.

— Может, кто-то из вас хотел бы уйти? — поинтересовался Сойер. Никто не подал голос, ни одной руки не поднялось. Он выждал, пока Ривасу принесут новую порцию текилы. — Ну, как вам мое предложение? — спросил он наконец.

Ривас сделал большой, задумчивый глоток.

— Дайте подумать, — сказал он. — На слух оно неискренне, невероятно и уж решительно, абсолютно непривлекательно.

На соседних плотах заахали, и даже сестра Сью выглядела несколько потрясенной.

Впрочем, сам Сойер только добродушно рассмеялся в ответ, и его сочное «хо-хо-хо» отдалось эхом в каменных сводах зала и в самых отдаленных его закоулках, откуда на них смотрели остальные, находившиеся в менее рискованном положении гости.

— Ах, — вздохнул Сойер. — Хорошо, позвольте объяснить вам это подробнее — кстати, это поможет нам увеличить число жертв среди наших гостей, — за ужином, а?

Должно быть, это послужило условным знаком, поскольку к плоту тут же подплыл на гондоле официант и ловко положил перед сестрой Сью, Ривасом, Сойером и двумя незанятыми отверстиями ламинированные прозрачным пластиком меню. Ривас покосился на Сойера и вопросительно приподнял бровь.

— Ах, друг мой, — улыбнулся Сойер. — Вы с сестрой Сью так хорошо знакомы, что я начинаю ощущать себя третьим лишним! Что ж, раз так,

я тоже не откажусь от женского общества — и поскольку меня так много, хе-хе, я приглашу сразу *двоих*.

Мгновенно вспыхнувшее у Риваса подозрение подтвердилось, стоило ему бросить взгляд за ухмылявшегося Мессию. К обеденному плоту Сойера скользила гондола побольше, и в ней сидели две пассажирки: сестра Уиндчайм и — хотя для полной уверенности ему пришлось сощуриться и подождать, пока они подплывут поближе, — Урания Бёрроуз. Ури явно только что плакала; сестра Уиндчайм казалась бледнее и изможденнее, чем запомнилась Ривасу по тем дням, когда они вдвоем возвращались в Шатер Переформирования, но рот ее оставался сжат в жесткую, решительную линию.

— Ага, я вижу, с этими юными леди вы тоже знакомы! Право же, сэр, я завидую кругу ваших знакомств! — Сойер зашелся хохотом, от которого его жирное тело затряслось, как огромная порция желе.

— Зачем они здесь? — спросил Ривас по возможности ровным голосом.

— Исключительно для оживления нашей беседы, — с видом оскорбленной невинности развел руками Сойер. — А также в качестве ил-

люстрации к одной-двум историям, что я могу рассказать.

Гондола застыла рядом с плотом. Гондольер шепнул что-то сидевшим в ней женщинам, сестра Уиндчайм забралась на плот и опустилась в одно из двух свободных отверстий, но Ури мотнула головой, и по щекам ее снова покатились слезы.

— Пожалуйста, — всхлипнула она. — Разрешите мне просто вернуться в…

Гондольер коснулся ее шеи, она охнула, как от боли, послушно полезла на плот и со всплеском, забрызгавшим четверых ее соседей, заняла свое место.

Левая рука Риваса скользнула было к правому рукаву, и только тут он вспомнил, что переложил нож в воротник; тем временем лодочник уже оттолкнул гондолу от плота, и Ривасу ничего не оставалось, как крепко-накрепко стиснуть зубы.

— Что ж, вот мы все и собрались, — весело объявил Сойер. Он схватил свое меню и, приподняв брови, оглянулся на остальных, так что они, даже Ури, последовали его примеру.

Ривас как-то не очень удивился, заглянув в меню, тому, что Дворец Извращений специализировался на самых экстравагантных разновидностях венецианской кухни.

— Полагаю, — повернулся Сойер к официанту, ожидавшему наготове за его спиной в маленькой гондоле, — я закажу печень окуня-мутанта в соусе из контрастного фиксажа. Впрочем, — добавил он, назидательно подняв палец, — вам, остальным, я не советовал бы этого на горячее. — Он повернулся к сестре Сью.

— *Un plato de legumbres,*[12] — сказала она, возвращая меню официанту.

Сестра Уиндчайм изучала меню, и до Риваса дошло, что она умеет читать: как и езда верхом, это было редкостью, да и не только среди женщин.

— *Y para mí la gallina en mole, por favor,*[13] — сказала она.

Ури с несчастным видом озиралась по сторонам. Она совершенно очевидно не узнавала Риваса.

— Ну, не знаю, — пискнула она. — Может, пару *tacos*? С мягкой корочкой, и сыру побольше, но без сальсы. — Ривас сообразил, что так и не знает, умеет Ури читать или нет.

Официант повернулся к нему. Что ж, можно и побаловать себя, подумал он, тем более что это,

---

[12] Примечания: 12
Тарелку овощей. (*исп.*)

[13] Примечания: 13
А мне курицу в соусе, пожалуйста. (*исп.*)

возможно, мой последний ужин.

— Дайте подумать, — произнес он, театрально заламывая бровь. Безумие всей этой ситуации — мужчина, не исключено, что голый, сидевший перед ним, подводные сиденья, красиво оформленные меню, парадные костюмы и шапочки из фольги за соседними столами, перспектива попробовать отравленную еду под самыми изысканными соусами и приправами — вызывало у него острое желание истерически хихикнуть. — С вашего позволения я бы выбрал *camarones del diablo*[14].

— Ах, сэр, — с виноватой улыбкой сообщил официант, — это блюдо подается только с креветками-мутантами. — Он развел руками, показывая размер креветок-мутантов.

— Отлично, — равнодушно махнул рукой Ривас. — И к этому, пожалуйста, пару бутылок «Дос Экис».

— И бутылку рислинга «Санта Барбара» для дам, — добавил Сойер. — А мне с этим джентльменом бутылку текилы и графин «Сангриты».

Официант кивнул, собрал оставшиеся меню и уплыл.

---

[14] Примечания: 14
дьявольские креветки. (*исп.*)

— Хотя в тот момент я не понял, что это такое, — сообщил Сойер Ривасу, — я ощущал ваше проникновение в мои воспоминания, когда вы использовали боль для борьбы с Кровью. — Он сложил пальцы пистолетом и ткнул ими в ближних гостей. — Бах, бах! — Он повернулся обратно к Ривасу. — Поэтому мне кажется, вы поймете то, что я намерен вам сказать. Я обнаружил в этих местах знания — технические знания, — которые, пусть в настоящее время ими и пренебрегают, заставляют меня поверить в то, что без жертвования туземным телом и расточительного расходования личной энергии при покидании этого… места можно и обойтись. Понимаете? Я убежден, что тело можно сохранить, соорудив машину, в которую оно помещается и которая переносит его в следующее… место.

Ривас едва удержался от восклицания: *«Космический перелет!»* Вместо этого он просто кивнул.

— Вы понимаете, что я имею в виду, — заметил Сойер, одобрительно качая головой. — И если вам случилось посмотреть на юго-восток во время вашей прогулки по задворкам Священного Города, вы, возможно, видели мой мыс Канаверал. Бах! Бах! Бах! И мне известно, что вы имели возможность беседовать с одним из

побочных производных, известных как… ну, вы понимаете, что я имею в виду. И вам известно, какими возможностями к самовосстановлению и самоисцелению оно обладает моими стараниями. Поэтому вы понимаете: я предлагаю вам, мой мальчик, бессмертие и невообразимые путешествия, а также больше знаний, чем имел когда-либо любой из живших… не считая, разумеется, меня.

Ривас сделал еще глоток и покачал головой — скорее удивленно, чем в знак отрицания.

— Возможно, я, — медленно произнес он, — возьму назад эпитет «невозможное». Давайте рассмотрим «неискреннее». Почему я? Вам-то это зачем?

— Пожалуйста! Касательно того, что с этого имею я, признаюсь, в настоящее время несколько… как бы это сказать… распылился, рассредоточился… Словно фермер, взрастивший обширные поля богатого урожая, но у которого нет ни батраков, ни лошадей, а всего две-три корзинки. К тому же десять лет назад я по глупости позволил себе… гм… экстравагантную *шалость*, вымостившую Священный Город стеклом. Бах! Бах!

Ривас кивнул, припомнив внезапную ослепительно белую вспышку в воспоминаниях Сойера.

— Поэтому, — продолжал Мессия, — я пришел к выводу, что полноправный партнер куда полезнее обилия ничего не знающих работников, которые могут плавать туда-сюда между этим местом и Ирвайном — бах! — но не могут проследить за тем, чтобы все действовало как надо, и, возможно, помогать мне полезными советами; в конце концов, мне весьма нужна точка зрения умного и информированного туземца. Мы можем представить вас как этакого современного святого Павла — некогда беспощадного гонителя истинной веры, но ныне просвещенного и прощенного, одного из ее крепчайших столпов! Как вам? Мне нравится. Грег, Грег, что ты гонишь меня?

Он довольно хихикнул.

— Что же до того, — продолжал он, — почему именно *вы*... Дружище, да вы себя недооцениваете! Я ведь тоже узнал о вас кое-что за время наших недолгих психических контактов. Ба, да ведь до сих пор за все мои путешествия, клянусь, я не встречал настолько родственной мне души! Признайтесь же: другие существа интересуют вас лишь в той мере, в какой они являются для вас забавой или, напротив, помехой. Подобно мне, вы с жадной бесцеремонностью потребляете

все, что можете получить от них, и совершенно безразличны к тому, что станет с ними после; собственно, сам вид их после вам противен, словно вас заставляют доедать остывшие, заветрившиеся остатки трапезы! И, подобно мне, средоточием всех ваших интересов, если убрать притворство и позу, единственным, достойным вечного восхищения, являетесь *вы сами*. Мы с вами великолепно понимаем друг друга, мой мальчик. Мы можем, не притворяясь во взаимной страсти, неплохо помогать друг другу. Мы ни с кем не сливаемся, мой мальчик. Мы потребляем. Вы и я всегда сами по себе. Так сказать, держащиеся особняком частицы целого. — Сойер хрипло рассмеялся. — Мы с вами два сапога пара.

Ривас смотрел в жирное, ухмыляющееся лицо и понимал, что никто не проникал в его душу так глубоко.

— Так как, — сказал Сойер, — является ли мое предложение… как вы его охарактеризовали… «решительно, абсолютно непривлекательным»?

— Нет, — признался Ривас.

Никто из сидевших за столом-плотом женщин, казалось, не уделял их разговору особого внимания — Ури смотрела Сойеру в рот вне зависимости от того, говорил он или нет, а сест-

ра Уиндчайм упорно смотрела на свои руки с болезненно-напряженным видом человека, проглотившего слишком большой кусок, — однако сейчас сестра Уиндчайм подняла голову и встретилась взглядом с Ривасом. Боль и обида в ее глазах удвоились.

Господи, детка, подумал Ривас, да я ведь *соглашаюсь* с твоим чертовым Мессией, с твоим драгоценным богом.

Гондола вернулась, нагруженная дымящимися подносами, и официант ловко расставил нужные подносы перед нужными людьми, а потом подал напитки.

— Но, боюсь, — добавил Ривас, дотрагиваясь для уверенности до выпуклости в воротнике, — боюсь, что я отвечу отказом.

Сойер застыл с поднесенной к своему огромному рту вилкой какой-то светящейся гадости и снисходительно улыбнулся.

— Вы уверены, мой мальчик? Скажите папочке, почему?

Ривас допил текилу и налил себе новый стакан.

— Ну… — почти довольным голосом произнес он, совершенно уверенный в том, что ему не покинуть Дворца Извращений живым, а следо-

вательно, бояться ему уже нечего, что бы он ни сказал. — Благодаря… благодаря лысому мальчишке, который умер в куче отбросов. И груде старых запчастей, умершей на стеклянной равнине. И убийце-своднику, умершему из верности. И шлюхе, обладающей чувством справедливости. Я вас еще не утомил? И благодаря сестре Уиндчайм, сохранившей сострадание, как вы ни пытались выбить его из нее. И благодаря самой эгоистичной части Грега Риваса, которая плавает где-то в канале.

— Я все понял, мой мальчик, — мягко произнес Сойер, откладывая вилку. — Что ж, раз так, вам не помешает небольшое представление, не так ли?

— Нет, — неуверенно произнес Ривас.

— Я знаю, что вы хотели сказать вовсе не это. — Сойер улыбнулся и хлопнул в пухлые ладоши. — Мне нужно несколько добровольцев из присутствующих! — крикнул он. Словно кто-то разом дернул за несколько невидимых нитей, с полдюжины людей повскакивали со своих мест в разных частях зала.

— Один из официантов сейчас подгонит лодку, — крикнул им Сойер. — Я буду вам весьма признателен, если вы все погрузитесь в нее, чтобы он подвел ее вот сюда, напротив моего плота.

На глазах у Риваса шесть человек, в том числе три женщины, по очереди сели в лодку, которую один из официантов тащил на буксире за своей гондолой. В конце концов полностью загруженная лодка остановилась, покачиваясь, прямо перед плотом Сойера.

— Привет, — улыбнулся Сойер ее пассажирам.

— Привет, — отозвались те.

— Как настроение? Вам здесь нравится?

— Конечно, — ответил нестройный хор. — Не то слово! Высший класс!

— Рад слышать, — заверил их Сойер. — А теперь я хочу, чтобы вы все слушали меня внимательно, идет? Будьте добры, встаньте — осторожнее, ведь вы не хотите же упасть в воду, нет? Так, теперь смотрите прямо на меня и вытяните руки перед собой ладонями вверх, словно несете блюдо.

С веселыми улыбками все шестеро выполнили его команду и, потолкавшись немного локтями, встали лицом к плоту Сойера, выставив перед собой чуть согнутые руки.

— Знаете, что вы держите в руках? — спросил Сойер. Они замотали головами, переглянулись и мотнули еще раз. Ривас заподозрил, что они загипнотизированы.

— Так вот, каждый из вас держит в руках

собственное лицо, — настойчиво произнес Сойер. — Вы все стоите здесь, держа в руках свои лица, а головы у вас гладкие, как яйца! Вы все абсолютно одинаковы! Боже праведный, только не *уроните* свои лица и не спутайте их с чьими-то другими!

Никто из шестерых не шевелился, разве что переступал, сохраняя равновесие в покачивающейся лодке, или облизывал пересохшие губы. Впрочем, теперь они и вовсе застыли. Руки свело от напряжения.

— Вы даже говорить не можете! — продолжал Сойер. — Вы просто яйца. — Он взял со стола солонку и бросил ее в воду. Выражение лица его не изменилось, но в голосе зазвучала паника. — Боже, вы их уронили! Вы все уронили свои лица в воду!

Все шестеро разом бросились в воду, едва не перевернув свою лодку и забрызгав плот Сойера.

— А вы, сэр, — спросил Сойер, поворачиваясь к Ривасу, — вы крепко держитесь за свое лицо?

— Да. — Ривас вглядывался в взбаламученную воду.

— Ах! И никогда не испытываете сомнений, глядя в зеркало? Вот вам вопросец: если ни одного зеркала поблизости нет, на месте ли еще ваше

лицо? Вы совершенно уверены? — Он проследил направление его взгляда. — Ох, ох, нет, мой мальчик, обратно они не выплывут. Так как?

Ривас снова невольно дотронулся до выпуклости у воротника.

— Я… я не знаю.

— Личность может распадаться, — сказал Сойер. — Я предлагаю вам шанс укрепить свою и сохранить ее навсегда — но *они* могут распадаться. — Он выставил пухлый палец и наклонился в сторону сестры Уиндчайм. — Слейся с…

— Нет, — резко бросил Ривас.

Урания перестала жевать свои *tacos* и беспокойно подняла взгляд.

Сойер посмотрел на Риваса с наигранным удивлением.

— Прошу прощения?

— Не причащайте ее.

Сестра Уиндчайм не пошевелилась, но продолжала пристально смотреть куда-то вниз, стиснув вилку с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

— Но вы тоже выиграете от этого, — пообещал Сойер Ривасу. — Мы ведь будем делиться, если согласимся связаться. Я в настроении потребить сегодня обеих этих девушек до самого донышка

— пусть на улицах Венеции сделается парой *покалокас* больше. Бах! Бах! Но, конечно, если *мой партнер* возражает, я не буду делать этого. Вы ведь мой партнер?

Что-то подсказало Ривасу, что ответь он «да», и он не сможет потом взять своего согласия назад; поэтому он вытянул губы и быстро насвистел первые десять нот «Пети и Волка», отбив одновременно ритм ножом и вилкой по настилу плота.

Несколько событий произошло одновременно: Сойер обмяк и оцепенел, сестра Сью в первый раз за весь этот вечер выказала нескрываемое удивление, а пущенный из рогатки камень размером с мячик для гольфа ударил Ривасу в солнечное сплетение. Риваса едва не выдернуло с его мокрого кресла, и на какое-то мгновение он свесился головой с края плота, глядя вниз, в воду. Потом его сведенные болью мышцы расслабились, и он перекатился назад и вперед, зацепив свою тарелку, от чего креветки-мутанты разлетелись по деревянному настилу. Некоторое время он лежал так, захлебываясь рвотой в отчаянных попытках набрать воздуха в свои измученные легкие. Ему показалось, что глубоко в воде что-то мелькнуло, но боль в груди помешала ему уделить этому больше внимания.

Когда Ривас, все еще задыхаясь, выпрямился, Сойер уже пришел в себя и озирался по сторонам.

— Браво! — произнес толстяк с несколько наигранной бодростью. — Вам это удалось, мой мальчик. Также верно, как если бы вы чиркнули ей ножом по горлу. Мне очень жаль, сестра Сью, но Ривас убил тебя.

Сестра Сью ослепительно улыбнулась Ривасу и погладила свой автоматический пистолет.

Урания, которая, похоже, не слишком следила за всем происходившим, вдруг вздрогнула.

— Ривас? Грег?

Ривас кивнул, а чуть позже смог выдавить из себя и хриплое «да».

— Я здесь… — сумел добавить он еще через пару секунд, — …спасти тебя. — Он посмотрел на Сойера. — Так вот… вот почему никаких музыкантов… даже в годы ренессанса, который вы… искусственно нам устроили? Потому что музыка… оглушает вас, да?

Сойер помахал своими толстыми ручищами.

— Вы все мертвы! — крикнул он людям на мостах и пирсах. Потом помахал людям на плотах. — Все! — Он опустил руки и повернулся к Ривасу. — Да, именно поэтому. И именно поэто-

му я все еще пытаюсь подавить ее, и поэтому *покалокас* забивают всех, кто хотя бы насвистит мелодию. Ну, не вся музыка оказывает такой эффект, но я полагаю, лучше уж перестраховаться. В основном это относится к сложным ритмам, которые вы называете пальбой. Судя по всему, волновые частоты моего мозга каким-то образом реагируют на ваши музыкальные частоты и размеры и подавляются ими. Разумеется, если вы попробуете повторить это, моя глухая охрана снова заставит вас замолчать, и мне придется приказать им завязать вам глаза и вставить в рот кляп, чтобы вы не испытывали желания вмешаться, пока я буду опустошать этих двух милых дам самым приятным для меня образом. — Он ухмыльнулся. — Знаете, химический состав морской воды действует на меня потрясающе живительным образом, для того мне и нужно такое обилие каналов. — Улыбка его сделалась шире и добрее. — Право же, я искренне верю в то, что мы понимаем друг друга. И я не вижу, зачем вам нужно время, чтобы обдумать мое воистину щедрое предложение. Поэтому я не дам вам больше времени.

Он снова потянулся пальцем к сестре Уиндчайм.

— Так ты сольешься со мной или нет? Отвечай же!

* * *

Ривас вспомнил тень, промелькнувшую в воде под плотом, и с запозданием понял, что это было. Поначалу-то он решил, что это труп одного из нырнувших за своим лицом… но тот шевелился.

Он вспомнил, как неуютно чувствовал себя Севативидам… да что там, тот просто боялся — на планете плавающих шаров и моржеподобных существ. Когда все эти моржи погибли, там остались плавать между упавшими шарами голодные твари… разумные копии настоящих обитателей планеты, возникавшие каждый раз, когда туземцы принимали причастие Севативидама, испытывая особо острую боль… И ведь Севативидам действительно боялся их, ибо, хоть попытка опустошить его убила бы дерзкую копию, попросту перегрузила бы ее энергией, это нанесло бы ущерб и самому Севативидаму…

Ривас задумчиво придавил средний палец зубами — прикусив его при этом до крови, хотя постарался даже не поморщиться от боли. Потом опустил руку в воду рядом с погруженным в нее креслом и принялся ждать.

Прости меня, подумал он, стараясь спроециро-

вать мысль, как проецировала свои мысли его душа четыре дня назад, паря над Шатром Переформирования. *Я твой,* думал он, *приди и возьми меня. Прости, что я делал тебе больно, прости, что бежал от тебя. Приди и возьми мою кровь.*

Палец Севативидама придвигался все ближе к сестре Уиндчайм.

— Стойте! — рявкнул Ривас. Он ощутил в воде движение — совсем рядом с рукой. — Я отдаю вам себя — во всяком случае, ту часть меня, которая больше всего вас интересует.

— Мой дорогой мальчик, — произнес Севативидам, опуская руку.

Ривас ощутил, как в руку его впиваются зубы. Он вовремя удержался от вскрика и улыбнулся — а потом, извернувшись как человек, пытающийся зажечь спичку о штанину, выдернул хемогоблина из отверстия.

На какое-то мгновение все изумленно застыли. И этого мгновения ему хватило, чтобы швырнуть пискнувшую тварь прямо в лицо Севативидаму и, продолжая это же движение, выброситься из своего подводного кресла, перекатиться кубарем через плот — он успел еще услышать хлопки выстрелов и свист пролетающих совсем близко пуль — и нырнуть в воду, уже под водой выхва-

тывая укушенной рукой нож.

Он не имел ни малейшего представления, что делать дальше. Возможно, этим своим ходом он подписал смертный приговор себе, Ури и сестре Уиндчайм; впрочем, он не сомневался в том, что все они и так обречены.

А потом его оглушил тяжелый грохот, сопровождаемый громким бульканьем. Что-то очень большое и тяжелое со всей силы врезалось в воду. Грохот продолжался, и, решив, что происходящее, чем бы это ни было, может по крайней мере отвлечь стрелков, он вынырнул на поверхность.

Грохот здесь стоял еще более громкий, чем под водой. Над головой что-то трещало и сыпалось, визжали падающие люди, ружейный огонь не стихал, хоть и велся вслепую, однако внимание Ривaса было приковано к плоту, который он покинул всего несколько секунд назад, — и не только из-за скрюченной от боли фигуры сестры Сью, явно схлопотавшей по меньшей мере одну из предназначавшихся Ривасу пуль.

Человек, пытающийся кричать, надувая при этом воздушный шар, возможно, издавал бы такие звуки, какие слышались сейчас со стороны Севативидама. Приглядевшись, Ривас заметил, что туша Севативидама заметно уменьшилась в

размерах. Худеющие на глазах руки Мессии рвали на куски прозрачную, светящуюся мембрану, обволакивавшую его голову, и за те две-три секунды, что потребовались Ривасу, чтобы доплыть до плота и забраться на него, интенсивность свечения мембраны — пульсировавшей и дергавшейся независимо от попыток Севативидама сорвать ее — удвоилась, потом утроилась, а потом по ней начали перебегать языки бледного пламени.

Еще один тяжелый предмет упал сквозь затянутый дымом воздух и поднял фонтан воды. Ривас сообразил, что это рушатся каменные своды, что все это здание разваливается к чертовой матери. И все оттого, что Севативидам лишился сил?

Сестра Уиндчайм уже выбралась из своего кресла, и Ривас повернулся к Ури.

— Вставай! — крикнул он. — Ну, давай же! Нам надо убираться отсюда!

Ури всхлипнула и протянула руки — одна из которых продолжала сжимать недоеденную *taco* — к Сойеру.

— Господи, спаси нас! — взвыла она.

Ривас опустил нож, отвел назад левую руку, сжал ее в кулак — и очень осторожно, но с силой двинул ее по подбородку. Рот ее на мгновение открылся — и тут же с лязгом зубов закрылся,

когда голова ее упала на доски плота.

— Достань лодку! — крикнул он сестре Уиндчайм. — Сажай ее туда и садись сама. — Он снова взял нож наизготовку и повернулся к Сойеру. Просвистевшая пуля буквально обожгла ему кончик носа, поэтому он придвинулся ближе к Мессии, почти обняв его.

Находиться так близко от него было нестерпимо горячо, ибо хемогоблин полыхал ярким пламенем, но сквозь его испаряющееся тело Ривас видел глаза Севативидама, смотревшие только на него, полные боли и обещания мести.

Ривас подмигнул ему и сквозь липнувшее к Севативидаму тело хемогоблина вонзил нож тому в смуглую грудь. Ему пришлось поискать острием, прежде чем он нашел зазор между ребрами.

Странная вещь случилась, когда он выдернул лезвие: горящий хемогоблин начал втягиваться в Севативидама подобно воде, втягивающейся в слив ванны, когда выдернешь пробку. Теперь в глазах виднелся страх и еще что-то… мольба?

Ривас так и не понял, делает ли он это по собственной воле: он полоснул ножом по складчатому горлу и, отпрянув от фонтана крови и вытерев глаза рукавом, чтобы видеть хоть что-то, заметил угловатый предмет размером с большой

палец, появившийся из разреза и зависший в воздухе перед его лицом.

Предмет дернулся, стряхивая с себя кровь, и Ривас увидел, что это кристалл.

За его спиной сестра Уиндчайм нашла гондолу и с трудом укладывала в нее безжизненное тело Ури. Стрельба стихла, но камнепад делался все сильнее, вода бурлила, воздух наполнился брызгами, а сквозь обвалившиеся части стен и сводов виднелось все больше звездного неба. Надо было спешить, но Ривас медленно протянул руку и взял кристалл.

В голове его сразу же послышался голос: *«Проглоти меня. Ты победил. Ты босс. Я буду работать на тебя. Проглоти меня»*.

Он знал, что это означает: вечную жизнь, всегда помня, кем он был, с причудливой границей между тем, что составляло его, и тем, что не составляло; неуязвимость… и бесчувственность.

Неделю назад он мог бы и соблазниться. Он затолкал кристалл в бутылку текилы и крепко закупорил ее.

Он оглянулся. Сестра Уиндчайм залезла в гондолу к Ури и держалась за край плота, но терпение ее явно иссякало. Ривас швырнул бутылку в лодку и прыгнул следом. В зале стало темно: почти все

лампы погасли, поэтому, даже услышав похожий на глухой кашель звук обваливающейся части кровли и подняв в бесполезной тревоге взгляд, он так и не увидел камня, свалившегося сквозь задымленный воздух прямо ему на голову.

Глава 11

Шайка *покалокас*, большинство которых щурилось на яркий солнечный свет, грозным смерчем прошлась по улице, откуда слышалось пение. Народ разбегался перед ними, прятался в подъездах и подворотнях и с опаской выглядывал им вслед, когда они проходили.

Скрючившись высоко на пожарной лестнице, Урания Бёрроуз подождала, пока они скроются за углом. Когда шум стих, она вздрогнула и крепче схватилась за перила, потому что взгляд ее отказывался фокусироваться. *Покалокас* были грубыми, грязными созданиями, Урания понимала это, но каждый раз, когда группа их проходила мимо, ей хотелось присоединиться к ним. Она чувствовала, что у них имеется нечто, что было у нее раньше и чего ей теперь не хватало.

Через некоторое время глаза ее вновь обрели способность видеть, она ослабила хватку и вспомнила, как сердится Барбара, когда она теряет время попусту вот так, поэтому она торопливо спустилась по железным ступенькам на улицу и поспешила в направлении, противоположном тому, куда направлялись *покалокас*, пока не

добралась до фургона Барбары. Должно быть, Барбара наблюдала за ней, поскольку Урании оставалось еще несколько шагов до фургона, а та уже отворила заднюю дверь и протянула руку, помогая ей забраться внутрь.

— Спасибо, сестра Уинд… — начала было Урания.

— Теперь просто Барбара, — перебила та. Урания залезла в фургон и закрыла за собой дверь. — Могла бы и запомнить. Ты долго следила за ними?

— Три-четыре квартала, — сказала Урания, прислонившись к стене напротив занятой койки и моргая в полумраке.

— В какую сторону?

Урания устало мотнула головой.

— Не знаю я сторон. Я…

— Запад у нас за спиной, — перебила ее Барбара. — Восток впереди. Север — там, где канал, а юг — где овощная лавка.

— А я думала, север всегда впереди.

Барбара зажмурилась на секунду. Потом открыла глаза.

— Так в какую сторону? — повторила она.

— Э… Вон туда… к морю.

— Что ж, это кстати. — Барбара покосилась на

неподвижную, забинтованную голову Риваса, нахмурилась и подошла к его койке.

Урания двинулась было к посыпанным сахарной пудрой пончикам, которые Барбара напекла этим утром, но задержалась посмотреть, что та делает.

— Он умер?

— Мне показалось, он пошевелился, — сказала Барбара. — Дай мне мокрую тряпку.

— О'кей, сейчас. Уау! Сейчас… Боже, тебе ведь не надо… — Она сбилась с мысли, отсутствующим взглядов огляделась по сторонам и снова двинулась к пончикам.

— Мокрую тряпку! Живо!

— Боже, что, просто попросить нельзя? — Урания сунула полотенце в ведерко с водой, отжала и отнесла к койке.

— Вот, сест… то есть Барбара. — Она улыбнулась, счастливая от того, что правильно вспомнила имя.

— Спасибо. — Уиндчайм вытерла те части лица Риваса, что не были скрыты бинтами.

Урания наконец взяла себе пончик и снова вернулась посмотреть.

— Ты так и не решила, что притягивает *покалокас* — он или вот это? — Она ткнула пальцем

на полку, где стояла наполовину пустая бутылка текилы с висевшим в ней кристаллом.

— Не знаю. Мне кажется, штука в бутылке. Мне кажется, они чувствуют, где она.

— Ну, тогда чего мы ее не выкинем?

— Потому, — ответила Барбара, которой явно надоело повторять одно и то же, — что он сохранил это. Это может быть очень важно. Нам надо хранить это для него, пока он не очнется.

Урания взяла еще пончик.

— Но он же совсем больной. Почему мы не можем просто оставить его вместе с бутылкой у доктора? Мы же не можем ухаживать за ним, как доктор. Он будет благодарен нам, если мы его оставим, точно знаю.

— Доктор, которому мы его показали, сказал нам все, что нужно делать. Он сказал, что у него больше шансов на выздоровление при нашем уходе, чем в этой ужасной больнице.

— Но ведь заботиться о больных — не наша работа! Боже, да он ведь уже два дня лежит вот так, и его чистить надо, как младенца.

Барбара угрожающе повернулась к ней.

— Он *спас тебе жизнь!* Он жертвовал собой — голодал, болел, остался без пальцев, едва не остался без головы — и все, чтобы спасти тебя! Он

спасал и меня, и себя, возможно, тоже… но *делал* все это ради *тебя*! Он… — Она опустила взгляд на Риваса, и лицо ее приобрело непонятное выражение. — Он убил Бога ради тебя, — добавила она шепотом.

— Так что мне теперь, не жить, что ли? — раздраженно буркнула Урания.

— Ты его знала? — спросила Барбара, помолчав немного. — Из того, что он сказал там, за ужином, я поняла, что вы были знакомы.

Урания кивнула.

— Давным-давно.

— Р-ррр, гав, — произнес Ривас.

Уиндчайм быстро повернулась к нему и склонилась над койкой.

— Ривас? — взволнованно спросила она. — Ты меня слышишь?

Ривас пробормотал что-то неразборчивое и попытался усмехнуться.

Барбара повернулась к Урании.

— Почему бы тебе не попробовать поговорить с ним?

Урания поменялась с ней местами.

— Привет, Грег. Это Ури, помнишь?

Он молчал так долго, что она открыла уже было рот, чтобы сказать что-нибудь еще, но тут он чуть

приоткрыл глаза.

— Да, — сказал он наконец. Он так и продолжал щуриться, словно в фургоне было слишком светло. — Как долго… — прохрипел он. Говорил он не очень разборчиво, но даже так в голосе его слышалось презрение. — Тринадцать лет. Я провел без сознания тринадцать лет.

— Ох, нет, Грег, — возразила Урания. — Всего два дня.

— Сойер, — тихо произнес он. — А мне-то казалось, я бросил его, когда мне исполнился двадцать один год. Десять лет назад. Но я был кем-то вроде… странствующего послушника, что ли? — Он устало замолчал, потом вдруг широко открыл глаза и сделал попытку сесть. — Боже, — прохрипел он, едва не теряя сознание. — Где его кристалл, где он? Его нельзя…

Барбара тронула его за плечо и показала на полку со стоявшей на ней бутылкой.

— Здесь.

— Ах… — Он обмяк, вспотев от облегчения. — Хорошо. Не открывайте ее.

— Что это? — спросила Урания. — Ты сказал «он». Это что, Господь сидит в бутылке текилы?

Ривас переводил взгляд с Урании на Барбару и обратно.

— Вы сильно оцыплячены, а, леди? — спросил он. Барбара нахмурилась.

— Ну, выходим из этого, — подумав, ответила она. — Теперь я… я понимаю, что он… не настоящий Бог. То есть я *понимаю* это, но…

Урания печально тряхнула головой, глядя на бутылку текилы.

— Выходит, мне придется возвращаться домой и выходить за Джо Монтекруза.

— Сколько тебе сейчас, Ури, — сказал Ривас, — тридцать? Ты вольна делать все, что хочешь. Тебе не обязательно выходить за этого парня, если ты не хочешь.

Урания неуверенно мотнула головой.

— Я помню часть ужина, сестра Уиндчайм, — сказал Ривас. — Но как мы оттуда выбрались? И… что случилось со мной? — Он ощупал свою забинтованную голову.

— Ты должен звать ее Барбарой, — назидательно вставила Урания.

— Меня могут помнить по… гм… птичьей кличке, — пояснила Барбара. — Ну, дом начал рушиться сразу после того, как ты кинул в него этим… ну, вроде спрута, а потом пули засвистели так, что и не пошевелиться было. Сестра Сью пошевелилась — она хотела сорвать эту штуку с

Гос… с Сойера. Потом, когда ты… зарезал его, тебе в голову попал камень. Я была уверена, что ты умер или вот-вот умрешь, но все-таки положила тебя в лодку и стала грести к ближайшей арке. Я думала, один из тех мостов рухнет на нас и раздавит всех троих — похоже, так и случилось с большинством тех, кто был на плотах, — но я решила, чего уж ждать, лучше двигаться. В общем, через арку мы попали в узкий туннель, и там все было не так плохо, с его потолка только камешки и песок сыпались, а волны из большого зала подгоняли нас, помогая плыть.

Она покачала головой.

— Помнишь, когда… он сказал, что все эти люди должны умереть? Так вот, даже когда он вроде бы умер, они не хотели менять его планов. Некоторые заплыли в ту же арку следом за нами, но даже не пытались залезть к нам в лодку… они даже плыть не пытались. Они пытались утопиться и совсем с ума сходили, когда против желания всплывали глотнуть воздуха.

Ну, я все гребла и гребла, и когда мы наконец выплыли наружу, мы оказались в одном из каналов, так что я стала грести дальше. Потом я нашла небольшой причал — его под деревом почти видно не было, оставила вас двоих там, а

сама вернулась.

Урания жадно слушала, и Ривас заподозрил, что она тоже слышит эту историю в первый раз. А может, она и не особенно просила рассказать?

— К этому времени дом уже почти весь рухнул, — продолжала Барбара, — и я слышала звуки, словно тюлени лаяли… или гуси трубили в этом бассейне меж рухнувших стен, только это было как будто они говорили ртами, которые не говорят по-человечески. Казалось, они все пытались сказать: «Где же ты, Господи?» А некоторые голоса доносились с неба, где какие-то твари летали, и это звучало так страшно… то есть не голоса, а хлопанье мокрых крыльев. Хорошо, что было темно, так что я их не видела. В общем, из того туннеля всё выплывали тела, и я обшарила карманы трех-четырех, кто был одет получше. — Она рассказывала об этом как о само собой разумеющемся, но Ривас видел слезы в ее глазах и судорожно стиснувшие край одеяла руки. Одеяло натянулось как кожа на барабане. — У пары из них нашлось довольно много денег. Я забрала деньги и вернулась к вам. — Кусок одеяла оторвался с треском, заставившим всех троих вздрогнуть. — Урания все плакала. У тебя был такой вид, будто ты вот-вот испустишь дух.

Мы прождали там до утра, а потом я нашла для нас комнату и привела к тебе доктора. А потом я потратила почти все оставшиеся деньги на этот фургон, печку для пончиков и двух лошадей, и с тех пор дела у нас идут хорошо. — Она опустила взгляд на порванное одеяло. — У моего отца была пекарня, так что я… умею…

— Вот только нам приходится все время переезжать с места на место, — добавила Урания.

— *Покалокас* все время вынюхивают нас, — объяснила Барбара. — Я хотела двигаться на восток, чтобы попасть в Эллей, но эти чертовы тетки заставляют нас делать объезды. Сначала они быстро проходят мимо. Потом возвращаются уже медленнее, и если мы после этого не трогаем лошадей и не уводим фургон из этого места, они просто начинают кружить, глядя повсюду… правда, вид у них такой, будто они не очень знают, чего они ищут. Я заставляла Уранию отвлекать их, распевая что-то на улице с другой стороны — они ведь терпеть не могут музыку, — но в последнее время отвлекать их все труднее. Мне кажется, они ищут то, что осталось от их… бога, — сказала она, глядя на бутылку, — или того, кто его убил, — добавила она, посмотрев на Ривaса. — Или скорее всего обоих.

Ривас вздрогнул. Он поднял правую руку и попытался сжать ее в кулак; это удалось, но он не сдавил бы им и губки. Боже, ну и слаб же я, подумал он. Одной *покалокас* хватило бы, чтобы прикончить меня сейчас, — это все равно, что букашку придавить. Надо поупражняться… и, кстати, поесть.

С мыслью о еде проснулось и чувство лютого голода, только усилившееся от царившего в фургоне аромата.

— Можно мне твоих пончиков? — спросил он.

— Конечно, — сказала Барбара. — Но вообще-то тебе лучше начать с супа. Говядина, лук… Парень, который мне их продавал, добавил еще немного шерри. — Она чуть прикусила губу, словно до сих пор не смирилась еще с пользой алкоголя.

— Ох, да, пожалуйста, — с чувством закивал Ривас. Барбара прошла в переднюю часть фургона, где, судя по всему, располагалась маленькая кухня, с минуту повозилась там, гремя утварью, и вернулась с дымящейся миской и ложкой.

— Я помогу, — сказала она, зачерпывая суп ложкой.

— Ради Бога, что я, ребенок? — возмутился Ривас. — Сам поем. Вот, дай мне ложку, сейчас сама увидишь.

Она послушалась, и он и вправду смог взять ложку, но рука его тряслась так сильно, что он расплескал почти все ее содержимое, а потом уронил и саму ложку. Та упала в суп и утонула.

— Черт подери, — буркнул он и прикусил губу, чтобы не заплакать от бессилия.

Барбара выудила ложку из миски, вытерла ее, зачерпнула еще супа и поднесла к его рту.

— Тут нечего стыдиться, — шепнула она. — Ешь, балда.

Он послушался, и суп оказался восхитительным. Не прошло и несколько минут, как она подобрала со дна миски остатки.

— Выпить чего-нибудь хочешь? — спросила она, вставая.

— Конечно, спасибо, — обрадовался он. — А что у тебя есть?

— Ничего, но рынок всего в квартале отсюда, и я заработала немного на пончиках сегодня утром.

— О'кей, я… гм… верну тебе деньги потом, — пообещал он.

— Не говори глупости. Что ты хочешь?

— Может, пива?

Она сжала губы, но кивнула.

— Хорошо. Вернусь к пяти. Ури, если постучат, убедись, что это я, прежде чем открывать, ладно?

— Конечно, конечно.

— Тогда пока. — Барбара вышла, закрыв за собой дверь. Ривас повернулся и посмотрел на Ури. Вид у нее был теперь гораздо лучше, чем прежде, в Шатре Переформирования или во время этого катастрофического ужина; волосы она вымыла, и, похоже, за эти два дня она хорошо выспалась. Ему не требовалось зеркала, чтобы знать, что она смотрится лет на десять моложе его. И все же это была не *Ури*, не та девушка, о которой он мечтал и которой писал песни все эти тринадцать лет, не та девушка, по сравнению с которой все остальные девушки казались грубыми, бесчувственными и глупыми. И он понял наконец, что разлука с ней была так мучительна для него только потому, что их разлучили силой. Если бы ее отец не выгнал его, она просто стала бы первой его подругой, не более того. Вот на чем строил он всю свою жизнь: на драме несчастной любви… которой, конечно, ничего не угрожает, ибо несчастная любовь не проходит ведь испытания повседневным семейным бытом.

Он вдруг вспомнил, что ему снилось перед пробуждением. Возможно, голос Ури стал причиной того, что ему приснилась та вечеринка в день ее рождения. Она снилась ему и раньше, но всегда

он видел ее глазами юного Риваса, по пьяной лавочке тявкающего по-собачьи в кустах. На этот раз он оставался самим собой, сегодняшним, тридцатиоднолетним Ривасом, каким-то образом перенесенным назад по времени и наблюдающим события того разрушительного вечера как бы со стороны.

Он увидел мальчишку — младшего себя самого, бледного, исходящего потом, с отчаянием в глазах, — нетвердым шагом выходящего из дома Бёрроузов и направляющегося к кустам. Потом послышались малопристойные звуки — кого-то рвало.

Пожилая пара вышла из дома подышать свежим воздухом и застыла, услышав эти звуки.

— Господи, Гарри, что это такое? — спросила женщина.

— О, — изобразил на лице терпеливую улыбку мужчина, — это похоже на собаку в кустах. Ничего заслуживающего беспокойства. — Они повернулись и собрались уже уходить.

Но мгновением спустя из-за кустов донеслись новые странные звуки: «Гав! Гав! Р-рр, гав! Вау-у… о Боже, не могу… гав, гав!..»

Урания, ухватившая себе очередной пончик, оглянулась на хохочущего Риваса. Он был

слишком слаб, чтобы смеяться громко, но и успокоиться не мог довольно долго.

— Ты смеешься надо мной? — спросила Урания, когда он наконец утих немного.

Он фыркнул и слабой рукой смахнул слезы с глаз.

— Нет, Ури. Над собой. — Он с нежностью посмотрел на нее. — Тринадцать лет прошло, Ури. Ты часто обо мне вспоминала?

— Иногда, — сказала она. — Ну, у меня же дела были. А ты… часто думал обо мне?

Он пожал плечами.

— Мне кажется, часто.

— Хочешь пончик?

— Пожалуй, нет, спасибо.

Тут в дверь громко постучали.

— Пустите меня, быстро! — послышался негромкий, но взволнованный голос Барбары. — Эта шайка *покалокас* возвращается обратно.

Урания отворила дверь. Барбара ворвалась в фургон и склонилась над Ривасом.

— Можем мы допустить, чтобы это, — она ткнула пальцем в бутылку с кристаллом, — попало к ним?

Ривас мотнул головой, сразу вспомнив про свою беспомощность.

— Нет, этот кристалл — спящий Сойер. Если им удастся заполучить его, он снова оживет.

— Ладно, тогда бежим. — Она повернулась к Урании. — Ури, они нагоняют нас сзади. Помнишь, как сливать масло из фритюрницы?

— Ну, ты показывала мне раз. Надо повернуть…

— Займись этим. Потом возьмешь веник, спрыгнешь и разбрызгаешь им масло по всей ширине улицы.

— Но зачем…

— Быстро, черт тебя подери!

Ури, ворча, ушла в переднюю часть фургона.

— Я-то могу чем-нибудь помочь? — спросил Ривас. Барбара задвинула засов на двери.

— Нет, конечно, — бросила она, едва оглянувшись. Она пригнулась к узкой щели в двери; полоса солнечного света чиркнула по ее гладкой щеке, и Ривас невольно залюбовался ею, забыв даже про свою бесполезность.

Потрясающая реакция на опасность, кретин, одернул он себя, очнувшись.

Запыхавшаяся Урания влезла в фургон со стороны кухни.

— Вот, это все…

— Дай сюда веник, — рявкнула Барбара.

Закатив глаза с видом невинной мученицы, Урания вернулась на кухню. Ривас услышал с улицы приближающийся нестройный топот. Урания принесла с кухни веник, с которого капало и от которого пахло растительным маслом.

Барбара выпрямилась и выхватила веник у нее из рук.

— А теперь, когда я скажу: «Давай!», распахнешь заднюю дверь — только сначала щеколду отодвинь — и сразу же беги вперед, хлещи лошадей и тащи нас отсюда побыстрее, все равно куда. Ясно?

— Да, — кивнула Урания, делая шаг к двери и берясь за щеколду.

— Давай!

Щеколда лязгнула, дверь распахнулась, и Ривас, оторвав голову от подушки, увидел на мгновение в проеме перекошенное от боли лицо сестры Сью. В это же мгновение Барбара поднесла веник к свече, и пропитанная маслом солома вспыхнула. А потом фургон дернулся вперед, а Барбара высунулась из двери и швырнула горящий веник на мостовую.

За грохотом колес и стуком собственного сердца он не услышал треска загоревшегося масла, зато услышал вопли удивления, боли и злости.

Барбара потеряла равновесие, и ей пришлось вцепиться в дверной косяк. Она повисла на нем, потом он увидел, как напряглись ее загорелые руки и ноги, когда она, подтянувшись, забралась-таки внутрь. Она одарила его несколько натянутой улыбкой и захлопнула дверь.

— Мы от них оторвались, — выдохнула она, — но теперь нам нельзя останавливаться. Они запомнили этот фургон.

— И ручаюсь, одна из них узнала тебя и, возможно, меня, — обрадовал ее Ривас, опуская голову обратно на подушку. — Кажется, вожаком у них сестра Сью.

— Ох! — Она схватилась за край койки, так мотнуло фургон на повороте. На кухне упала на пол кастрюлька. — Ты уверен? Я не успела как следует рассмотреть.

— Боюсь, что уверен.

— Тьфу. Надеюсь, мы все — включая лошадей — крепки как пончики, потому что все идет к тому, что нам предстоит один долгий переезд до самого Эллея. Возражения есть?

Он развел руками.

— Ты командуешь парадом. — Фургон накренился на новом крутом повороте, и на этот раз к звону падающих кастрюль добавились возму-

щенные крики снаружи. Барбара двинулась было вперед, но задержалась, когда Ривас сказал: «О, еще одно…»

— Ну, что?

— Ты принесла мне пива?

Она нахмурилась, потом полезла в карман юбки.

— Ну, принесла, — буркнула она, доставая бутылку. — Ты пить-то сам сможешь?

— Мне кажется, если поставить ее мне на грудь, смогу.

— Ладно. — Она откупорила бутылку, поставила донышком ему на грудь и положила его руки на горлышко. — Так нормально?

— Угу, — сказал Ривас. — Спасибо. — Он приложился губами к горлышку и сделал хороший глоток, несмотря на тряску.

Она улыбнулась.

— Вот и хорошо. Знаешь, у тебя был и впрямь ужасный вид, когда я вытащила тебя оттуда. Кстати, доктор, который собирал твою голову по частям, тебя знал. Он еще сказал, что-то Ривас слишком быстро износился, а я ему на это — что тебя гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. — Она погладила его по костлявому плечу и полезла вперед помочь Урании править.

Большую часть дня Ривас провел в чередовании еды и дремы, а когда выбор между уткой и прогулкой в местные удобства — в фургоне имелся и крошечный туалет, втиснувшийся между изголовьем койки и задней стенкой кухни, — сделался неизбежным, ему удалось встать и дойти туда самостоятельно, хотя, вернувшись, он рухнул в койку, истекая потом, дрожа от озноба и едва не теряя сознание от слабости. После он проспал несколько часов, а когда проснулся, Барбара остановила фургон на ночь в очень — как она заверила его — укромном месте. Трое беглецов поужинали остатками супа, обойдясь без десерта, а потом, несмотря на вялые протесты Риваса, обе женщины улеглись спать на полу.

Ривас тоже уснул, но спал чутко, и негромкое *«дзынь»* далеко за полночь мгновенно разбудило его.

Стенку напротив его койки можно было отпереть и опустить на петлях, превратив в прилавок для продажи пончиков, и в слабом лунном свете, просочившемся сквозь щели, он увидел стоящую фигуру, державшую в руках бутылку текилы. Она повернулась вполоборота к нему, подняла бутылку, чтобы заглянуть в нее, и он увидел, что это Урания. Не успел он раскрыть рот, чтобы

приказать ей поставить бутылку на место, как она облизнула бутылку, и язык ее скользнул к пробке.

— Ури! — в ужасе прохрипел Ривас. — А ну поставь ее, ты…

При звуке его голоса она подпрыгнула и с лихорадочной поспешностью лязгнула зубами по горлышку.

Ривас вскочил с койки и толкнул ее на открывавшуюся стену, но тут же без сил повалился на пол, борясь с накатывающим обмороком.

Барбара тоже вскочила и спросонья оглядывалась по сторонам: она поняла, что стряслась беда, но не знала какая. Похоже, она подумала, что кто-то ломится в их фургон, а у Риваса не хватало сил даже рта раскрыть, чтобы сказать, в чем дело.

Пробка с хлопком вылетела из горлышка. Барбара сразу все поняла и бросилась на Уранию. Она врезалась плечом той в живот, и обе повалились на стену, которая отстегнулась и упала, открываясь. В фургоне разом стало светлее. Женщины упали и, хрипя, боролись на полу. Бутылка покатилась по полу и едва не врезалась в нос Ривасу. Вокруг нее еще разливалась текила, но кристалла в ней не было.

Ривас перекатился на бок и приподнялся на

локте, чтобы хотя бы видеть происходящее. Барбара, упираясь коленями в спину Урании, душила ее; Ури отчаянно трепыхалась, но одна рука ее была прижата к полу, и все, что ей оставалось, — это без особого успеха отбиваться другой. Ривас вмешался бы, по крайней мере не дал бы Барбаре обращаться с противницей так грубо, если бы не видел глаз Ури. Он не сомневался, что это Сойер смотрит сейчас на него ее глазами.

— *Выплюнь… а то… убью… Ури,* — прорычала Барбара.

Еще две-три секунды казалось, будто Ури предпочитает смерть, но потом рот ее открылся, и кристалл выпал на пол. Барбара отпустила ее, и Ури осталась лежать, жадно хватая ртом воздух.

Ривас подобрал кристалл. *Ты победил,* произнес тот у него в голове. *Ты босс. Я буду работать на тебя. Проглоти меня.*

Барбара помогла ему встать. Ему пришлось моргать, потому что кровь снова пошла у него из незажившей раны на голове.

— Это бы… — хрипло произнесла Барбара, помогая ему лечь обратно в койку, но закашлялась, не договорив, и ей пришлось присесть у него в ногах.

— Что? — Монотонный голос в голове заставлял

его говорить громче обычного. Ури продолжала хрипеть на полу.

— Если бы она проглотила его, ему бы это повредило?

Ривас посмотрел на нее почти с отчаянием и закрыл глаза. Подушка под щекой была мокрой от крови.

— Я не могу сделать этого… сам, — сказал он. — Тебе придется помочь. Ты хочешь, чтобы он вернулся? Хочешь причащаться снова?

— …Нет, — медленно ответила она. — Нет, я не хочу, чтобы он… *вернулся*, но почему-то не хочу, чтобы он умер.

Она встала, вышла на кухню и вернулась с зажженной лампой, которую поставила на пол, чтобы, перешагнув Уранию, поднять стену-прилавок и пристегнуть ее на место. Невероятно, но Урания спала и храпела во сне.

— А *ты*… ты хочешь, чтобы он умер? — спросила Барбара, сев обратно в ногах его койки.

— Да, — ответил Ривас. Барбара улыбнулась ему.

— Правда? И ни одной частице тебя не хочется… слиться с Господом, перестать быть тобой?

Проглоти меня. Ты победил. Ты босс.

Ривас опустил руку и положил кристалл на

рваное одеяло между ними. Было огромным облегчением не слышать больше его голоса.

— Ну, может, и есть. И когда я недавно принял большую дозу Крови, какая-то часть меня хотела просто смириться и утонуть. Но… ты видела настоящих кровяных уродов? Ну, уж настоящих продвинутых-то ты видела.

— Конечно, но их внешняя форма, как нам говорили, еще не все. Скажем, если я сяду в лодку и поплыву куда-нибудь, а ты потом найдешь эту лодку где-нибудь на берегу, прогнившую и дырявую, ты ведь не сможешь сказать ничего о том, куда я ушла, или что со мной.

Она дотронулась до кристалла, и глаза ее потрясенно округлились. Секунд через пять она отняла палец.

— Что случилось бы, если бы Ури проглотила его?

— Она стала бы Сойером.

— И он снова был бы с нами?

Ривас печально кивнул. Было ужасно поздно, и он совсем лишился сил и боялся, и голова трещала как черт знает что.

— Проглоти его, — сказала вдруг Барбара. — Быстро, не думая. Ты же знаешь, что хочешь этого.

— Нет, — рявкнул Ривас. — Я хочу… — Он по-

молчал, обдумывая то, что начал говорить, и договорил совсем тихо, с улыбкой. — Я хочу, чтобы это сделала *ты*.

— Я? Но тогда *я* стану *им*. А ты ведь тот парень, что убил его.

— Если бы я хотел, чтобы он вернулся, мне было бы безразлично, убьет он меня или нет.

Она грустно кивнула.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Уж лучше потом получить порку по первое число от родителей, чем потратить ночь зазря.

Ривас негромко рассмеялся.

— Мы с тобой оба… типа… хотим, чтобы он вернулся, но оба не хотим становиться им. — Он опустил взгляд на Ури. — Не стоило нам мешать ей. — Он посмотрел на Барбару и улыбнулся. — Нам стоило бы разбудить ее и скормить ей эту штуку.

И тут вдруг слова его перестали быть шуткой. Барбара взяла кристалл и встала. Ривас подумал, что ему стоило бы сказать что-нибудь, чтобы остановить ее, и он даже хотел это сделать, но не прямо сейчас. Сначала ему нужно было хотя бы вздохнуть.

В это мгновение из-за стены фургона послышался голос.

— *Проглоти меня. Ты победил.*

Барбара рухнула на колени. Ривас, зажмурившись, откинулся на пропитанную кровью подушку.

— *Ты босс,* — продолжал голос. — *Я буду работать на тебя…*

Это он, вяло подумал Ривас, каким-то образом он выбрался, он сокрушит эту стену и доберется до нас, он испепелит нас одним своим взглядом, он высосет души из наших тел, как паук высасывает жизнь из попавшихся в паутину мух, мы оба не жильцы… *да чего он ждет?*

Знакомая литания вдруг резко оборвалась. Ривас открыл глаза, и тут она началась снова, но другим голосом.

— *Проглоти меня. Ты победил…*

Барбара встала и, шатаясь, подошла к двери. Она подняла щеколду, приоткрыла дверь и выглянула наружу. Теперь Ривас слышал и другие голоса.

— Он не исчез! — воскликнул кто-то. — Его дух все еще с нами!

— Скажи нам, как найти тебя, Господи? — взвизгнул женский голос.

— *Проглоти меня…* — продолжал второй голос. Барбара закрыла дверь и вернулась к койке.

— Это стая Соек, — сказала она Ривасу. — Судя по всему, без пастыря. Почему их продвинутые говорят те же слова, что эта штука? — Она подняла кристалл.

— Они ловят его мысли, — объяснил Ривас. — Похоже, без мозга, передающего эти мысли, они распространяются совсем недалеко. — Он вздохнул. — Ты все еще хочешь скормить его Ури?

Плечи Барбары бессильно поникли.

— Нет. Не сейчас.

— Лунного света хватит, чтобы править?

— Не знаю, — устало ответила она. — Наверное, хватит.

— Тогда, мне кажется, нам лучше не дожидаться утра.

Ури на полу громко всхрапнула.

Глава 12

Несмотря на то, что одной педали не хватало, велосипед с лязгом быстро катил по улице. Немного не доезжая до «Serena's Cantina», мальчишка резко развернулся и остановился как раз перед нужным местом. Мальчишка вглядывался через дверь в полумрак бара до тех пор, пока не углядел там Фрейка МакЭна. Тогда он пулей влетел внутрь и дернул МакЭна за рукав прежде, чем бармен успел крикнуть ему, чтобы он убирался.

Когда МакЭн разглядел, кто это, он поднял руку, останавливая негодующего бармена.

— Что случилось, Модесто? — спросил он у мальчишки. — Ты его видел?

— Кажись, да, чувак. Он едет с двумя женщинами.

— С двумя? С какой это стати… нет, вообще-то это на него похоже, — сказал он. — Пешком? Верхом?

— В пончиковом фургоне.

— В… в пончиковом фургоне? И откуда? С юга, верно? — с надеждой в голосе спросил МакЭн. — Он где сейчас, на армейском блокпосту?

— Нет, чувак, — извиняющимся тоном возра-

зил мальчишка. — Он едет с запада, по десятому шоссе.

— Это что же, из *Венеции*? Черт, я бы заплатил тебе полтину, Модесто, но не вижу, как такое…

— Эй, Фрейк, нечего парню здесь ошиваться, — встрял в их разговор бармен. — Извини, но продолжать разговор вам придется на улице.

МакЭн задумался, потом пожал плечами.

— Ладно, Модесто, — вздохнул он. — Я слушаю. — Он допил свое эллейское красное и бросил на стойку пару мерзавчиков. — Эй, Сэм, не убирай пока бутылку, — добавил он. — Ладно, идем, — бросил он мальчишке.

Вечерний воздух на улице был прохладен, и по краям крыш скользили темными силуэтами крысы.

— Ну ладно, — сказал МакЭн Модесто. — С чего ты решил, что это Ривас?

— Ну, он похож на Риваса, только побитого сильно — даже хуже, чем вы говорили, у него вся голова перевязана. И с ним по меньшей мере одна женщина, которая ему не жена и не подружка… и они сильно спешат, торопятся попасть сюда. Я попросил их продать мне пончик, так у них не нашлось ни одного.

МакЭн покосился на западную городскую стену.

У только что выстроенных казарм уже горели факелы. Завтра въехать в город или выехать из него будет скорее всего очень и очень непросто.

— Как далеко они отсюда?

— Может, уже у ворот, — ответил Модесто. — Я гнал велосипед как мог быстро, но я ведь говорил уже, хоть у них и пончиковый фургон, торговать пончиками они не останавливаются.

— Пожалуй, стоит посмотреть.

МакЭн зашагал на запад, Модесто медленно, виляя из стороны в сторону, ехал рядом на велосипеде. Дважды на пути к воротам подростки отрывались от своих уличных дел, спрашивали что-то скороговоркой по-испански и чертыхались, когда Модесто с ухмылкой кивал в ответ. Конечно же, каждый из них надеялся первым увидеть сан-бердусское войско, но частные наблюдатели вроде МакЭна платили куда лучше, чем эллейское правительство.

Постепенно и МакЭн начал заражаться уверенностью мальчишки.

— Ну, если это не Ривас, — произнес он скорее сам себе, — тогда я сомневаюсь, что он вообще вернется. Завтра неделя с того дня, когда я видел его в Ирвайне.

Перед ними медленно вырастала высокая

черная полоса городской стены, вгрызавшаяся неровным верхом в оранжевое закатное небо. На одной из пальм попугай выкрикивал: «Ура, это Грегорио Ривас!» МакЭн ухмыльнулся и скрестил пальцы на удачу.

— Ага, *mira*[15], чувак, вот он, этот фургон!

Мальчишка ткнул пальцем в фургон, который как раз въезжал в городские ворота. Подойдя поближе, МакЭн забежал на тротуар, чтобы солнце не било в глаза. Фургон был исцарапан и покрыт толстым слоем пыли, но он все же смог разобрать надпись ПИМ-ПАМ-ПОМ-ПОНЧИКИ, выведенную большими буквами на его боку.

— Да, это тот, что ты описал, — признал МакЭн, возвращаясь на середину улицы, к Модесто. — Что ж, давай-ка посмотрим, тот ли это, кто мне нужен.

Волочившая фургон лошадь была вся в мыле; казалось, не столько она тащит его, сколько он толкает ее под гору. МакЭн предположил, что единственной целью ехавших в нем было как можно скорее оказаться внутри городских стен.

Он подождал, пока фургон поравняется с ним, и улыбнулся сидевшей на козлах усталой молодой

---

[15] Примечания: 15
смотри (*исп.*)

женщине.

— Привет, — сказал он. — У меня важное известие для мистера Грега Риваса. Он случайно не у вас на борту?

Последовало напряженное молчание.

— Кто вы такой? — спросила наконец девушка.

— Меня зовут Фрейк МакЭн.

Фургон, вильнув, остановился, девушка встала и исчезла внутри. Модесто ткнул МакЭна в бок, и тот послушно вынул из кармана полтинный талон, хотя не выпустил его из рук.

Минуты через две-три девушка показалась обратно, поддерживая за плечи шатающуюся фигуру с забинтованной головой. Мужчина в бинтах сел и слабо улыбнулся МакЭну, но прошло еще несколько долгих секунд, прежде чем МакЭн протянул талон мальчишке. Модесто схватил его, развернул велосипед и с лязгом покатил обратно по улице.

Ривас продолжал улыбаться, но улыбка его несколько скисла, когда он заметил, как смотрит на него МакЭн. Проклятие, подумал он, можно подумать, я забальзамированный труп какой-то.

— Привет, Фрейк, — сказал он, радуясь хотя бы тому, что голос у него не сел. — Какая приятная случайность — встретить первым именно тебя.

— Ну, если честно, Грег, — отозвался МакЭн, — это не случайность. Разрешишь мне забраться к тебе и потолковать пару минут?

— Конечно. Барбара, освободишь Фрейку ту половину скамьи?

МакЭн забрался на козлы и уселся рядом с Ривасом.

— У меня для тебя кое-какая важная информация, Грег, — сказал он. — Я уже несколько дней как поручил мальцам высматривать тебя, потому что в долгу перед тобой. Ты ведь сильно помог мне неделю назад. Но сперва расскажи мне… расскажи, *что случилось?* Что там, за стенами Священного Города? Как тебя ранило? И почему ты возвращаешься *с запада*?

Ривас улыбнулся.

— Я расскажу тебе все за бутылкой пива у Спинка — после того, как доставлю свою подопечную ее отцу. Но могу сказать тебе вот что: боюсь, ты остался без работы. Сойер — ну, не то чтобы мертв, но отошел от дел.

МакЭн зажмурился.

— Ты хочешь сказать… как? — Лицо его медленно осветилось улыбкой. — Ты не шутишь? Я хочу услышать про это. Только давай пропустим эту бутылку пива до того, как ты отвезешь мисс Бёр-

роуз. Видишь ли, тут имеются кое-какие аспекты, которые мне известны, и тебе стоит это знать.

— Откуда ты знаешь, как ее зовут?

— Послушай, я вижу Спинка прямо отсюда. Расскажу тебе все за столом. Видишь ли, — он выразительно посмотрел назад, внутрь фургона, — это рассказ не для дам.

— Идет.

МакЭн спрыгнул на мостовую.

— Встретимся там, — сказал он и зашагал вперед.

Барбара направила фургон к Спинку, но их единственная оставшаяся лошадь так устала, что МакЭн оказался на месте первым и отворил дверь осторожно слезавшему с козел Ривасу.

— Спасибо, Фрейк, — сказал он. — Хотя я не так ослаб, как кажется. — Оказавшись внутри, он огляделся по сторонам. Люстры уже горели под потолком, хотя слегка покачивались, а значит, Моджо зажег их совсем недавно. Тени бумажных кукол Ноа Олмондина, казалось, приветственно махали Ривасу. Молодой человек, которого он никогда раньше не видел, сидел на сцене, настраивая пеликан и обмениваясь с Томми Фанданго двусмысленными шуточками. Моджо стоял за барной стойкой, устало ругаясь и пыта-

ясь прочистить засорившуюся раковину куском проволоки.

— Просто не верится, что всего десять дней прошло, — сказал Ривас, осторожно покачав головой. — Гм… ты можешь заплатить за бутылку? У меня целое состояние в банке спиртного, но при себе ни мерзавчика.

— Конечно, Грег. Этот стол сойдет? — Он махнул рукой в сторону окна.

Ривас ухмыльнулся, ибо это был тот самый стол, за которым сидел Джо Монтекруз во время своей неудачной попытки нанять Риваса.

— Сойдет, — сказал он, отодвигая стул прежде, чем это успел сделать для него МакЭн.

Когда оба заняли места, Моджо бросил свои попытки и, отдуваясь, подошел к ним.

— Что закажем, джентльмены? — нараспев спросил он.

— Бутылку пива и два стакана, Моджо, — сказал Ривас. Старик скользнул по нему равнодушным взглядом, и глаза его вдруг изумленно округлились.

— Боже праведный, *Грег!* — вскричал он. — Черт, парень, что с тобой случилось?

— Ничего такого, что нельзя было бы вылечить пивом.

Моджо повернулся к сцене.

— Эй, Томми, смотри-ка, кто вернулся! И с какой бородой!

Фанданго прищурился в их сторону.

— Ох, Грег, привет… гм… — Он неуверенно вытер рот и покосился на пеликаниста, который тоже смотрел на Риваса с беспокойной враждебностью. — Значит, ты вернулся?

Ривас улыбнулся и помахал ему рукой.

— Нет, нет. Я… вышел на пенсию. — Вот так и буду сидеть за этим столом, подумал он, и говорить всем, что я вышел на пенсию. — Ну, — повернулся он к МакЭну. — Что случилось? Почему ты расставил дозорных, чтобы они высматривали меня?

— Видишь ли, меня наняли, чтобы я восстанавливал Уранию Бёрроуз.

Моджо принес бутылку и стаканы, и Ривас не отвечал, пока старик не отошел от стола и они не наполнили свои стаканы.

— Что ж, я не против, раз уж до этого дошло, — произнес он наконец, — хоть старина Ирвин Бёрроуз и не знает этого. Когда мы договаривались, я настоял и на выполнении этой части тоже. Не кажется ли ему, что я мог бы возражать?

МакЭн нахмурился, словно пытаясь придумать пристойный способ сказать нечто непристойное,

потом явно сдался.

— Ирвин Бёрроуз, — просто сказал он, — собирается убить тебя сразу же, как ты вернешь ему его дочь.

Ривас тихо рассмеялся и сделал большой глоток пива.

— Еще бы! — Он легонько стукнул тяжелым стаканом по столу. — Потому что боится, не убежим ли мы с ней вдвоем?

— Верно. Поэтому… гм… я вот что хотел тебе сказать: если ты и правда *хочешь* бежать с ней, бери из банка свои деньги и уезжай прямо сейчас. Только не приближайся к его дому.

Ривас уставился на МакЭна, потом огляделся по сторонам.

— Меня узнали, — сказал он. — И даже хотя народу еще мало, можно не сомневаться, тебя тоже. Он узнает, что ты меня предупредил.

— Я же сказал, я перед тобой в долгу.

— Спасибо, Фрейк. — Ривас сделал еще глоток пива. По крайней мере так стакан становилось все легче держать. — Но если это тебя интересует, я не хочу бежать с ней. Я хочу вернуть ее отцу. Как, кстати, он собирался это проделать?

— Он очень рассчитывает на то, что тебя убьют на дуэли с ее женихом. Насколько я понял, ты

вызвал его перед отъездом, и он собирается требовать удовлетворения.

— А... Да, я обозвал его мутантом. Ты его видел?

МакЭн кивнул.

— Даже бровей нет. Конечно, в твоем нынешнем состоянии ты можешь твердо рассчитывать на изменении дуэли. Не знаю, что подумает об этом Бёрроуз. Я так понял, что если его дочь тебя больше не интересует — и если ты не путался с ней за время избавления...

— И в голову не брал.

— Тогда он, возможно, не будет слишком уж ерепениться. Если, конечно, ты и его не оскорбил.

— Может, и оскорбил. Все это было так давно... — Он протянул руку, взял бутылку и наполнил свой стакан, подумав про себя, что поднятие тяжестей должно помочь ему быстрее обрести пристойную форму.

— Так или иначе, если бы ты хотел жениться на ней и если бы тебе удалось убить Монтекруза, я не сомневаюсь, Бёрроуз подстроил бы для тебя несчастный случай со смертельным исходом. Я говорю это тебе только для того, чтобы ты знал, какого рода сцена ждет тебя на том холме.

Ривас удивленно покачал головой.

— И он назначен официальным поставщиком казны Шестого Туза! С ума сойти. Я всегда знал, что он крут, но такое…

— Ты задел за напряженную часть его натуры, и она порвалась.

— Что ж, бывает, — заметил Ривас. — Хотя и не обязательно к худшему.

МакЭн пожал плечами.

— Так или иначе — если ты остаешься, хочешь, я буду твоим секундантом?

— Принято с благодарностью, Фрейк. И давай не будем спешить с этим пивом. Дамы посидят в фургоне, и хотя я не большой поклонник баг-уока, мне хочется послушать этого пеликаниста. — Он выпил еще, и пальцы его машинально потеребили массивный, обернутый свинцовой лентой брелок на шее.

После утомительного визита к командующему эллейскими войсками, чтобы предупредить его о том, что сан-бердусское войско скорее всего атакует с юга, Ривас занял у МакЭна немного денег и купил себе одежду взамен той, которую Барбара купила ему в Венеции. Несмотря на обычный предшествующий осаде ажиотаж, им удалось купить кое-какой еды, и они приготовили себе ужин в фургоне. Урания ела мало и почти все вре-

мя молчала, хотя МакЭн пытался разговорить ее. Ривас-то понимал, что он пытается узнать ее пристрастия и слабые места, чтобы использовать это при восстановлении ее личности. В конце концов поводов откладывать отъезд не осталось, так что они взяли напрокат двух свежих лошадей, и Ривас, МакЭн, Барбара и Урания направили фургон к Голливудским холмам, в поместье Бёрроузов.

В холмах, вдали от хранивших еще дневное тепло мостовых, было прохладнее, и пока лошади тянули старый, потрепанный фургон вверх по последнему затяжному подъему, Ривас, дрожа, плотнее запахивался в одеяло. Он настоял на том, чтобы МакЭн сидел на козлах, и когда тот в очередной раз хлопнул вожжами, Ривас мотнул головой.

— Мне кажется, мы проехали поворот, — сказал он, хмурясь на высвеченные мерцающим фонарем деревья вдоль дороги.

МакЭн оглянулся на него.

— Нет, он еще впереди.

Урания застыла в двери на кухню за спиной у Риваса, и он слышал, как она переминается с ноги на ногу. Да, Ури, подумал он, — я тоже удивлен тому, что забыл это место.

— Вот здесь, — сказал МакЭн, поворачивая ло-

шадей на полого спускающуюся, вымощенную кирпичом дорогу. Чуть дальше ее перегораживали ворота с чугунной решеткой, по сторонам которых горели на невысоких каменных столбах два фонаря.

— Мы еще можем уехать с тобой, Грег, — сказала вдруг Урания. — Еще несколько ярдов, и будет поздно.

МакЭн натянул вожжи, останавливая лошадей, и потянул рычаг тормоза, потом оглянулся в темноту. Ривас услышал, как скрипнула койка, когда Барбара привстала, чтобы послушать.

— Нет, Ури, — сказал он.

Последовало молчание, потом скрипнул тормоз, хлопнули вожжи, и фургон тронулся дальше.

За воротами у дороги стояла древняя телефонная будка, и когда фургон остановился перед чугунными створками, из нее вышел толстый, представительного вида человек.

— Мне очень жаль, — самодовольно объявил он, — но меня не предупреждали, что мы ждем сегодня пончики. Простите, но вам придется уехать.

— Здесь Фрейк МакЭн, — невозмутимо отвечал МакЭн, — Грегорио Ривас и Урания Бёрроуз.

— И еще друг, — добавил Ривас.

Охранник изумленно вгляделся, потом молча повернулся к воротам и отворил их.

— Могли бы догадаться, — буркнул он, — доставить юную леди домой в более пристойном экипаже.

Ривас с трудом удержал приступ истерического смеха.

— Черт, а ведь он прав! О чем мы только думали? Надо было что-нибудь, типа, с лентами и колокольцами, с шарманкой…

Ворота отворились, и МакЭн хлопнул вожжами.

— Спокойнее, Грег, — пробормотал он, когда фургон тронулся дальше, а ворота закрылись за ними.

Привратник позвонил в колокол, и ответом звону был гомон разбуженных птиц в придорожных кустах, но скоро дорога под колесами сделалась еще ровнее, и они выехали к парадному подъезду, где уже стоял фургон раза в полтора больше, чем их, наполовину загруженный мебелью и ящиками. Парадная дверь старого особняка распахнулась, и несколько человек поспешили с крыльца навстречу вновь прибывшему экипажу.

— Ури! — послышался знакомый голос Ирвина Бёрроуза. — Ури! Будь я проклят, ну, если этот болван по ошибке позвонил не в тот колокол…

— Тут написано «Пончики», мистер Бёрроуз, — заметил другой голос.

— Пончики? Чтоб меня! Я…

— Урания здесь, мистер Бёрроуз, — окликнул его Ривас. Высокий седой старик медленно подошел к нему, взмахом руки отослав кого-то назад.

— Мистер Ривас? — произнес он. — Вы пришли за оставшимися пятью тысячами полтин?

МакЭн изумленно покосился на Риваса.

— Нет, — сказал Ривас.

— Ясно, — сказал Бёрроуз с усталой горечью в голосе. — Вы думаете, вы уедете с ней, так ведь? И вы думаете, отказавшись от второй половины платы, вы сможете сделать меня более…

— Нет, — перебил его Ривас. — У нас с Уранией нет планов жениться или уезжать куда-либо вместе. Но десять дней назад я… я сгоряча затребовал от вас слишком большую цену. Вот ваша дочь. Мы в расчете.

— Ури! — воскликнул Бёрроуз, явно осененный новой догадкой. — Она ранена, тяжело ранена, в этом дело? Или нет, эти проклятые причастия превратили ее в лепечущую идиотку, так? Будь

вы прокляты, вы…

— Может, он вообще привез вам ее труп, мистер Бёрроуз, — с готовностью подхватил второй мужчина, в котором Ривас только сейчас узнал лысого Джо Монтекруза.

— Нет, папа, со мной все в порядке, — произнесла Ури громким, хотя и не слишком одушевленным голосом. Она пролезла мимо Риваса и спрыгнула на землю, потом на затекших ногах подошла к Монтекрузу, который с показной нежностью обнял ее.

Бёрроуз медленно подошел к фургону и задумчиво нахмурился, глядя на наполовину скрытое бинтами лицо Риваса.

— Вам крепко досталось, сэр, — произнес он наконец.

— Избавления вообще не бывают легкими, — улыбнулся Ривас.

— Он… убил Нортона Сойера, — сообщил Бёрроузу МакЭн, и голос его чуть дрогнул от неподдельного ужаса.

— Это правда? — спросил Бёрроуз.

— Более или менее.

Барбара остановилась за спиной у Риваса и положила руки ему на плечи.

— Он перерезал Сойеру горло, — сказала она.

Бёрроуз явно колебался.

— Возможно, все мы уже не совсем те, какими были две недели назад, — сказал он. Взгляд его неуверенно скользнул с Риваса на большой старый дом, на окружавшие его виноградники, и Ривас запоздало понял, что Бёрроуз и его люди готовятся к отъезду, чтобы укрыться в городских стенах, и что скоро этот дом и эти виноградники могут оказаться захваченными сан-бердусской армией.

— Спасибо за мою дочь, — вздохнул Бёрроуз. — А теперь, прошу вас, уезжайте.

Ривас вскинул голову и посмотрел ему за спину.

— Кажется, мистер Монтекруз имел что-то сказать мне.

Монтекруз поднял голову, потом отпустил Уранию и подошел к фургону. Походка его была неуверенной, словно ему по необходимости приходилось принимать участие в плохо отрепетированном ритуале. Наконец он остановился и бесстрастно посмотрел на Риваса.

— Вы оскорбили меня.

Завернутый в одеяло Ривас улыбнулся.

— Вы правы. Оскорбил.

— Я… я *должен* требовать удовлетворения.

— И я вам его даю, — сказал Ривас. — Я приношу вам извинения. Я был не прав, говоря те слова. То, что вы мне сказали тогда, что подтолкнуло к оскорблению, было справедливо, потому и задело меня так. — Ривас развел руками. — Вы были правы. Я был не прав. Вот что я хотел сказать.

МакЭн смотрел на Риваса, не веря своим глазам. Монтекруз совершенно растерялся.

— Вы трус, — произнес он громко, но без должной уверенности.

— Нет, не трус, — возразил МакЭн. В ночном воздухе гудели насекомые.

— Нет, — устало вторил ему Ирвин Бёрроуз. — Он не трус. Пожалуйста, уезжайте, — повторил он Ривасу.

— *Adios,* — сказал Ривас. — До свидания, Ури.

Ответа не последовало. МакЭн послал лошадей прямо и по кругу, стараясь не зацепить другой фургон. В доме горели огни, но занавески уже поснимали, и, проезжая мимо центральных окон, Ривас заглянул в столовую залу. Вся мебель исчезла, и помещение показалось ему незнакомым. Наконец МакЭн направил фургон вниз по спускающейся с холма дороге и налег на тормоз.

— Видишь вон те кусты справа? — вполголоса спросил у него Ривас. — Напомни мне сегодня же

рассказать тебе, чем я занимался за ними.

Эпилог

В полдень следующего дня Ривас сидел на крыше своей квартиры, сжимая гриф своего нового пеликана и водя смычком по струнам.

Выходило не так уж и плохо. Поначалу у него получался только писк, на который отзывались возмущенным лаем все соседские собаки, но теперь он научился держать смычок увечной рукой… хотя заняться перебором у него пока не хватало духу.

Он прислонил инструмент к подбородку, чтобы освободить правую руку, взял с пола из-под кресла кружку пива, поднял ее… и чертыхнулся.

— Мне взять у тебя что-нибудь? — сухо спросила Барбара.

— Э… пеликан.

Она встала из плетеного кресла, подошла к нему и взяла инструмент за гриф.

— Спасибо, — сказал он.

Откинув наконец голову назад, он сделал большой глоток пива, сохранившегося в тени под креслом вполне прохладным. Потом поставил кружку и снова взял пеликан.

Он сделал глубокий вдох и наиграл первые ноты «Пети и Волка». Не так уж и плохо, подумал он.

— Ты ведь это насвистывал тогда? — спросила Барбара. — В тот вечер.

— Совершенно верно, — ответил Ривас. Он ощутил на груди тяжесть нагретого солнцем медальона и вспомнил утро вчерашнего дня, когда, накрепко привязав Уранию к койке, он заставил Барбару выйти и набрать для него балансировочных грузиков с дюжины гниющих на обочине автомобилей. Когда она вернулась с пригоршней свинцовых грузов, он помог ей расплавить их, а потом проследил, как она расплющила полученную отливку в лист свинца, в который они и завернули кристалл.

— Ури притихла, когда мы обвернули кристалл, — заметила Барбара. — Значит, свинец останавливает его… влияние?

Ривас пожал плечами.

— Возможно. Вообще-то я просто хотел прикрыть его от радиации, которая делает его сильнее. — Он прищурился на солнце. — Тепло, кстати, тоже, хоть и слабее. Возможно, его лучше погрузить в холодную воду.

Барбара пожала плечами.

— Жаль, что ты не можешь просто выбросить его.

— Ты ведь хочешь этого не больше, чем я. — Он предполагал, что все, что могло остаться от хемогоблина, тоже находилось здесь.

Барбара поерзала, поудобнее устраиваясь в кресле.

— Ты говорил, что качество еды в городе быстро упадет, — напомнила она ему. — Который час?

Ривас ухмыльнулся и опустил инструмент.

— Ну, не раньше, чем нас по-настоящему осадят, — уточнил он. — Я думаю, сейчас они обирают поля и сгоняют весь скот в районе Южных ворот, так что ближайшие пару дней — пока скоропортящееся не испортится — мы будем питаться лучше, чем обычно. Но ты права, пора обедать. — Он встал — почти не пошатнувшись — убрал пеликан в футляр, сунул смычок в специальную петлю и поднял его за лямку.

— Что, ты берешь его с собой?

Он сделал было движение поставить футляр на пол, но передумал и снова выпрямился. Лицо его чуть покраснело.

— Ну, — осторожно возразил он, — никогда ведь не знаешь. Может, меня попросят сыграть.

Она помолчала немного, но все же улыбнулась

в ответ, и если глаза ее и были немного яснее обычного, слез в них, по крайней мере, он не увидел.

— Ну да, — насмешливо согласилась она. — И к тому времени ты уже так наберешься пива, что ни одной ноты верно не возьмешь.

— А потом упаду со сцены, — согласился он, — подтвердив тем самым все, что обо мне говорят.

— На такое следовало бы продавать билеты заранее.

Они спустились по лестнице — Ривас при этом пообещал себе, что через неделю будет перепрыгивать через две ступеньки, а завтра же перестанет цепляться за перила, — и двинулись в направлении Спинка.

Она покосилась на него.

— Ты собираешься оставить бороду?

Ривас ощупал заросший подбородок.

— До конца осады, пожалуй, да. Некоторое время всем будет жаль переводить горячую воду и острые лезвия на ерунду.

— Пожалуй, старине Джо Монтекрузу можно позавидовать, — заметила Барбара.

Ривас рассмеялся в ответ.

— Тоже верно. Некоторое время лысые мутанты будут иметь самую аристократическую

внешность в городе. Уверен, Ури это послужит утешением.

— Как думаешь, долго продлится осада?

— Не знаю. Ребята из Сан-Берду ставят на быструю победу, так как даже снабжения толком не организовали. Если честно, я думаю, они рехнулись.

Пройдя несколько кварталов, они свернули на бульвар Шерстяной Рубахи, и впереди замаячило заведение Спинка. Ривас вгляделся вперед сквозь колышущееся марево.

— У них там окно разбито, — сказал он. — Нет, два окна! Господи. — Он сделал попытку идти быстрее. — Они ведь не могли еще подступить к самым стенам, правда? С катапультой?

— Не знаю, — отозвалась Барбара, явно сдерживаясь, чтобы не обогнать его. — А они могут?

— Нет, нет, — заверил ее Ривас, успокаиваясь. — Мы бы услышали колокола. Как только сан-бердусское войско покажется на горизонте, все колокола в городе будут трезвонить как сумасшедшие. Нет, это, должно быть, какая-то местная потасовка.

Добравшись до ресторана, они увидели, что поперек двери приколочена длинная доска. Человек, которого Ривас никогда прежде не видел,

стоял, прислонившись к стене, и при их приближении мотнул головой.

— Извините, ребята, — сказал он. — Закрыто на ремонт.

— Я здесь… — начал было Ривас и осекся. — Я здесь работал.

— Извините. Там, внутри, такой разгром.

— Ох, черт, — буркнул Ривас, шагнув вперед и взявшись руками за доску. Внутри кто-то размеренно, не спеша подметал пол. — Моджо! Эй, Моджо, это я, Грег. Скажи этому парню, пусть нас пропустит!

Шорох от швабры стих, и через пару секунд в дверях появился Моджо.

— Привет, Грег. Конечно. Тони, они могут войти. Что ты на это скажешь, а, Грег?

Ривас и Барбара поднырнули под доску и огляделись по сторонам в полумраке. Стулья валялись перевернутые, под ногами хрустело битое стекло, а на полу у сцены громоздилось бесформенное месиво из щепок и струн, в котором Ривас не сразу, но узнал бывший пеликан.

— Что здесь все-таки случилось, черт подери? — спросил он.

— Одним леди не понравилась наша музыка, — объяснил Моджо.

Ривас и Барбара обменялись тревожными взглядами.

— Что ты хочешь этим сказать? — быстро спросил Ривас.

— Ну, это были… Постой, ты ведь жил в Венеции, Грег, может, ты видел таких. Один парень сказал, в Венеции таких уже давно пруд пруди. Эти приперлись сюда утром и, такая уж непруха, поспели в ворота как раз перед тем, как их навовсе закрыли. Они все совсем сбрендившие и грязные, и глаза у них дикие, и они маршируют, словно сам Господь Бог построил их и приказал идти вот так, и они мочат всех, кто им не понравится. Новому пеликанисту вон несколько зубов выбили.

— *Покалокас,* — произнес Ривас.

— Во-во! — обрадовался Моджо. — Аккурат так тот парень их и назвал. Он еще сказал, они терпеть не могут музыки.

— Не то слово. Как они выглядят? Путешествие из Венеции, должно быть, здорово их вымотало? — Ривас вдруг ощутил себя еще слабее.

— Ну, оно, конечно, они все были пыльные, волосы что грязная метла, но Богом клянусь, энергии у них хоть отбавляй! Одна там была, такая узколицая, вся болезненная такая на вид, — так

она голыми руками изломала Джеффов пеликан на мелкие кусочки, а сама при этом улыбалась как сытая кошка.

Ривас дотронулся до своего свинцового медальона.

— В какую сторону они пошли отсюда?

— На север. Кстати, Грег, как раз в твою сторону. Как вы сюда шли?

— Прямо по Флауэр, а потом на запад по Шерстяному.

— Ну, тогда вы, должно быть, разошлись с ними в паре кварталов. Они-то по Большому пошли. Блин, надеюсь, никогда больше таких не увижу. Вот только скажи, уж не пришли ли они сюда насовсем… ну, как, помнишь, те большие муравьи, что появились с десяток лет назад, так мы их по сию пору вывести не можем, а?

Ривас выглянул через разбитое окно на улицу. В подворотне через дорогу от Спинка дремала собака. Пара ребятишек прогромыхала мимо на самодельных деревянных велосипедах, и поднятая ими пыль повисла в воздухе почти без движения.

— Нет, — устало, почти шепотом произнес Ривас. — Нет, я думаю… они двинутся дальше. — Он обвел комнату взглядом, словно запоминая на

прощание. — Скажи, Моджо, до каких пор гражданам первого класса позволено покидать город?

— Ну… ты же сам знаешь, Грег. До колоколов. Пока не показался неприятель. А потом *никому* уже не выйти.

— Значит, у меня есть еще время на стакан пива.

— Всегда с радостью, Грег, — откликнулся Моджо, покосившись на него с легким удивлением. — Эй, нынче за счет заведения. Я хочу сказать, по-другому некрасиво получилось бы, верно?

Шуршание его швабры и стук сметаемых обломков возобновились, а чуть позже к ним добавилось «клац-клац», когда Ривас покачал ручкой насоса. Следующим звуком были гулкие шаги, приближающиеся со стороны конторы.

Улыбка Стива Спинка сделалась менее натянутой при виде сидевшего нога на ногу на барной стойке Риваса. Он подошел, вежливо кивнул Барбаре и снова повернулся к Ривасу.

— Как дела, Грег?

— Привет, Стив, — отозвался Ривас, опуская стакан и смахивая пивную пену с усов. — Жаль, что твое заведение так погромили.

— Переживем. Две недели назад мы остались без венецианского пеликаниста, зато теперь у

нас есть по крайней мере настоящие венецианские сумасшедшие тетки. — Он перевел взгляд с Ривасова футляра с пеликаном на его исхудавшее, заросшее лицо. — Да, кстати, я выяснил, что это за старикан заходил сюда тогда, помнишь? Ну, тот тип, который сказал мне, что ты совсем оцыпляченный. А теперь до меня дошли слухи, что ему вернули дочку, отбив у этой шайки.

Ривас кивнул, глядя на него сквозь стакан.

— Так вот… если исходить, конечно, что бердусцы нас не захватят… захочешь вернуться на работу — добро пожаловать в любой момент. Только скажи. — Он повернулся и пошел обратно к себе в контору.

— Спасибо, Стив! — крикнул Ривас ему вслед. Спинк махнул рукой, не оглядываясь.

Ривас допил свое пиво и сполз со стойки.

— Ты знаешь, почему мне надо двигать дальше, — сказал он Барбаре. — Хорошо еще, банк спиртного к югу отсюда. Сниму-ка я, пожалуй, все, что у меня на счету, а там посмотрю, насколько далеко распространяется уважение к эллейским деньгам. Лошадь, немного еды, спиртного, оружие — я смогу выехать из города через час. Пойдем со мной в банк, я одолжу тебе денег обустроиться на первое время, а потом, когда у

тебя все наладится, оставишь свой адрес, скажем, у Моджо, вот здесь, так что когда я смогу…

— Ты все еще считаешь бегство единственным выходом? — спросила Барбара, вытягивая длинные ноги, прежде чем встать. — Это ведь всего лишь шайка сумасшедших теток.

— Во главе с достопамятной сестрой Сью. — Он поднырнул под доску в дверях, и она последовала за ним. — Нет, Барбара, я не могу пережидать осаду, запертый с ними в одних стенах. Уж лучше удариться в бега, чем стрелять из рогатки всех встречных теток с цыплячьим взглядом… ну и конечно, если одна из них отловит меня и проглотит вот *это*… — Он дотронулся до неровного серого медальона. — Сойер вернется. И потом, черт возьми, эта шайка подобралась к нам совсем уж близко. Если я останусь здесь, они тоже будут ошиваться в городе, и ведь даже после того, как бердусцы отступят, никто не осмелится открывать ворота.

— Ты *уверен*, что не можешь уничтожить кристалл?

Они энергично шагали на юг по Большому. Ривас напрягал все силы, чтобы не отставать.

— Совершенно уверен. Помнишь, что было, когда ты положила его на мостовую и ударила

по нему молотком? Мостовая раскрошилась. И если уж на то пошло, мне известно, что тепло ему тоже не вредит… если только не выстрелить им в центр солнца. Если бы мне удалось найти по-настоящему *глубокий*, по-настоящему *холодный* колодец, я бы, может, и рискнул бы сбросить его туда, а потом провел бы остаток жизни, заваливая его самыми тяжелыми камнями, какие найду… И даже так мне не было бы покоя. Он явно не был готов к такому… ну, когда он… Понимаешь, десять лет назад он чудовищным образом ослаб, потратил слишком много энергии, которую копил целую вечность — ну, типа, как миллионер, который враз может стать нищим, если ревизию вовремя подгадать. Поэтому он не может больше проделать этот свой коронный финт, улетев в открытый космос, но, боюсь, потрудившись несколько десятков лет, груду камней он подвинуть сможет. — Они свернули за угол, и перед ними ярко засияли на солнце белые колонны банка спиртного. — Нет, я думаю, мне придется таскать его с собой и стараться держать его в холоде, и если у меня когда-нибудь будут дети, завещать этот долг им.

Барбара схватила его за руку и остановила.

— Хочешь компанию?

Он нахмурился.

— Компанию? Уж не хочешь ли ты сказать, что ты…

— Хочу пойти с тобой. Да.

Он положил руку ей на плечо.

— Нет, — мягко произнес он. — Спасибо, я очень признателен тебе за это, Барбара, но нет. Найди себе уютное жилье и хорошую работу и держи на всякий случай пару запасных одеял и чего-нибудь выпить на случай, если я загляну, ладно? Черт возьми, девочка, ты ведь и так уже прошла сквозь ад!

— А ты что, нет? И потом, думаешь, остаться здесь безопаснее?

— Лучше, чем то, что светит мне. До тех пор, пока не умрет последняя *покалокас*, мне придется прятаться, убегать, охотиться, голодать… время от времени возвращаться в цивилизацию, но каждый раз на бегу, с оглядкой. И даже когда они все помрут, у меня все еще останется *он*. — Он снова дотронулся до медальона.

— Чтобы завещать его детям? — не без ехидства спросила Барбара. — И где, интересно, ты их собираешься искать? Разве что спутаешься с кем-нибудь из *покалокас*, а?

Ривас зажмурился. В груди царила пустота, и

хотя солнце светило как прежде, ему показалось, что он только что шагнул из темной, душной комнаты на свежий воздух. Он открыл рот, чтобы сказать что-то…

И тут на восточной стене ударил колокол, а секундой спустя колокола били повсюду: церковные, на фургонах, просто гонги… Солдаты на стене выкрикивали команды, а люди на улицах просто визжали. Ривас почувствовал, как его снова сунули в темную, душную комнату.

Перекричать этот шум и гам не стоило и пытаться. Ривас схватил Барбару за руку и потащил за собой сквозь толпу к стене со стороны Догтауна.

Лестницы, ведущие на галереи, оказались уже забиты жителями Догтауна, и даже двум дюжим солдатам потребовалось некоторое время, чтобы согнать их с самой галереи. Каждые несколько секунд кто-то срывался с лестниц в толпу, размахивая на лету руками, ногами и, возможно, вопя — в общем гаме их криков все равно не было слышно.

Один из солдат держал рупор.

— *Прочь со стен!* — кричал он. — *Там не на что смотреть! Они еще не переправились через реку, они по меньшей мере в миле отсюда! Эта штука,*

которую они тащат, — не пушка! Повторяю: не пушка!

Ривас увидел, как некоторые из стоявших выше солдат возбужденно смотрят куда-то на восток, — и тут кусок стены справа от него взорвался, расшвыряв камни в толпу и постройки, а затем клубящееся облако пыли и дыма милосердно скрыло от глаз разломанное дерево, битый камень и клочки тел.

Ривас ощутил прилив животного возбуждения, словно снова вынырнул из душной комнаты на яркий свет. Пока вокруг висело марево кислого дыма, он торопливо пересчитывал все, что имел при себе: его пеликан, немного мелочи и девушку, которая — чудо из чудес! — хотела разделить с ним жизнь.

Он повернулся к ней с дикой, вызывающей улыбкой.

— Выходим через ворота Догтауна?

Она с нескрываемой радостью улыбнулась в ответ.

— Самое время.

Рука в руке они побежали вперед, кашляя от пыли и едкого запаха битого камня, перебрались через груду обломков и, снова оказавшись на солнце, сбежали по склону к реке и брошенным

у причала лодкам.